

: ОТ РЕДАКЦИИ

От редакции

ОТ РЕДАКЦИИ

«Я встречаю людей, не имеющих ума, научившегося божественному Писанию... и с великим стыдом молчу, видя, как они беснуются и пустословят, «не разумея ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают» (1 Тим 1:7), невежественно дерзают преподавать одно только свое учение и анафематствовать то, чего не знают, так что и чуждые нашей вере смеются над нами...». Это горькое замечание свт. Иоанна Златоуста из его «Слова об анафеме», которым мы открываем этот номер нашего журнала, невольно приходит на ум сегодня, когда в нашей церкви кем-то снова будируется поиск ересей и еретиков и снова находятся люди, готовые возгласить (а где-то уже и возглашающие) подобную безответственную и разрушительную для нее «анафему»...

В прошлом номере нашего журнала мы уже писали о том, как подобная «анафема» была пропета на епархиальном собрании Алма-Аты, где три священника были запрещены в священнослужении за отказ покаяться в якобы осужденной церковью «ереси неообновленчества». Как мы и предполагали, то было лишь репетицией, пробой сил тех, кто хотел бы распространить эту «анафему» в церкви как можно шире. Действительно, вскоре после этих событий издательство Свято-Тихоновского богословского института выпустило в свет книгу с характерным названием «Суд им давно готов», где десять молодых преподавателей этого учебного заведения на ста страницах пытались доказать, что свящ. Георгий Кочетков — еретик и что они с ним «принадлежат к разным Церквам»[1]. И хотя обстоятельный ответ на эту книгу уже был дан[2], мы решили обратиться к этой теме еще раз, но в несколько ином ключе.

Почти все материалы предлагаемого уважаемому читателю номера, начиная с уже цитированного Слова св. Иоанна Златоуста, — попытка понять, почему в церкви возникают подобные ситуации, какова их природа, каковы их истоки и последствия. На эти вопросы по-своему отвечает проповедь старейшего пастыря нашей церкви проф.-протопр. Виталия Борового, напоминающего нам, что подлинное богословие — это постижение Бога через веру, надежду и любовь, на которых только и могут строиться подлинно христианские, церковные отношения. Это же делает и статья одного из ведущих современных греческих богословов Христа Яннараса «Церковь — способ существования, сильный победить смерть» — о том, как отказываясь от завещанной нам Богом свободы, забывая о силе Воскресения, побеждающего смерть, мы легко превращаем Православие в форму идолослужения, а Церковь — в средство утверждения наших идеологем (о глубоко скрытом неверии в Воскресение как источнике церковного фундаментализма не так давно говорил в Свято-Филаретовском институте и проф. Оливье Клеман). Эту же тему продолжает и опубликованная в разделе «Духовные размышления» статья А. Колесова (Владимира Зелинского) «Дар и ответственность», написанная около тридцати лет назад, но к сожалению, почти не утратившая для нашей церкви своей актуальности.

Раздел «История церкви» целиком посвящен событиям конца 20-х гг. XX в., когда известнейшие русские церковные деятели митр. Евлогий (Георгиевский), прот. Сергей Булгаков и проф. А.В. Карташев были обвинены в «еретическом модернизме» со стороны по сути раскольнического карловацкого Синода. Публикуемые материалы свидетельствуют, как часто, к сожалению, богословие из собственного дела веры, надежды и, главное, любви превращается в карту в далеко не всегда честной церковно-политической игре, какие методы

при этом используются и какие от этого бывают плоды.

Об этих губительных для служения Церкви плодах говорит в своей недавней небольшой беседе, опубликованной в разделе «Церковная жизнь», и митр. Сурожский Антоний (Блум), показывая, как подобные безответственные и в сущности рабские, т.е. нехристианские обвинения мешают современной Православной церкви, ни больше не меньше, быть самой собою, быть ЦЕРКОВЬЮ. В той же беседе митр. Антоний затрагивает и прямо связанную с этой проблемой и почти «запретную» сейчас тему подлинно церковного подхода к рассмотрению любой исторической эпохи жизни церкви, в том числе эпохи Вселенских соборов, которая также требует от нас критического отношения. Об этом говорит в одной из своих проповедей и свящ. Георгий Кочетков.

Тему «православной» «ревности не по разуму» продолжает и подборка малоизвестных стихов и эпиграмм Владимира Соловьева, столетие со дня смерти которого отметила недавно наша интеллигенция. Неоднократно столкнувшись в своей жизни с подобным «православием», он как-то с горькой иронией заметил, «что правоверие с безверием/ вспоило то же молоко/ и что с холодным лицемерием/ вещать анафемы легко...»

И все же, выпуская в свет этот номер журнала, мы хотели бы заверить наших читателей, что не стремимся ни оправдывать себя, ни обвинять других, ни, тем более, высмеивать кого-либо. Мы хотели бы лишь помочь каждому верующему уму задуматься над происходящим и напомнить об ответственности христианина перед всякою и особенно православною Церковью.

---

[1] Прот. Борис Левшенко. Подводя итоги. В сб. «Суд им давно готов». М., ПТСБИ. С.

[2] См. сборник «Все испытывайте, хорошего держитесь. Комментарии к сборнику ПСТБИ «Суд им давно готов». М., 2000.

: Святость — это отдача себя Богу до конца. Слово в день Всех святых (24.06.00)

Проповедь

Свящ. Георгий Кочетков Из проповедей после вечерней молитвы

СВЯТОСТЬ — ЭТО ОТДАЧА СЕБЯ БОГУ ДО КОНЦА

Слово в день Всех святых (24.06.00)<?xml:namespace prefix = o ns = "urn:schemas-microsoft-com:office:office" />

Дорогие братья и сестры, сейчас вы уже слышали о празднике Всех святых, который, как вы знаете, празднуется всегда через неделю после Троицы. Действительно, его можно уподобить именинам Церкви, хотя это несколько метафорично. И все-таки для нас с вами очень важен этот праздник. Вы знаете, как нам важно помнить об обетованиях Господних о новозаветной Церкви. В отличие от Церкви ветхозаветной, новозаветная Церковь есть Церковь царей и священников Бога Живого. Сейчас здесь много оглашаемых, которые сегодня становятся просвещаемыми, им это тоже очень важно знать. Ведь они приступают не к

образам и теням Ветхого Завета, они приступают к Престолу благодати, к Престолу Всевышнего. В качестве кого? Просто как рабы или просто как кающиеся? Нет!

Конечно, всем христианам надо уметь каяться, а им, новоначальным, — в первую очередь: за всю прежнюю жизнь, т.е. за все то греховное и злое, что было в их прежней жизни. Конечно, всем надо уметь и служить Богу, т.е. уметь быть рабом Божиим, ведь «раб» в ветхозаветном смысле означает «служитель», «слуга», — и не случайно Сам Иисус Христос называется в Писании Служителем Нового Завета. Но главное в нашем призвании, дорогие братья и сестры, это, конечно же, возможность приобщиться к народу святых, к народу священников, царей и пророков. Да, новозаветный народ исполняет обетования, данные еще в Ветхом Завете, но ветхозаветный народ не мог вместить этого служения не потому, что Бог не хотел ему дать его, а потому, что грехи этого народа были еще слишком тяжкие и некому было снять с него тяжесть этих грехов. Только Христос, придя, снимает это бремя, это иго с ветхозаветного подзаконного народа и через покаяние приводит его, а значит, и всех уверовавших во Христа, к святому служению, чтобы приносить Богу жертвы благоприятные Иисусом Христом.

Благодатные жертвы — это очень много, это жертвы Любви, Надежды и Веры, это всегда прежде всего жертвы собою — в мире, лежащем во зле. Вы знаете, что Христос принес нам Свет, принес нам благодать, но этот Свет во тьме светит и поэтому мы еще далеко не в Царстве Небесном! Вы знаете, что нельзя даже Церковь отождествить с Царством Небесным, пусть даже и не в его полноте! Правда, сейчас находятся люди, которые готовы сделать такое отождествление, но они в этом не правы: ведь мы еще только ожидаем, чаем воскресения мертвых, мы еще чаем Небесного Царства, и значит, оно еще только приоткрыто нам. И все-таки приносить Богу богоугодные жертвы мы можем уже сейчас. И нет ни одного христианина, который бы не приносил этих жертв. Конечно, не всем дано предстоять пред образом мысленного престола, каковым является наш храмовый, алтарный престол, на котором совершается евхаристическая жертва, — для этого существует устроенная по ветхозаветному образу иерархия христианской церкви; не всем исполнять эти реально-символические служения, которые церковь совершает в надежде приблизить День последний. Но всем нам нужно быть царями и пророками, чтобы царствовать и пророчествовать, т.е. брать на себя ответственность за весь мир и Божию правду в нем, и всем нам нужно быть священниками, чтобы приносить жертвы, ибо священник — не кто иной, как тот, кто приносит жертвы своему Богу.

Каждый христианин должен быть готов отдать свое и себя Богу до конца. Господь, Который звал нас к Себе и еще через ветхозаветных пророков говорил: «Чадо, дай мне сердце твоё», дает нам возможность выполнить это призвание и отдать себя и свое сердце Ему в Новом Завете. Мы, дорогие братья и сестры, никогда не должны этого забывать. Мы приходим в Церковь для того, чтобы служить Богу, а «служить» и значит — «приносить жертвы», «священнодействовать». Служить — значит не просто исполнять заповеди, хотя кто этого не делает, тот и служить не научится, служить означает именно священствовать. Когда мы на Евхаристии благодарим Бога за эту возможность служения, то мы имеем в виду священнодействие, принесение в жертву Тела и Крови Христовых. Сама наша служба и есть такое жертвоприношение.

Многие современные люди пытаются проникнуть в тайну жертвоприношения. Ведь современному человеку, приходящему из мира сего, а значит, крайне секуляризованному, непонятно, зачем нужны жертвы, ему непонятно, что такое служение, ему непонятно, что такое священство. Это бывает непонятно даже многим священнослужителям, рассуждающим если уж не прямо по-язычески, по логике жрецов, то в лучшем случае по-ветхозаветному. И

вот поэтому нам с вами, дорогие братья и сестры, нужно вспоминать святых как тех, кто как раз отдал себя Богу до конца, кто отдал Ему свое сердце. Иногда это означало для них вместе с ним отдать и свою жизнь, отдать свою кровь, отдать свое имущество, отдать своих ближних — отцов и матерей, жен и детей, что всегда так трудно человеку в этом мире дается. Иногда это означало что-то иное, какие-то иные добровольные жертвы, добровольный уход из мира сего с его удобствами, но и с его соблазнами, с его комфортом, но и с его ужасом, с его самоубийственным ужасом и страхом. Иногда это означало еще что-то. Иногда люди отказывались от мирской логики, от здравого смысла и не боялись быть белыми воронами, юродивыми в этом мире, зная, что у Бога мудрость такова, что она не вмещается в этот мир. Иногда святость означала для кого-то возможность принять свыше Дух, чтобы пророчествовать или созерцать божественную Истину так, чтобы она открывалась им наиболее полно. Иногда святость означала просто верность и веру, простоту голубиную или мудрость змеиную.

Мы с вами должны все это знать. Нет ни одного подлинного святого, который бы не достиг этого, ибо святой, по самому смыслу этого слова, — это тот, кто предан Богу, кто отдал себя Богу до конца. День Всех святых — это день знаемых и незнаемых нами святых. Есть прозрение, все более укрепляющееся в нас, что незнаемых святых даже значительно больше, чем знаемых, и что среди знаемых, наоборот, могут быть люди сомнительной святости. Да, среди тех, чьи имена зачислены в святцы, есть люди, которых стыдно ставить в пример другим христианам. Может быть, они показывали пример в политической жизни, в строительстве нации, государства, общества и культуры, но они не предали себя Богу до конца, поэтому они могли даже убивать людей, борясь то за это общество и государство, то за ту форму и формулу веры, которые приняли от своих отцов. Вот почему нам всегда нужно вникать в духовный смысл того, что нам предлагается видеть, — не просто смотреть, а именно видеть своими духовными очами, того, что нам предлагается слышать, как имеющим ухо, а не просто слушать.

Пусть же, дорогие братья и сестры, этот день будет для нас днем радости и веселья, будет залогом счастья, ибо святость и есть счастье всякого человека. Кто будет спорить с тем, что счастлив тот, кто ближе к Богу? Он и самый первый, он и самый богатый (корень — бог-), он и самый добрый, и самый светлый. Всякое другое счастье есть счастье фальшивое, ведь все роды земных удовольствий не просто преходящи и потому плохи, — они не дают счастья, поскольку несут с собою нечто совершенно другое, всегда имея в себе темную, оборотную сторону. Мы часто об этом забываем, ибо мало чем отличаемся от людей мира сего, какие бы одежды мы ни носили, какие бы Символы веры ни повторяли, какие бы книжки ни читали, в какие бы храмы ни ходили.

О, если бы мы могли жить всегда во свете святости Божией, во свете Божьей святости! Стать святым нужно каждому, кто хочет начать служить, начать священнодействовать, начать царствовать. Большинство людей по природе таковы, что они завидуют царям и священникам, но в Церкви Христовой этот дар дан всем, кроме тех, кто к Церкви имеет отношение лишь косвенное или вовсе не имеет отношения к ней, хотя об этом, может быть, и сам не знает.

Будем же благодарить Бога за Его дары. Будем искать святости и святых, ибо только у них можно научиться пути жизни, — никто другой научить ему нас не сможет. Пусть каждый знает, что день Всех святых — это также день Церкви, как и недавний день Пятидесятницы, но Церкви служащей, т.е. священствующей, и царствующей, и стремящейся к откровению полноты Небесного Царства, полноты правды, мира и радости во Святом Духе.

Аминь.

: Главное — научиться жить в Духе Святом. Слово на Пятидесятницу (17.06.00)

Проповедь

Свящ. Георгий Кочетков Из проповедей после вечерней молитвы

ГЛАВНОЕ — НАУЧИТЬСЯ ЖИТЬ В ДУХЕ СВЯТОМ

Слово на Пятидесятницу (17.06.00)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогие братья и сестры, во-первых, поздравляю всех вас с праздником святой Пятидесятницы, Святой Троицы, с днем Сошествия Святого Духа на апостолов. Во-вторых, приветствую тех, кто закончил свое «пустынное» странствие во время Пятидесятницы — такое благодатное и замечательное время! — и теперь пришел, чтобы, уже набравшись некоторого опыта, подумать о своей дальнейшей церковной жизни.

Итак, у нас сейчас праздник, праздник христианский. Что это значит? Это всегда значит одно и то же: когда приходит в этот мир Свет, то его пытается объять тьма. Но как сказал апостол Иоанн: «Свет во тьме светит, и тьма его не объяла». И не обманет никогда, что бы ни случилось!

Удивительно, дорогие братья и сестры (может быть, вы сегодня обратили внимание на это), что даже во времена Ветхого Завета, как это явствует из тех ветхозаветных чтений, которые мы сейчас слышали (а вы можете вспомнить и соответствующие новозаветные чтения), церковь праздновала не образы и тени событий, а сами эти события. Церкви всегда было важно само событие сошествия Святого Духа — сначала на судей израильских, потом на апостолов и на учеников апостолов, и на учеников этих учеников, и дальше, дальше — до нас, грешных. Таким образом, церковь ныне празднует сошествие Святого Духа на всех, на всю полноту Церкви, потому что именно это сошествие и дает возможность новозаветной Церкви жить, и жить в полноте.

Пожалуйста, обратите на это внимание, ведь даже наше таинство Миропомазания лишь указывает на происходящее или происшедшее событие сошествия Святого Духа. Помните, в чине таинства говорится не «сходит Святой Дух на вас», а «печать дара Духа Святого». Печать — это тоже знак, образ, указатель, но указатель, главным образом, тех границ, в которых может действовать Дух Святой в этом мире, который еще лежит во зле.

Нам с вами это надо помнить, ведь мы иногда желаемое выдаем за действительное, указатель — за указуемое, хотя этого делать не следует. Если вы с этой точки зрения прочтете все Священное писание как Ветхого, так и Нового Завета, то увидите, что ценно в очах Господних только то, что реально существует, а не просто то, о чем говорят люди, даже если это люди из народа Божьего и даже если они не лишены пророческого дара. Мы можем многого желать и многое предполагать, но и нам следует знать, что вполне ценно только то, что существует в Церкви как богочеловеческом Телe, мире Божьем, Царстве Божьем, т.е. то, что обладает, как мы с вами уже привыкли говорить, качеством духа, его экзистенцией, качеством его высшего существования. Конечно, и все то, что указывает на это, также очень ценно и важно. Как вы знаете, плохо бывает шоферу на дороге, где нет указателей, сейчас даже серьезную книгу мы не можем представить себе без системы указателей. Но как бы ни были важны указатели на

пути, вполне важен лишь сам путь, то, на что указывается. Эллинское сознание, для которого более ценны и реальны были именно идеи, некие идеальные образы, т.е. те самые указатели, именно здесь в принципе и отличалось от сознания народа иудейского, длительное время в период Ветхого Завета привыкшего скорее смотреть на прямые дела Божьи, а не только на указатели, от сознания библейского, выработавшего и свою систему указателей, причем большую, иногда даже слишком большую систему, как это часто бывало при длительной человеческой истории, но более всего всегда ценившего историю Божию, Священную, а значит, и самое дело Божие, являемое прямо от Бога или через человек, животных и мир, все равно.

Нам с вами нужно об этом вспомнить, чтобы не останавливаться на полпути. Поэтому когда мы сегодня говорим о сошествии Святого Духа, мы должны спросить и себя: а возрождены ли мы Святым Духом, а сошел ли на нас Святой Дух, или на нас «сошли» одни лишь образы, печати, тени и указатели? Мы должны спросить себя: что мы несем в своем опыте, в своей эмпирической жизни? Чему мы учим других, какой пример показываем им? При этом нам очень важно знать, как отличить эмпирический образ от первообраза, а этот мистериальный прообраз, пра-образ, первообраз от мистической первореальности. Нам с вами теперь нужно не только учиться пользоваться указателями, которые в большом обилии выработало и новозаветное человечество, для нас теперь всегда будет главным — научиться жить в Духе Святом, жить в Любви, жить во Свете, жить в Вере и Надежде, жить в духовной Свободе. Тогда нас не устроит ничто и никто, тогда нам не страшны будут никакие суждения человеческие о нас, и если Бог будет говорить одно, а человек — другое, мы, не колеблясь, выберем Божье.

Для этого нам будет важно научиться отличать и Церковь Божью от тех, кто только говорит в церкви от имени Церкви, ведь иногда эти лица совпадают, а иногда — и нет. Так, я вам уже говорил неделю назад о тех печальных событиях, которые происходят сейчас в Алма-Ате. Я надеюсь, что вы молитесь за иеромонаха Серафима, иереев Василия и Евгения, которые были запрещены в священнослужении и отчислены за штат только за то, что были послушны голосу своей христианской совести, голосу Божьему, а не просто человеческому начальству, и которые хотели это послушание Богу предложить всей церкви. Но людям нередко кажется, что Церковь, которая родилась на Пятидесятницу в огненных языках, должна, будучи «столпом и утверждением Истины», стоять неподвижно как столб или пень. Люди забыли разницу между одним и другим. Они забыли, что Церковь — живое Тело Христово, они забыли о том, что оно должно постоянно эту жизнь выявлять, проявлять и совершенствовать. У Церкви есть призвание в истории: она должна двигаться, как она всегда двигалась. И если она стоит неподвижно, не проявляя признаков жизни, то это уже не Церковь, а ее темный двойник. Это уже некая секта, пусть даже большая или официальная. Часто людям, особенно начальствующим, хочется, чтобы церковь была именно такой, потому что такой церковью легко управлять, ее легко поработить, подмять под себя, с нее легко «стричь купоны». Очень часто людям начальствующим не нравится, когда кто-то, столкнувшись с неправдой, может поднять голос и сказать: «Простите, но то-то и то-то — неправда», а столкнувшись с грехом, сказать: «То-то и то-то — грех». В этом — вся суть конфликта в Алма-Ате.

Три священника из лучших в епархии запрещены в священнослужении. Для нас с вами это очень серьезный звонок. Мы не имеем права делать вид, что ничего не происходит. Мы не имеем права отдать церковь на откуп злым силам, действительно мертвящим и лживым силам, которые не могут ничем другим пользоваться, кроме как клеветой и злобой и своей внешней властью, данной им часто совсем не Богом. Еще святой Григорий Богослов говорил: «Многие облечены саном, но не все имеют благодать. Не трепещите пред высотами сана». Он говорил это о плохих епископах. Нам с вами очень важно смотреть на реальности жизни. Нам важно реагировать на всякое зло, которое пытается подменить собой добро. Мы не можем не различать Церковь и ее темного двойника, потому что этот темный двойник пытается объявить

саму Церковь и всякое проявление ее жизни — ересью и установить норму, далекую и от слова Божьего, и от учения святых отцов, и от веления Духа. В день Пятидесятницы нам нужно об этом думать и молиться. Мы с вами не имеем права поддаваться на искушения, только потому что легче жить так, как все. Мы не имеем права выбирать широкие пути и поддаваться соблазну.

В Алма-Ате епархиальное собрание, длившееся целых пять дней, каким-то неведомым путем, «вдруг» не только потребовала запрещения и даже анафематствовала, пропела анафему одному из этих трех священников, как вы знаете, в присутствии епископа Алмаатинского и с его участием, но почему-то еще потребовала и разбирательства деятельности нашей общины на грядущем Архиерейском соборе. Кажется, причем здесь Алма-Ата? С великой печалью нам написали оттуда добрые люди, что если то, что они видели в эти дни, и есть православная церковь, то какое они могут иметь отношение к ней? Представляете, до какого соблазна дело дошло? С великой печалью они еще написали нам, что им кажется, что все это было срежиссировано из Москвы или из Троице-Сергиевой лавры от тамошних псевдостарцев. Увы, это совпадает и с нашим наблюдением: такие вещи не происходят сами по себе никогда и нигде.

Однажды я уже имел дело с одним письмом на имя патриарха, подписанным (удивительное совпадение!) как раз все тем же самым архиепископом Алмаатинским Алексием, где описывались абсолютно неправдоподобные и клеветнические вещи. С этого письма и начались наши открытые церковные гонения в 1993 г. Большинство из вас этого не знает, но именно по поводу этого письма, а не по поводу богослужения или оглашения, или богословия и пастырской практики мы имели разговор со Святейшим Патриархом в конце 1993 г. И тогда скоро нам стало ясно, что это письмо было написано все по тому же заказу из все того же центра, скорее всего людьми, которые очень хотели забрать у нас Владимирский собор тогда еще бывшего Сретенского монастыря.

Таким образом, и ныне история повторяется, и она повторяется каждые три года перед архиерейскими соборами или сразу после них. В 1994 г. нас лишили Владимирского храма — перед Архиерейским собором 1994 г. В 1997 г. нас лишили Успенского храма — после следующего Архиерейского собора, 1997 года. И сейчас нас пытаются лишить всякой возможности нормально молиться и причащаться, хуже того, нас пытаются обвинять даже в ереси перед самым Архиерейским собором, который состоится в середине августа этого года. Как сказал один очень опытный человек: «О, им мало вас сбить с ног, им хочется вас добить. Им мало вас унижить и оскорбить, и обобрать, и оклеветать. Им хочется, чтобы вы не существовали, не жили!» Одним не хочется по одним причинам, другим — по другим. Одни, так называемые правые в церкви, не хотят этого потому, что их идеал — вот эта бездвижность, и мы никак не вписываемся в его рамки, а другие, так называемые левые, тоже не хотят и не будут нас защищать, потому что им немножко завидно, что все то, что хотели делать они, им делать не удастся, а нам, по милости Божией, удастся, но кто они, а кто мы. Поэтому всем нам рассчитывать на какой бы то ни было серьезный разговор ни на Архиерейском соборе, ни на создаваемой богословской комиссии, ни в патриархии практически не приходится. Слишком все сходится. Можно рассчитывать лишь на чудо Божие, которое нас спасало всегда. Мы опять оказываемся в ситуации, по-человечески безвыходной. Уже в какой раз! Но ведь каждый раз — это реальная опасность. Сейчас она, пожалуй, самая большая, сейчас «час пик», сейчас наши оппоненты идут в свой «последний и решительный бой», — именно потому, что знают: следующего, четвертого Архиерейского собора, где можно было бы с нами делать все, что угодно, у них не будет. Это их последний исторический шанс. Слишком серьезно меняется жизнь, она давно работает против них, хотя они еще очень сильны в церкви, они пока правят бал, их боятся и архиереи, приличные архиереи, а такие, конечно, в ней есть.

Я очень хотел бы, дорогие братья и сестры, чтобы вы не унывали. Я специально говорю вам обо всем совершенно откровенно, в день Святой Троицы, потому что мы можем надеяться только на действие Духа Святого, не насилующего, но являющегося великой силой, перед которой не устоит ничто Ему противное. Что нам предстоит в ближайшие два месяца, предсказать более чем сложно. Да, верно, что патриарх благословил наше предстоящее паломничество официально, письменно. Да, мы получили благословения и от митрополита Минского, и от митрополита Варшавского, и от многих других архиереев, и устно и письменно. Но удивительным образом некоторые архиереи как-то боятся с нами встречаться, даже те, которые в прошлом году это делали спокойно — в прошлом году, когда, казалось, все было хуже. Но сейчас мне хотелось бы, чтобы ваша надежда на Бога лишь укрепилась, чтобы вы действительно показали, что вы — люди верующие, и даже если вам придется пройти «долиной смертной тени», через новый виток клеветы, злобы, осуждения, вы не оробеете и из Церкви не уйдёте.

Как вы знаете, и все те документы, которые готовит на нас богословская комиссия, насколько сейчас мы располагаем информацией, они все, как бы сказать помягче, неадекватны и не объективны. А отвечать никакой возможности у нас нет. Когда в Алма-Ате кричат: «Отрекитесь от ереси кочетковщины, от ереси необновленчества, потому что они учат, что церковь требует изменений, улучшений, и значит, этим они якобы не признают слов апостола Павла, что Церковь есть столп и утверждение истины», можно только дивиться такой логике и таким утверждениям, но никто из нас не имеет возможности ничего ответить на официальном уровне.

Сейчас нам все понятно. Все складывается как бы в одно: события в разных епархиях и в Москве. Но нам с вами, дорогие братья и сестры, не надо бояться: «Если Бог за нас, кто против нас?» — так говорит нам Писание. Многие святые проходили не просто через всякие запрещения и отлучения, они проходили еще и через тюрьмы, и ссылки, и мучения. Святому Максиму Исповеднику так просто отрезали язык и руку, — кажется, так? — хотя это был один из величайших святых нашей церкви. И делали это не враги, а, как им самим казалось, защитники Христианства, Православия.

То, что сейчас творится в Алма-Ате, даже и не снилось ни нам, ни тверичам, которые прежде всегда были у нас в авангарде, претерпевая наибольшие гонения. Нам с вами нужно проявить свою любовь и веру, нам с вами нужно покрыть любовью все, что можно покрыть любовью — нельзя покрыть любовью лишь то, что любовь не принимает в принципе, как это было в нашей истории семь лет назад и три года назад, или как это в ряде случаев уже есть в этом году. Нам нельзя расходиться, только в единстве — сила, как бы страшно нам иногда ни было. Мы должны дальше собирать со Христом, а не расточать. Мы не можем спрятаться под корягой, желая как бы переждать лихолетье, мол, пройдет время, и ситуация в церкви изменится. Хотя, конечно, она обязательно изменится, потому что все-таки это — церковь. Что бы она ни испытывала на себе, этот морок сектантского, еретического фундаментализма не сможет в ней долго существовать, хотя он еще может очень многое разрушить, как и уже разрушил. Нам с вами нужно быть самыми лучшими христианами, при полном сознании того, что мы немощны и грешны, — только тогда мы перейдем через эту долину смертной тени, не повредившись и не потеряв ни рассудок, ни себя, ни других, не потеряв ни веры, ни любви, как это, к сожалению, нередко случается у одиночек, которые начинают всех осуждать и в результате перестают ходить в храм и вообще жить церковной жизнью, говоря: зачем нам такая иерархия, зачем нам, в конце концов, такая церковь? Но мы не можем покинуть Церковь Божию, если она в беде! Ведь если разбойники нападают на родной дом, нападают на отца, на мать, на детей, на братьев и сестер, кто может взять и просто сбежать или зарыть голову в песок? Только человек трусливый и неверный, только человек, живущий своими страстями и своими интересами.

Нам сейчас нужно ничего не потерять, хотя и придется, наверное, избавиться от всякого груза, от всего, что не может нести с собой корабль, попавший в бурю в открытом море. Что делать, иногда этому кораблю приходится выбрасывать и вещи нужные, ценные, но не жизненно важные, — именно для того, чтобы спасти жизнь себе, экипажу и пассажирам.

Пока нам не до периферийных дел, сейчас мы должны сконцентрироваться на самом главном, на жизненно важном, потому что от этого будет на долгие годы вперед зависеть не только наша с вами жизнь, но и жизнь очень многих людей по всей нашей стране, а на самом деле — во всем православии, а значит, и во всем мировом христианстве. Предстоящие два месяца могут иметь очень серьезные исторические последствия. Если мы будем сидеть и ждать, что кто-то другой что-то сделает, если в это время мы будем заниматься только собой и только своим, то мы можем эту бурю не пережить. Да, церковь будет существовать и без нас, да, найдутся в ней и другие люди, но я думаю, что нет воли Божией в таком развитии событий.

Так давайте же молиться и действовать в силе Духа, в Духе и Силе, потому что только это убеждает людей, только это и можно праздновать, только это, в конце концов, и важно в нашей церковной христианской жизни!

Аминь.

: Свящ. Георгий Кочетков. Из пропо

Проповедь

Свящ. Георгий Кочетков Из проповедей после вечерней молитвы

НАМ НУЖНЫ ДЕРЗНОВЕНИЕ И СВОБОДА СВЯТЫХ ОТЦОВ Слово в Неделю 7-ю по Пасхе — св. отцов Первого вселенского собора (10.06.00)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогие братья и сестры!

Тот отрывок из Священного писания, который мы сегодня слышали, хоть и небольшой, но очень важный с точки зрения нашей веры и жизни, и конечно, его значение выходит далеко за рамки Ветхого Завета. Посмотрите, дорогие братья и сестры, вот наступает время, когда манна небесная перестает падать. Мы не однажды с вами говорили о том, какое значение имеет это событие в Ветхом Завете: народ израильский ушел из дома рабства, совершил свой исход, он входит в землю обетованную, совершает Пасху, начинает сам себя кормить, и поэтому манна падать перестает.

Для нас с вами это понятно и в новозаветном контексте, когда мы тоже однажды входим в новый период нашей жизни, равносильный вхождению в землю обетованную, когда мы тоже обретаем силы, чтобы прокормить себя и весь народ духовно. Тогда нам не стоит ждать того, что обычно в церкви имеют люди новоначальные. Нам уже не стоит ждать того, что благодать будет с нами всегда, что бы мы ни делали, куда бы ни пошли. Ведь мы знаем: человек новоначальный получает ее очень быстро и уж явно не по заслугам: стоит ему только обратиться в молитве к Богу, как уже благодатью наполняется сердце, хотя он многого еще не сделал для того, чтобы это сердце очистить, освятить и омыть. В этом даре любви Божией, в

этой благодати в чистом виде открывается милосердие Божие. Но мы с вами хорошо знаем и то, что проходят годы, и это состояние меняется. И мы должны быть к этому готовы, мы должны быть готовы к этой перемене, когда благодать может как бы отойти от нас, когда эта явная манна с Небес падать перестает, потому что наш переход к новой жизни совершился. Не то, что мы становимся при этом совершенно безгрешными и святыми, — если и святыми, то только в очень древнем смысле этого слова, в том смысле, в каком Новый завет говорит о всем народе Божьем, о новозаветной Церкви как о народе святом. Нет, дорогие братья и сестры, дело не в этом, мы просто как бы подпадаем под новый духовный закон: кому больше дано, говорит Писание, с того больший и спрос. А когда с нас больше спрашивается, нам приходится дорого платить за свои ошибки, нам часто приходится проходить и долиной смертной тени, нам приходится брать на себя крест, а крестоношение бывает тяжким, очень тяжким, дорогие братья и сестры!

Но мы не имеем права унывать, потому что Небо, которое являло нам себя в манне, опрокидывается на землю, и земля, на которой мы теперь стоим, — земля святая, так что и ангелы Божии в лице вождя воинства небесного нисходят на землю и помогают нам!

Такое не однажды происходило в истории новозаветной Церкви, такое происходило не однажды даже в нашей маленькой истории, истории нашей с вами жизни, даже если вспомнить лишь последние десять лет. Народ обновлялся, народ укреплялся и тогда ему предстояло пройти крестным путем страданий, гонений, испытаний, и значит искушений. И тот, кто испугается этого, тот не достоин войти в землю обетованную, войти в Царство Небесное...

Сегодня же, дорогие братья и сестры, воскресение, посредствующее между праздником Вознесения и святой Пятидесятницей, праздником Святой Троицы, и мы, как обычно в этот день, празднуем память отцов Первого вселенского собора. Вы уже слышали сегодня замечательные, правда, страшноватые стихиры, которые нам много говорили об осуждении Ария и об учении, утвержденном в 325 г. в Никее. Стихиры действительно устрашающие, даже несколько кровожадные. Но что делать? Это стихиры древние. Однако не в этом суть. Мы вспоминаем память отцов Первого вселенского собора и должны хоть немного задуматься о том, что такое эти Вселенские соборы. Ведь Первым вселенским собором открылась совершенно особая, новая эпоха, которая по преимуществу называется эпохой святых отцов. Когда мы говорим о святоотеческой эпохе, мы имеем в виду эпоху, точно датированную от 325 до 787 г., т.е. от Первого до Седьмого вселенского собора, поскольку других Вселенских соборов мы с вами на сегодняшний день не признаем, в отличие от Западной церкви и мнений некоторых православных прошлого.

Так что же это за эпоха, эпоха святых отцов? Эта эпоха, как и всё в человеческой истории, имеет две стороны. Положительная сторона очевидна, она всегда подчеркивается и прославляется в церкви: в эту эпоху утверждается учение о Боге, о Христе, выстраивается определенная умопостигаемая целостность, догматическая система нашей церкви. И действительно, это была великая эпоха, дорогие братья и сестры! Ведь тогда церкви предстояло учесть исторические обстоятельства своего бытия: она все более и более локализовывалась в границах вселенной, экумены, т.е. Римской империи, а эта империя имела свой менталитет, интеллектуально и духовно она говорила на определенном языке, и поэтому церкви нужно было перевести истины своей веры, выраженные на трудновоспринимаемом в Римской империи, в экумене языке Священного писания, на язык, на котором говорили и мыслили жители этой империи, как Восточной, так и Западной, но по преимуществу восточной, греческой ее части. Ведь Западная церковь, как известно, всегда присоединялась к Восточной, помогала ей в догматических спорах, но сама активного участия в них почти не принимала. Да

и все Вселенские соборы происходили на Востоке, все! И это не случайно.

В результате этой работы церковь нашла соответствующий антиномичный онтологический язык для выражения своей веры и для совершения своих таинств, в чем и состоит огромная заслуга эпохи святых отцов, эпохи семи Вселенских соборов. Церковь тем самым отвергла все то, что приходило в нее извне и приносило чуждый огонь и чуждый дух пред Богом.

Как бы это сделать и в наше время, дорогие братья и сестры? Здесь огромная проблема. Ведь множество людей в наше время готовы подписаться под всеми вероучительными формулами старой святоотеческой эпохи, эпохи Вселенских соборов, тем не менее привнося при этом все тот же чуждый дух и чуждый огонь пред Богом. Я помню одного антропософа, который говорил священнику, причащавшему его: «А почему я не могу причащаться в вашей церкви? Ведь я готов подписаться под всеми вероучительными формулами». И продолжал причащаться. При этом он был сознательный антропософ, а как известно, антропософия — это ересь, если не больше. Причем это — настоящая ересь, невыдуманная. Сейчас много желающих выдумывать ереси, особенно среди тех, кто пока еще толком не знает пути правды и истины в Церкви и не знает учения святых отцов, а есть ереси настоящие, но их-то как раз отделить от церкви пока и не удастся. И поэтому сегодня перед нами стоит та же задача, что когда-то стояла перед отцами Вселенских соборов, начиная с Первого. Ныне мы должны были бы перевести классический эллинистический язык нашего вероучения и таинств на некий современный язык, который выразил бы ту же веру и принципы той же христианской жизни, но применительно ко всем нам, говорящем уже совсем на другом языке, нежели язык эллинизированных жителей Римской империи. Однако в наше время многие христиане потеряли дерзновение, они потеряли духовную свободу святых отцов, о которой так замечательно писал о. Георгий Флоровский, утверждая, что мы должны именно в этом смысле идти за отцами вперед, а не назад. Он считал, что мы должны обрести ту свободу духа, творческого духа, дерзновенного и смиренного духа, которой обладали наши святые отцы.

Да, древние Вселенские соборы сделали очень много хорошего, но как я уже упомянул, они способствовали и локализации христианского мира во времени и пространстве, хотя бы уже лишь потому, что Вселенский собор, по определению, мог собрать только Римский император, живущий в Константинополе. Только он! — Никакой патриарх, ни папа, никто иной кроме императора никогда не собирал Вселенских соборов. А сейчас за неимением таковой империи и таковых императоров собрать Вселенский собор в прежнем смысле слова в принципе невозможно: нет экумены, нет Римской империи, нет и ее культуры, и ее языка. Есть только воспоминания о них, тени и образы, рожденные ими, известные и понятные лишь немногим. И это жаль, потому что подрывает миссионерское служение и кафоличность Христовой Церкви.

Мы можем также очень сожалеть о том, что Вселенские соборы часто способствовали огромным расколам в церкви. Отцы этих соборов не всегда были достаточно внимательны друг ко другу, ведь поскольку эти соборы собирались и утверждались императором, а значит и людьми, близкими к ним, то там всегда было много политики. Вспомните историю! Сколько гонений, сколько крови тогда пролилось, причем крови часто не своей, а чужой! За что? За новый менталитет в церкви: то за термин «ипостасис», то за термины «усия», «омоусиос» и т.д., примененные к христианской вере, к контексту христианской веры. Но может ли быть оправдано это пролитие чужой крови, даже за столь жизненно важные для церкви вещи? Ведь мы с вами хорошо знаем, что однажды Господь сказал Своим ученикам, которые хотели низвести огонь с неба на тех, кто их не принял: «Не знаете, какого вы духа».

Увы, дорогие братья и сестры, церковь с посленикейского времени постоянно давала повод для обвинений ее в излишней близости к государственным интересам, к политике. К сожалению, эти обвинения не пустые. Только неправильно было бы их абсолютизировать. Нельзя сказать,

что вместе с константиновской эпохой Церковь как бы прекратила свое существование и возродилась где-то потом — в той или иной секте или у протестантов и т.д. и т.д. Вот это неверно: Церковь всегда жила и существовала, всегда! Она всегда была равна себе. Только она имела или более, или менее благоприятные исторические возможности для своего внутреннего самовыражения и для своего внешнего свидетельства, для своей миссии в мире. Политика многое испортила и портит в церкви до сих пор, точно так же, как и излишняя привязанность к своей истории, т.е. желание взявшись за плуг оборачиваться назад, или к своей национальной культуре т.е. желание выделить свой народ в церкви как основной, основополагающий, системообразующий. Однажды греки назвали это ересью филетизма, борясь в конце XIX в. с церковным национализмом болгар, но сами же, как это нередко бывало в истории, впали в ту же ересь. Не случайно в последнее столетие по всему миру если и приходят люди разных национальностей и культур в православие, то более всего не в греческое, а в какое угодно другое, преимущественно русское. Так было до последнего времени, до последнего десятилетия, потому что в последнее время опять многое изменилось не в лучшую сторону, особенно в русском православии. Теперь бегут и от него.

Мы должны прославлять святых отцов. Мы знаем, что наша вера апостольская и отеческая, и мы сохраняем верность святым отцам и воспеваем: «Благословен Бог отцов наших!» Но мы должны знать во всем меру. Мы должны знать, что прославляя святых отцов, мы не прославляем подряд все, что связано с их жизнью: то, что они сделали пред Богом и Церковью доброго и хорошего, за что они и прославляются, конечно, перекрывает негативные стороны той эпохи, но не отменяет их для нас, желающих знать историю доподлинно, а не просто в житийном, елейно-сусальном варианте, где по самому закону жанра неудобно говорить ничего критического, неудобно говорить правду во многих ее проявлениях. <...>

Нам надо, дорогие братья и сестры, уметь делать выводы из нашей церковной истории. Нам надо уметь понимать, что происходит, и значит, что делать для того, чтобы движение нашей истории было более благоприятным. Ну, а каково это движение нашей истории, вы, в принципе, знаете.

Поэтому прошу вас быть внимательными ко всей церковной истории, чтобы не повторять ошибок прошлого, чтобы не сбиваться с пути истины. Ведь это, к сожалению, слишком легко сделать, поскольку сейчас в церкви слишком велико давление многих чуждых Богу духов. <...>

Давайте же жить в Церкви и быть самими собой, жить в приобщенности к полноте Божьего Откровения и Богопознания, в полноте Священного Писания и Предания, принципов учения святых отцов и канонов Церкви, жить так, чтобы мы действительно были православными не на словах, а на деле. Конечно, это не будет означать, что мы станем идеальными христианами, но это будет означать, что мы вышли из дома рабства, совершили свой исход. И пусть манна снова перестала падать, и нам нужно будет пройти вновь и вновь долиной смертной тени, неся свой крест, но у нас другого выбора, другого выхода нет. Это Божеский путь, это узкий путь, но если мы хотим быть настоящими учениками Господа, то давайте его не бояться. И пусть Господь поможет всем нам, кто бы кем здесь ни был, кто бы откуда ни приехал, ни пришел, быть верными учениками Христа, быть верными чадами Церкви, Церкви Божьей, Церкви Христовой во Святом Духе.

Аминь.

: Протопр. Виталий Боровой. О «богословских добродетелях». Слово в день памяти свв. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии (29.09.77)

Проповедь

Протопр. Виталий Боровой

О «БОГОСЛОВСКИХ ДОБРОДЕТЕЛЯХ»

Слово в день памяти свв. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии (29.09.77)

Дорогие братья и сестры, сегодня вечером и завтра мы совершаем службу в память св. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии. История их свидетельства о Господе, их мученичества ничего особенного собою не представляет. Случилась она в 137 г. в Риме, при императоре Адриане, и в самом событии этом нет ничего, что отличало бы их от других подобного рода святых людей того времени, свидетельствовавших о Господе, пострадавших и отдавших за Него всю свою жизнь. Но этот праздник пользуется особенной любовью в нашем народе, ибо народ наш очень любит эти имена — Вера, Надежда, Любовь, София — и у нас очень много женщин, которые эти имена носят.

Когда мы читали акафист в честь этих святых мучениц, там часто повторялась похвала им, где говорилось, что они тезоименитые, т.е. носят те же самые имена, что и три богословских добродетели: вера, надежда, любовь.

Три богословских добродетели... Наше ухо привыкло воспринимать слова «богослов, богословское» как что-то особенно ученое, специально посвященное изучению глубокой науки о Боге. И у нас возникает впечатление, что называя эти добродетели богословскими, церковь желает сказать, что эти добродетели в первую очередь, особенно, должны быть свойственны богословам. Но это обманчивое и ложное впечатление, ибо слово “богослов” в самом начале, по своему происхождению не означало то, что означает сейчас — такого профессионала, который изучает специальные богословские науки: историю церкви, догматику, нравственное, основное богословие, экзегетику, литургику и всякие другие специальные науки, которые нужны священникам, деятелям церкви, ученым церкви. Ничего подобного — первоначально слова “богословие, богослов” означали то, что они и должны означать. Греческое слово «логос» (по-русски — слово) значит просто понятие, умствование, рассуждение. И в древности, в первой церкви это слово имело то значение, что каждый христианин, каждый верующий был тем, кого мы теперь называем богословом. Каждый был призван богословствовать, ибо каждый верующий должен иметь понятие о Боге, должен постигать Бога, должен стремиться к общению с Богом. А всякий, кто верует в Бога, кто стремится постигать Бога, — постигнет Его. Кто стремится понять Бога, кто стремится пережить общение с Богом, — тот и есть богослов. И добродетели вера, надежда и любовь называются богословскими не потому, что они нужны этим профессионалам — ученым, докторам богословских наук, и только им, — а потому, что это и есть те добродетели, те свойства каждого верующего, каждого христианина, которыми только и можно прийти к общению с Богом. Только через веру, только через надежду, только через любовь можно постигнуть Бога (конечно, в пределах человеческой возможности), можно знать Бога, ощущать Бога, получить благодать Божию. Богословские добродетели — это значит:

ведущие к пониманию Бога.

Мало того, я должен сказать, что это не специально христианские добродетели, потому что сказано, что они не христианские добродетели, а именно богословские добродетели. Это значит, что каждый человек, кто имеет веру, имеет надежду, имеет любовь, даже если он не христианин, в какой-то степени может иметь общение с Богом, в какой-то степени может постигать Бога. Потому что это единственный путь, единственное средство постижения Бога и общения с Богом — вера, надежда и любовь. Другого пути и других дорог нет, не дано.

Ум человека, мысль человека, наука человеческая могут возвышаться до постижения Бога, но постичь Бога самостоятельно они никогда не могут, потому что умственные возможности человека ограничены. Человек живет в условиях материальной жизни, человек живет в трех измерениях, человек ограничен рамками материального бытия и рамками своего телесного бытия, а Бог есть Дух, Бог есть абсолютное духовное Существо и постигнуть, понять Его, войти в общение с Ним путем наших ограниченных, приспособленных к материальному бытию умственных средств мы не в состоянии, поэтому единственная дорога, которая у нас остается, — это дорога души человеческой через веру, через надежду и через любовь.

Об этом, дорогие братья и сестры, говорит нам апостол в 13-й главе Первого послания к коринфянам, которую иногда называют «гимном любви». Он говорит так: Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Это значит, что если я достиг совершенства, если я и все человечество научились управлять природой, всем миробытием так, чтобы даже переделывать естественный порядок, если я стал хозяином всего, но любви не имею, то я нищ, мое могущество — ничто, ничто моя сила, ничто моя техника, ничто все мои достижения. В конечном итоге они оказываются пустотой.

И если я раздам все имение мое и отдам тело на сожжение, а любви не имею, — нет мне в том никакой пользы. И это правда, дорогие братья и сестры, потому что мы сами видим, на опыте нашем узнали, что любые достижения человеческого гения, знания, организации, науки, общественных благ — любые достижения человека, если они сделаны не во имя любви к человеку, если они не воодушевлены любовью, — они, в конце концов, приносят только вред. Ибо и самые страшные изверги, которые убивали и лишали свободы миллионы людей на протяжении всей истории до настоящего времени (и в последнюю войну это было особенно видно), могли обладать совершенным знанием высокой техники и употреблять все это во зло, для истребления людей.

И дальше апостол описывает, что такое любовь: Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут и знание упразднится. И действительно, дорогие братья и сестры, любовь, если она есть в человеке, делает человека способным перенести все, готовым идти на любую жертву во имя этой любви. Любовь делает человека доверчивым, надеющимся, терпеливым, все переносящим. И любовь никогда не прекращается, если она настоящая любовь, ибо, как мы слышали в акафисте, любовь сильнее смерти. Даже люди, которые убивают других, — они могут лишить человека жизни, но они не способны овладеть его любовью, неспособны прекратить его любовь, ибо любовь делает невозможное, творит чудеса.

И дальше апостол говорит о значении любви: Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем; когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится. Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал

мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно; тогда же — лицом к лицу; теперь я знаю отчасти, а тогда познаю подобно как я познан. Дорогие братья и сестры, апостол здесь нам разъясняет, почему именно вера, надежда и любовь, особенно любовь, так важны. Ибо он говорит: мы все сейчас на земле подобны детям, которые по-детски рассуждают, по-детски верят, по-детски понимают, которые не в состоянии постичь тайны миробытия, окончательного смысла жизни, всего того, что существует в Боге и от Бога. Мы — как дети, а будет время, когда мы все станем взрослыми и будем действовать и понимать как взрослые. Он говорит, что сейчас мы видим, постигаем тайны миробытия, тайны Бога как бы в туманном зеркале. Стираются контуры, очертания, что-то есть, что-то показывается, но неясно, что именно. А вот когда мы достигнем Бога, когда мы будем в соединении с Богом в вечной жизни, в блаженстве на небесах, тогда будем видеть лицом к лицу, будем как взрослые понимать всё.

И в наш период земной человеческой истории необходимы вера, надежда и любовь как средства понимания. Они еще не дают совершенного понимания о Боге — совершенное понимание будет только там, на небесах, — но только эти добродетели, только эти свойства приведут нас к Богу.

И дальше апостол заканчивает: Когда все упразднится, остаются эти три: вера, надежда, любовь. И последнее его заключение: Но любовь из них больше.

Дорогие братья и сестры, вот это нам с вами надо знать, когда мы празднуем праздник в честь свв. Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, т.е. Премудрости. Нам надо знать, что и Бога постигнуть, и отношения христианские мы можем иметь только через веру, надежду и любовь, но из этих добродетелей любовь выше всех, ибо Сам Бог есть Любовь!

Аминь.

: Свт. Иоанн Златоуст. Слово об анафеме

Проповедь

Свт. Иоанн Златоуст

СЛОВО ОБ АНАФЕМЕ (ПРОКЛЯТИИ)*

1. Прежде беседуя с вами о познании непостижимого Бога и предложив много собеседований об этом¹, я доказывал как словами Писания, так и рассуждениями естественного разума, что совершенное познание Божества недоступно и для самих невидимых сил — для тех сил, которые ведут невещественную и блаженную жизнь, и что мы, живущие во всегдашней беспечности и рассеянности и преданные всяким порокам, <напрасно> усиливаемся постигнуть то, что неведомо и для невидимых существ; мы впали в этот грех, руководствуясь в таких рассуждениях соображениями собственного разума и суетною славою пред слушателями, не определяя благоразумием границ своей природы и не следуя божественному Писанию и отцам, но увлекаясь, как бурным потоком, неистовством своего предубеждения. Теперь же, предложив вам надлежащую беседу об анафеме (проклятии) и показав важность этого зла, считаемого ничтожным, я чрез это загражду необузданные уста и открою вам недуг тех,

которые употребляют анафему (проклятие) как случится. У нас дошло дело до такого бедственного состояния, что находясь в крайней опасности, мы не сознаем этого и не преодолеваем гнуснейших из страстей, так что на нас исполнилось пророческое изречение: неочищенные и необязанные и не смягченные елеем (Ис 1:6). С чего же я начну говорить об этом зле? С постановлений ли заповедей Господних или с вашей неразумной невнимательности и бесчувственности? Но когда буду говорить об этом, не станут ли некоторые смеяться надо мною, и не покажусь ли я иступленным? Не возопиют ли против меня, что я намереваюсь беседовать о таком прискорбном и достойном слез предмете? Что же мне делать? Я скорблю и сокрушаюсь душою и терзаюсь внутренне, видя такую бесчувственность, когда наши дела превзошли преступления иудеев и нечестие язычников. Я встречаю на дороге людей, не имеющих ума, научившегося божественному Писанию, и даже вовсе ничего не знающих из Писания, и с великим стыдом молчу, видя, как они беснуются и пустословят, не разумея ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают (1 Тим 1:7), невежественно дерзают преподавать одно только свое учение и анафематствовать (проклинать) то, чего не знают, так что и чуждые нашей вере смеются над нами, — людей, не заботящихся о доброй жизни, ни научившихся делать добрые дела.

2. Увы, какие бедствия! Увы мне! Сколько праведников и пророков желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали (Мф 13:17); а мы обращаем это в шутку! Вникните в эти слова, увещаю вас, дабы нам не погибнуть. Ибо если чрез ангелов возвещенное учение было твердым и всякое преступление и преслушание получало справедливое наказание, то как мы избежим его, не радея о таком спасении? Какая, скажи, цель евангелия благодати? Для чего совершилось явление Сына Божия во плоти? Для того ли, чтобы мы терзали и сседали друг друга? Заповеди Христовы, которые во всем совершеннее повелений Закона, особенно требуют от нас любви. В Законе говорится: возлюби ближнего твоего, как самого себя (Лев 19:18); а в Новом Завете повелевается и умирать за ближнего. Послушай, что говорит Сам Христос: Некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился и, подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем; а на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе. Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам? Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же (Лк 10:30–37). О чудо! Не священника, не левита назвал Он ближним, но того, кто, по учению, был отвержен от иудеев, т.е. самарянина, чуждого, во многом богохульствовавшего, этого одного Он назвал ближним, потому что он оказался милостивым. Таковы слова Сына Божия; то же показал Он и делами Своими, когда пришел в мир и принял смерть не за друзей только и близких к Себе, но и за врагов, за мучителей, за обманщиков, за ненавидевших, за распявших Его, о которых Он прежде сотворения мира знал, что они будут такими, и которых предвидя сотворил, победив предведение благодатию, и за них Он пролил собственную кровь, за них принял смерть. Хлеб же, говорит Он, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира (Ин 6:51). И Павел говорит в послании: Ибо если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его (Рим 5:10); также и в Послании к евреям говорит, что Он за всех вкусил смерть (Евр 2:9). Если же Сам Он так поступал, и Церковь следует этому образцу, каждый день совершая молитвы за всех, то как ты осмеливаешься говорить свое? Ибо, скажи мне, что значит то, что ты называешь анафемой (проклятием) (ἄν[α]θεμα)? Вникни в это слово, рассуди, что ты говоришь; понимаешь ли ты силу его? В богодухновенном Писании найдешь это слово произнесенным об Иерихоне: город будет под заклятием (ἄν[α]θεμα), и все, что в нем, — Господу [сил] (Нав 6:16). И у нас до настоящего

дня господствующий всеобщий обычай говорит: такой-то, совершив это, сделал приношение (ἑπίθεμα) такому-то месту. Итак, что значит слово «анафема»? Оно говорится и о каком-либо добром деле, означая посвящение Богу. А изрекаемое тобою «анафема» не то ли значит, чтобы такой-то был предан дьяволу, не имел участия во спасении, был отвержен от Христа?

3. Но кто ты, присваивающий себе такую власть и великую силу? Тогда сядет Сын Божий и поставит овец по правую Свою сторону, а козлов — по левую (Мф 25:31,33). Почему же ты присваиваешь себе такую честь, которой удостоен только сонм апостолов и истинные и во всем точные их преемники, исполненные благодати и силы? И они, строго соблюдая заповедь, отлучали еретика от церкви, как бы исторгая этим у себя правый глаз, чем доказывается их великое сострадание и соболезнование, как бы при отнятии поврежденного члена. Посему и Христос назвал это исторжением правого глаза (Мф 5:29), выражая сожаление отлучающих. Поэтому они, будучи строго исполнительными как во всем другом, так и в этом деле, обличали и отвергали ереси, но никого из еретиков не подвергали проклятию (анафеме). И апостол, как видно, по нужде в двух только местах употребил это слово, впрочем не относя его к известному лицу; именно в Послании к коринфянам он сказал: Кто не любит Господа Иисуса Христа, анафема (1 Кор 16:22); и еще: Кто благовествует вам не то, что вы приняли, да будет анафема (Гал 1:9). Почему же, тогда как никто из получивших власть не делал этого или не смел произносить такого приговора, ты осмеливаешься делать это, поступая вопреки <цели> смерти Господней, и предупреждаешь суд Царя? Хотите ли знать, что сказал один святой муж, бывший прежде нас преемником апостолов и удостоившийся мученичества? Объясняя тяжесть этого слова, он употребил такое сравнение: как облекший себя в царскую багряницу простолудин — и сам и его сообщники — предаются смерти как тираны; так, говорит он, и злоупотребляющие определением Господним и предающие человека церковной анафеме подвергают себя совершенной гибели, присваивая себе достоинство Сына Божия². Или вы считаете маловажным прежде времени и Судии произнести на кого-нибудь такое осуждение? Ибо анафема совершенно отлучает от Христа. Но что говорят люди, способные на всякое зло? Он еретик, говорят они, имеет в себе дьявола, произносит хулу на Бога и своими убеждениями и суетною лестию (ложью) ввергает многих в бездну гибели; посему он отвержен отцами, особенно учитель его, произведши разделение в церкви, — разумея Павлина или Аполлинария. Различия между тем и другим они по большей части не касаются, ловко избегая нового разделения и служа доказательством того, что заблуждение усилилось в недрах грубейшего предубеждения. Но ты поучай, с кротостью наставляй противников, не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети дьявола, который уловил их в свою волю (2 Тим 2:25-26). Прости сеть любви, не для того, чтобы хромлющий погиб, но лучше, чтобы он исцелился; покажи, что ты по великому добродушию хочешь собственное благо сделать общим; закинь приятную уду сострадания, и таким образом, раскрыв сокровенное, извлеки из бездны гибели погрязшего в ней умом. Научи, что принимаемое по пристрастию или по неведению за хорошее несогласно с преданием апостольским, и если человек заблуждающийся примет это наставление, то, по изречению пророка, он жив будет,.. и ты спас душу твою (Иез 3:21); если же он не захочет и останется упорным, то, дабы тебе не оказаться виновным, засвидетельствуй только об этом с долготерпением и кротостью, чтобы Судия не взыскал души его от руки твоей, — без ненависти, без отвращения, без преследования, но оказывая искреннюю и истинную любовь к нему. Ее ты приобретаешь и, хотя бы ты не получил никакой другой пользы, это — великая польза, это — великое приобретение, чтобы любить и доказать, что ты — ученик Христов. По тому, говорит Господь, узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою (Ин 13:35), а без нее ни познание тайн Божиих, ни вера, ни пророчество, ни нестяжательность, ни мученичество за Христа не принесут пользы, как объявил апостол: Если я, говорит он, знаю все тайны и имею всякое познание и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — нет мне никакой пользы; и если говорю языками ангельскими, и если раздам все имение мое и отдам тело мое

на сожжение, а любви не имею, — то я ничто. Любовь милосердствует, не гордится, не ищет своего, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит (см. 1 Кор 13:1-7).

4. Никто из вас, возлюбленные, не показал такой любви ко Христу, как эта святая душа (Павла); никто из людей, кроме него, не осмелился произнести таких слов. Сама душа его горела, когда он говорил: Восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых (Кол 1:24); и еще: я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих (Рим 9:3); и еще: Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? (2 Кор 11:29). И однако имея такую любовь ко Христу, он никого не подвергал ни обиде, ни принуждению, ни анафеме: иначе он не привлек бы к Богу столько народов и целых городов; но подвергаясь сам унижению, бичеванию, заушению, посмеянию от всех, он делал все это, оказывая снисхождение, убеждая, умоляя. Так, прибыв к афинянам и нашедши всех их преданными идолопоклонству, он не стал укорять их и говорить: безбожники вы и совершенные нечестивцы; не сказал: вы всё почитаете за Бога, одного только Бога отвергаете, Владыку и Творца всех. Но что? Проходя, говорит он, и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано «неведомому Богу». Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам (Деян 17:23). О дивное дело! О отеческое сердце! Он назвал богочтительными эллинов — идолопоклонников, нечестивых. Почему? Потому, что они, подобно благочестивым, совершали свое богослужение, думая, что они чтут Бога, быв сами уверены в этом. Подражать этому увещаваю всех вас, а вместе с вами — и самого себя. Если Господь, предвидящий расположение каждого и знающий, каков будет каждый из нас, сотворил этот <мир> для того, чтобы вполне показать дары и щедрость Свою, и, хотя сотворил не для злых, но удостоил и их общих благ, желая, чтобы все подражали Ему, то как ты делаешь противное, ты, который приходишь в церковь и приносишь жертву Сына Божия? Разве вы не знаете, что Он трости надломленной не переломил и льна курящегося не угасил (Ис 42:3)? Что это значит? Послушай: Иуду и подобных ему падших Он не отверг, доколе каждый не увлек сам себя, предавшись заблуждению. Не за неведение ли народа мы приносим моления? Не за врагов ли, ненавидящих и гонящих, нам заповедано молиться? Вот мы и совершаем это служение, и увещаем вас: рукоположение не к властолюбию ведет, не к высокомерию располагает, не господство предоставляет; все мы получили одного и того же Духа, все призваны к усыновлению: кого Отец избрал, тех Он сподобил со властью служить братьям своим. Итак, исполняя это служение, мы увещаем вас и закликаем отстать от такого зла. Ибо тот, кого ты решился предать анафеме, или живет и существует еще в этой смертной жизни, или уже умер. Если он существует, то ты поступаешь нечестиво, отлучая того, кто еще находится в неопределенном состоянии и может обратиться от зла к добру, а если он умер, то тем более. Почему? Потому что он перед своим Господом стоит или падает (Рим 14:4), не находясь более под властью человеческою. Притом опасно произносить суд свой о том, что сокрыто у Судии веков, который Один знает и меру ведения и степень веры. Почему мы знаем, скажи мне, прошу тебя, за какие слова он подпадет обвинению или как оправдает себя в тот день, когда Бог будет судить сокровенные дела людей? Поистине непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? (Рим 11:33-34; Ис 40:13). Неужели никто из нас, возлюбленные, не думает, что мы сподобились крещения, и никто не знает, что будет некогда суд? Что я говорю: суд? О самой смерти и исходе из тела мы не помышляем от ослепившей нас привязанности к предметам житейским. Отстаньте, увещаваю вас, от такого зла. Вот я говорю и свидетельствую пред Богом и избранными ангелами, что в день суда оно будет причиною великого бедствия и невыносимого огня. Если в притче о девах людей, имевших светлую веру и чистую жизнь, Господь всех, видевший дела их, отверг от чертога за недостаток милосердия³ (Мф 25:11); то как мы, живущие в совершенной беспечности и немилосердно поступающие с единоплеменниками своими, удостоимся спасения? Посему увещаваю вас: не оставляйте без внимания этих слов. Еретические учения, несогласные с принятым нами, должно проклинать и нечестивые догматы обличать, но людей нужно всячески щадить и молиться об их спасении. О если бы все

мы, питая любовь к Богу и ближнему и исполняя заповеди Господни, удостоились встретить небесного Жениха с елеем и горящими светильниками в день воскресения и представить Ему многих, обязанных славою нашему состраданию, благодатию и человеколюбием Единородного Сына Божия, с Которым Отцу, вместе со Святым Духом, слава ныне и всегда и вовеки!

Аминь.

* Печатается по: Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста. Спб. 1998. Т. 1. С. 760—766, где публикация сопровождается следующим кратким предисловием:

Предлагаемое Слово составлено св. Иоанном Златоустым по поводу образовавшихся в Антиохии отдельных обществ, из которых одно состояло из преданных епископу Мелетию (мелетиан), другое — из признававших своим епископом Павлина (павлиниан), третье — из ариан с епископом Евзоием, и четвертое — из приверженцев неправославного Аполлинария Лаодикийского. Так как во взаимных пререканиях иногда одни из них позволяли себе проклинать других, то для прекращения соблазна в местной церкви святитель Иоанн вскоре по рукоположении своем во пресвитера в 486 году и произнес это Слово, которого полное заглавие следующее: «О том, что не должно проклинать ни живых, ни умерших».

[1] Разумеются Слова против аномеев.

2 Подобные мысли находятся в Послании св. Игнатия Богоносца к смирнянам, отд. 4-6.

3 По созвучию «элайон» (ἔλαιον)— елей, масло и «элеос» (ἔλεος) — милость. — Прим. ред.

: Мой путь к Богу и в Церковь

Свидетельства

Мой путь к Богу и в Церковь

И.Ж.

Жизненная необходимость прийти к Вере возникла у меня давно. После развода с первой женой жизнь потеряла смысл, и я начал много выпивать. Это стало трагедией всей моей жизни.

Второй раз женившись на прекрасном человеке, Ане, я обнаружил, что человеческих сил бросить пить мне не хватает. Жизнь рушится, и дальше так жить невозможно. Несколько раз я был уже на грани смерти, и сейчас все время думаю о ней.

Сначала добрые люди сказали мне, что меня «сглазили» и мне надо пойти в церковь и креститься. 15 августа мы с Аней расписались, и Анина бабушка, к которой мы приехали на медовый месяц, стала моей крестной мамой. Прошло какое-то время, я опять запил. Очень много раз Бог спасал меня и предупреждал. Это был и паралич конечностей и шеи, и остановка сердца, — и только божественная сила, к которой мы с женой возопили, с помощью молитв вернула меня к жизни.

Дальше жизнь столкнула меня с Горячевым — психологом, алкоголиком, глубоко верующим человеком, который смог сам через веру стать на путь Истины и еще дает надежду другим пьющим на счастливую жизнь.

Я знаю, что совсем не имею духовного опыта и живу как во мраке. Я молю Бога, чтобы Он помог мне, но, видимо, я нечестен с собой и с другими или чего-то недопонимаю. Бесы одолевают меня. Есть энергия, которая меня побеждает, но я вижу свое спасение в вере.

Жена привела меня в братское общество «Сретение». Сначала я был против ее посещений, и сам усиленно отказывался от посещений храма. Сейчас считаю это необходимым. Раньше в храме мне было очень тяжело, я даже не мог туда пойти и вообще ничего не понимал. Сейчас стало все понятно и хорошо. Но как только я пропускаю один-два раза посещения, у меня, как правило, происходит срыв. Очень хочется прийти к Светлой Божественной жизни. Иначе смысла жизни нет.

Ж.Т.

Очень давно, когда я была еще совсем маленькой и были живы бабушка с дедушкой, я у них спрашивала: «Есть ли Бог?» Они были люди верующие, но не церковные. А дома на кухне у нас висела икона, но что было изображено на иконе, я не помню. Бабушка готовила обед всегда немного больше, чем была наша семья, и любила приговаривать: «Это — нам, а это — если зайдут нищие». Когда мы с дедушкой, гуляя, проходили мимо церкви, он останавливался и долго крестился.

Мама тоже была верующей, часто молилась, но в церковь не ходила. Все мои родные относились к вере с уважением и соблюдали как бы традицию поколений.

Первый раз я пошла в церковь самостоятельно в классе четвертом—пятом: мы с подругой пошли просить у Бога хорошие отметки за контрольную работу. Тогда мы очень боялись, что нас кто-то увидит и будет ругать. Но когда мы пришли в церковь, мы забыли про отметки и про контрольную. Мы стояли как замороженные и ослепленные большим количеством свечей. Хотелось почему-то от восторга плакать. Когда мы вышли, то долго не могли прийти в себя.

Шли годы, про церковь мы больше не вспоминали. Потом, когда я вышла замуж и у меня родились дети — дочь и сын, — моя мама очень хотела, чтобы мы детей крестили. Но в то время муж был партийным, работал секретарем комитета комсомола, и я тоже была в партии. Крестить детей мы так и не решились, и этим очень огорчили мою маму. До самой смерти она нам не могла этого простить. Когда мама умерла, я пошла с тетей в церковь отпевать маму. Я тогда ничего не понимала в церковной жизни. Помню, мы стояли в очереди причащаться, а потом тетя сказала мне, чтобы я поставила свечу к иконе Божьей Матери «Нечаянная радость». Конечно, я об этом сразу же забыла, да и какая могла быть радость, когда у нас было такое горе! Когда прошли три «административных» дня и я вышла на работу, ко мне подошла женщина из жилищной комиссии и говорит: «Я к Вам пришла с большой радостью: вам выделили двухкомнатную квартиру». Для нас это была неожиданная радость, так как мы стояли на очереди на получение жилья не в первом десятке. Я была, конечно, в шоке. Этот случай мне глубоко запал в душу.

Потом я записала молитву «Отче наш» и стала каждый день на ночь молиться. Постепенно к «Отче наш» я стала добавлять все, что у меня было на душе. И я уже не могла жить без молитвы ни дня. Когда ложилась спать, я разговаривала с Богом, и Он был со мной. Я это

чувствовала. А в церковь меня привела моя дочь. Она стала изучать Библию. Я пыталась сама читать, но ничего не могла понять и постоянно приставала к ней с вопросами.

А сколько у меня было радости смотреть, каким счастьем светятся ее глаза после посещения храма, после общения с братьями и сестрами! Я стала ходить с ней в церковь. А потом она меня привела в нашу общину на оглашение.

Теперь я жду каждый понедельник, чтобы увидеть всех наших и узнать что-то новое.

Т.Б.

Мне скоро исполнится 60 лет, и как горько осознавать, что все эти годы я была вдали от Господа!

Мать моя была верующей, но учитывая тогдашнюю политическую обстановку в стране, она не заставляла нас молиться или ходить в храм. Она говорила: «Это ваше дело — верить или не верить в Господа, только мне не мешайте». Она почти до 89 лет ходила в храм и пела там в церковном хоре. Каждый раз, когда она возвращалась после службы, я видела ее просветленное лицо и радовалась за нее, но сама никаких подвижек не делала, чтобы сходить в храм. В глубине души я верила, что есть Господь, молилась, просила помощи от случая к случаю, но книг не читала (тогда и литературы было совсем мало). Правда, в последние годы я стала читать Библию, изредка, по большим праздникам, ходила на службу, иногда постилась, но чаще заходила в храм, чтобы поставить свечку, — и только-то. Муж у меня был человек неверующий, строгий, и чаще всего в субботу и воскресенье у нас находились какие-то дела, и он не любил, чтобы я куда-то отлучалась из дома, а я старалась по этому поводу не конфликтовать. Но в душе моей была какая-то смута, я чего-то искала и не находила. Я бросалась то в дианетику, то ходила на курсы биолокации, — как только слышала о каком-то новом веянии, я туда шла, но понимала, что это тоже не для меня. Нутром я чувствовала присутствие Господа, Его помощь, и только благодарила Его за все, что Он делает для меня. Но придя в храм, я чувствовала себя чужой, не знала, где встать, где, когда и кому нужно ставить свечку, и вообще, все «по нулям». Мне хотелось походить в одном храме в воскресную школу, но это были лишь одни желания.

У меня три дочери, я очень рада, что они раньше меня пришли к Господу, — плохо ли это или хорошо, — но благодаря знакомству с протестантами. Они ходили год на домашние встречи, группа небольшая, пять-шесть человек. Я познакомилась с этими двумя девочками, и при первой встрече я восхитилась ими, что они такие молодые (им около 30 лет, а верующие они уже около 10 лет) и у них такая сильная вера, что когда присутствуешь во время беседы, ощущаешь именно присутствие Господа. На службе в их храме я не была, но в душе понимала, что это опять не мое.

В ноябре прошлого года у нас в семье случилось большое горе: трагически погиб мой муж. Чтобы заполнить внутреннюю пустоту, я стала чаще ходить на службу, но мне хотелось в полноте участвовать в службе, а я иногда чувствовала себя во всем происходящем какой-то пешкой.

И вот, я случайно узнала и впервые услышала об оглашаемых, и пошла на первые встречи. Медленно, но верно, впопыху, Господь привел меня туда, где мне нужно быть.

Правда, на первых встречах мне казалось, что братья и сестры такие разные и, в основном, все

больше молодые, и вряд ли мы найдем общий язык. Но вот прошло полгода, и я с радостью иду на эти встречи, вижу близких мне по духу людей. Радуюсь, что в нашем братстве есть семейные пары и много молодежи. Мне так хотелось бы, чтобы и мои дочки вот так же, семьями, начали ходить на оглашение, а потом уже в храм Божий. Видимо, Господь посылает мне испытание за мое маловерие, потому что в храме на службе я иногда еще не чувствую такого подъема и частенько мысли мои улетают за пределы службы, но я буду молиться об этом и надеяться, что с Божьей помощью и, конечно, с помощью наших замечательных катехизаторов (большое им за все спасибо) я справлюсь с этими проблемами.

: Христос Яннарас. Церковь — способ существования, сильный победить смерть

Богословие и философия

Христос Яннарас

ЦЕРКОВЬ — СПОСОБ СУЩЕСТВОВАНИЯ, СИЛЬНЫЙ ПОБЕДИТЬ СМЕРТЬ*

В наши дни в слове "православие" часто в большей или меньшей степени слышатся негативные смысловые оттенки. Не без основания оно связывается с абсолютной приверженностью букве учения и, в конечном счете, с идеологическим фанатизмом, не допускающим никаких изменений, никакого совершенствования, и тем самым никакого продвижения по отношению к исходной мысли и учению.

В моих глазах такое понимание православия представляет собой один из видов идолопоклонства: кумиры создаются из положений учения, исходно бесспорно ценных; но идолов можно сделать из всего, даже из вещей положительных... Более того, подобное понимание православия (в духовной жизни, но не только в ней) представляет собой не просто идеологизацию, одновременно это — способ психологической защиты для тех, кто нуждается в авторитете. Зачем нам нужен авторитет? — Он призван поддерживать нас, когда мы не желаем брать на себя риск достижения личной зрелости. И очень часто атрибуты православия служат прикрытием, они позволяют избежать опасности, отказаться от риска, не брать ответственности за свободу выбора, т.е. не стремиться к истинной зрелости, к зрелости личности.

На языке экклезиологии мы говорим о православии, как правило, по отношению к ереси. Но если придавать православию смысл хорошо оформленной, хорошо определенной идеологии, в которой уже больше нечего создавать и которую осталось только сохранять, не делая ни шагу за ее рамки и не рождая новых, по отношению к исходной букве, определений, то ведь и ересь также представляет собой какую-то идеологию, но другую, которая нарушает свод положений господствующего учения. Таким образом, дилемма "православие—ересь" не становится ли чисто идеологической? Плодом же идеологии всегда становится фанатизм!

Что есть фанатизм? Фанатизм — это позиция, обусловленная нашей естественной потребностью укрепить собственный эгоизм: мы становимся фанатиками, когда оказываемся замкнутыми в рамки наших собственных убеждений, наших собственных незыблемых истин и отвергаем риск отношений, риск опыта присутствия другого, истины другого. И тогда очень трудно, не поднимаясь над уровнем идеологии, определить, что есть православие. На глубине эта чисто идеологическая перспектива совпадает с отказом от самой сущности веры.

Верить — значит доверять[1]

Я хотел бы начать определение веры именно с этого ее значения, так как это — обязательная предпосылка правильного понимания истинного содержания православия. В настоящее время у меня складывается впечатление, что слово "вера" мы понимаем как убеждение или убеждения: быть верующим — значит почти то же самое, что быть, как я уже сказал, приверженным идеологии, быть приверженным учению, иметь определенные убеждения, более или менее интеллектуальные. Однако в своем первом значении слово "вера" (по-гречески — *p...stij*) означает доверие. Это первое значение, к счастью, не исчезло: слово "вера" еще хранит свой смысл, в частности, в коммерческой области, где оно означает кредит.

В опыте Церкви вера всегда осмысливается как доверие, а доверие всегда предполагает личностное отношение. Мы не можем доверять кому-то, кого мы мало знаем: надо узнать этого кого-то, идти вперед, строить отношения с ним; чтобы доверять кому-то, необходимо его любить. Если есть доверие, то возможно не только вместить присутствие другого, его характер, его идеи; главное — это возможность доверия тому, о чем он свидетельствует, т.е. доверия его опыту.

В Церкви мы приходим к вере через наше доверие Богу. Речь идет не о психологическом феномене, не об интеллектуальном опыте, но о доверии чему-то конкретному, историческому, потому что все в Церкви, все стороны нашей церковной жизни носят характер очень конкретного исторического реализма. Все начинается с опыта первой церковной общины, жившей со Христом. Пролог Первого послания Иоанна в этом отношении очень показателен. В нем Иоанн подчеркивает, что передает то, что он и другие апостолы "видели, слышали, осязали, о Слове жизни", т.е. сообщает нам о конкретном и реальном опыте.

Живя в Церкви, мы призваны принять участие в этом опыте. Наше знание Бога идет не от книжного знания, не от знания, происходящего от размышлений. Чтобы достичь познания Бога, надо поддерживать и развивать отношения с Ним. Мы познаем Бога не как понятие и не через логические построения. Речь о другом: надо познать Бога в непосредственных взаимоотношениях, и именно этого нам следует искать.

Церковь предлагает нам свой опыт и свою практику именно для того, чтобы мы поддерживали и развивали наши личные взаимоотношения с Богом. Часто эти опыт и практика поначалу кажутся нам недостаточно действенными. Например, нам предлагается соблюдать пост, использовать церковные молитвы, избегая так называемых "спонтанных" молитв, т.е. всякого индивидуализма, или участвовать в богослужении и т.п... Все это представляет собой практику, дающую нам возможность поддерживать и развивать личные взаимоотношения.

Почему же Церковь призывает нас к этой вере, которая есть доверие, и к этому доверию, которое есть отношение? Потому что Церковь благовествует, возвещает новую жизнь. Т.е. иную жизнь, нежели та, которая нам известна по нашему существованию, жизнь, которая преодолевает границы времени, пространства, тления и смерти. И я настаиваю на этом, потому что иногда складывается впечатление, что люди, приходящие в Церковь, делают это в поисках удовлетворения собственного индивидуализма.

В своей обыденной жизни мы привыкли к известному комфорту, мы заняты профессионально, мы поддерживаем дружеские связи, но мы испытываем потребность в чем-то еще, что удовлетворило бы наш метафизический интерес. Ради удовлетворения этой потребности мы можем выбрать себе Церковь, религию, духовную традицию, но при этом по-прежнему остаться в индивидуалистической самодостаточности, в конечном счете в эгоцентризме. Это выбор смерти; это способ существования (образ жизни), неизбежный конец которого — смерть.

Евангелие зовет нас не в какую-то иную религию, в лучшую религию, в лучшую духовность, но к способу существования (образу жизни), дающему силу победить смерть, к созиданию истинной жизни.

Хождение Петра по водам

Как это возможно? В Евангелии мы находим множество примеров, но я хотел бы в качестве образца предложить вам только один — тот, который определяет эту реальность жизни как отношения.

Ученики Христа ночью оказываются в лодке на Тивериадском озере во время бури. Лодка в опасности, но в этот момент ученики неожиданно замечают Христа, идущего по водам. После минуты встревоженности ученики узнают Христа, и Петр говорит Иисусу: "Господи, если это Ты, повели мне прийти к Тебе по воде". Христос говорит ему: "Иди..." Этот призыв, это "иди" есть зов Бога, обращенный ко всем людям. Этот зов призывает нас из небытия в бытие, по слову апостола Павла.

Что значит этот призыв? Он значит: ты можешь идти ко Мне не силами твоей тварной человеческой природы, но следуя иному способу существования — существованию в отношении (общении). Петр услышал призыв, вышел из лодки и двинулся по морю. Петр, естественная тварная человеческая индивидуальность, в этот момент начинает жить не по своей тварной природе. Он живет в отношении, и это значит, что именно в эту самую минуту Петр черпает свое существование не из своей природы, но из своих отношений с Богом, со Христом. Однако увидев вокруг себя это бурное море, он возвращается к естественному способу существования, и доверие начинает ему изменять. В этот момент Христос протягивает ему руку и вытаскивает его к Себе.

Мне кажется, что это очень наглядный образ, который нам точно указывает, к какой именно жизни призывает нас Церковь. Она не имеет никакого отношения к идеологии, к "духовности", т.е. к некоторому "благодетию", которое в конечном счете питает наше самоутверждение в духовном индивидуализме. Эта жизнь имеет иной пафос, иную позицию: она означает полную самоотдачу, жизнь, существование из-за другого, ради другого, принятие жизни как следствия (функции) отношения (общения).

Я мог бы привести еще один хорошо известный пример, чтобы показать, как Церковь и Евангелие призывают нас к тому способу существования, который преодолевает индивидуализм. Нам, существам тварным, очень трудно по-настоящему вместить эту возможность жить, преодолевая индивидуализм. Вот почему искушение морализма, искушение оправдания нашего эго заявляет о себе в истории Церкви на каждом шагу. С этим искушением встречаешься и в сердцевине нашей повседневной жизни; оно лежит в основе нашего менталитета (нашей психологии). Очень трудно прийти к свободе, прийти к тому, чтобы просто не действовать ради "сotte il faut"[2], чтобы быть приверженным только вере, нормам, предназначение которых — указывать путь к жизни.

Фарисей и мытарь

Второй пример, который я хочу здесь привести, — это притча о мытаре и фарисее. Я не знаю, всегда ли мы улавливаем ее смысл. У нас складывается впечатление, что фарисей — это грешник. Но это совсем не так. Он — человек добродетельный, человек неординарных нравственных качеств, абсолютно верный Закону, очень последовательный во всем, что

касается его религиозных обязанностей, посещающий Храм, дающий деньги нищим... И однако ему не войти в Царство.

Почему? Как раз потому, что фарисей не имеет нужды в Боге, он наполнен самим собой, вполне удовлетворен своими добродетелями, своими нравственными качествами... У него нет потребности в общении, он "обладает" самим Богом: да, он именно обладает Богом в силу своей собственной верности. Напротив, мытарю нечего отдать, нечего предложить Богу: он — настоящий грешник, человек падший. У него нет возможности хоть как-то обосновать свою уверенность, и его последняя надежда — Бог! Мытарь в молитве весь обращен к Богу, испрашивая Его милости.

Один из отцов церкви, прп. Исаак Сирийский, говорит нам довольно парадоксальную вещь, которую стоит знать: "Нет ничего более сильного, чем отчаяние". Надо по-настоящему пройти через отчаяние, чтобы достичь общения с Богом. Что это значит? Это значит, что нужно отчаяться во всем: в наших нравственных качествах, в наших добродетелях, в нашей церковной организации, даже если она вполне крепка и сильна, в нашем учении, в нашей действительно убедительной идеологии; во всем этом надо разочароваться! Надо по-настоящему пройти через смерть... и в этой ситуации смерти, полного отчаяния у нас остается только одна Личность: Христос. И если обратиться к Нему, встретишь либо Его, либо ничего. С этого момента начинается иной способ существования: возможность ходить по водам...

Реальность, а не учение

Как достичь такого понимания? Мы "испорчены" интеллектуализмом, и нам очень трудно увидеть, что Церковь стремится предложить нам все это как реальность, а не просто как учение. Эта реальность есть жизнь как личностное отношение, а не как естественный индивидуализм.

Церковь являет нам эту реальность как факт, факт исторического присутствия Христа. Мы говорим, что Христос есть Воплощение Бога в истории и на земле. Первые апостолы имели опыт видения Его, опыт, превосходящий рамки тварной и смертной природы. Они прикоснулись к этому Присутствию, которое не было явлением всемогущества, но выразилось в предельной слабости и смирении. Христос был Тем, Кто свидетельствовал об Отце, другими словами, Он жил не для Себя Самого, но был Сыном Божьим. У Него не было индивидуального существования, если рискнуть употребить подобное выражение, но Его присутствие в истории как индивида указывало на присутствие Отца, было свидетельством о существовании и о присутствии Отца.

И Сам Отец тоже представляет для Церкви исторический опыт, ибо Он входит в историю через Свой голос и через Свое присутствие в свете Фавора. И Отец тоже некоторым образом скрывает Себя, чтобы явить, чтобы показать присутствие Своего Сына: "Сей есть Сын мой Возлюбленный". И Святой Дух тоже скрывает Себя, чтобы свидетельствовать об Отце через Слово воплощенное. Само Воплощение есть осуществление (повторение, рекапитуляция) и в то же время явление способа существования Бога, троического способа существования, означающего отношение (общение) любви.

Во всех религиях и во всех метафизических системах есть логически необходимая идея высшего существа как первопричины бытия и т.д. Но в церковном опыте нет высшего существа, но есть общение Лиц, присутствие трех Лиц, которые сообщают <друг другу> (разделяют единую) жизнь, которая существует в общении. Вот почему мы встречаем в Библии только

одно определение Бога: Бог есть Любовь. Библия не говорит нам, что Любовь есть одно из нравственных качеств Бога, некая добродетель, некое свойство Бога. Она нас учит, что Любовь есть способ существования Бога: Бог существует, потому что Он есть Любовь, и Его существование есть само действие Любви.

Посредством этих формулировок Церковь ответила на проблематику древнегреческой философии, искавшей источник, первопричину бытия и вменявшей себе в обязанность уяснить логическую, интеллектуальную необходимость, которая предшествует самому существованию Бога <...>. Бог "обязан" по своей природе быть тем, кто Он есть; до Бога есть необходимость, обязывающая Бога быть тем, кто Он есть.

Приобщение к способу существования Христа

Эта проблема была вполне ясна для отцов церкви, особенно для каппадокийцев в IV в. Пытаясь дать на нее ответ, они говорили о "монархии" Отца, т.е. лицо Отца они рассматривали как источник троической жизни. Они говорят нам, что Отец — это лицо, личная ипостась, свободная от всякой обусловленности: это лицо означает существование, не знающее никаких границ, никаких условий. Бог определяет Свое существование из своей собственной свободы, из своей собственной воли.

Так мы приближаемся к определению реальности лица: Библия сообщает нам следующий опыт: Отец называется "Отцом", реализуя и "ипостазируя" Свое существование — как мы выражаем это на богословском языке — через рождение Сына и исхождение Святого Духа.

Эти формулировки не есть некие абстрактные теоретические положения: они суть способ разъяснить, как и почему в начале всякого существования лежит личная свобода Бога. Через эту абсолютную свободу Бог реализует Свое существование, и Он реализует ее как любовь. Как говорит прп. Максим Исповедник: "По любви и вне времени Отец рождает Сына и низводит Святого Духа".

Таким образом, наш Бог есть жизнь, реализуемая как отношение любви. Без этого богословского основания, как мне представляется, мы не в состоянии понять Церковь. Церковь — это не религия, не школа духовности, но место, куда мы призваны, чтобы преобразовать наше существование в существование как отношение. Мы званы на трапезу, и эта трапеза есть способ осуществлять жизнь как общение.

Даже наша биологическая жизнь предполагает (при)общение. Мы не можем жить без того, чтобы принимать пищу, т.е. без общения с материальной реальностью мира, без приобщения другим. Однако есть некое искажение, превращающее это общение в желание всем обладать для самих себя: пища, другие — всё должно быть подчинено нашему желанию. Церковь предлагает нам изменить способ нашего существования: надо отдавать жизнь, и это станет приобщенностью к способу существования Христа, причастием Его Телу и Крови.

Конечно, все это только формула, и эта формула может быть удобна. Но чтобы достичь причастности, достичь самой реальности, надо на деле последовать той практике, которую нам предлагает Церковь и которая постепенно приведет нас к тому опыту, который есть святое общение (причастие). Это не автономный и автономизируемый факт нашей жизни, но исполнение всей нашей жизни, становящейся целиком, истинно церковной.

Если мы теперь, двигаясь по этому пути, подойдем к реальности Православия, т.е. к самой истине Евангелия и Церкви, то у нас будет ответ на основополагающий вопрос, встающий перед каждым человеком. Это вопрос о смерти. И даст нам этот ответ само слово "Евангелие"

— “Благая Весть”. Оно возвещает нам возможность преодолеть смерть, это уничтожение нашей жизни, этот угрожающий нам мрак небытия... Отнюдь не случайно всё, в чем выражает себя Православие — литургические песнопения, молитвы и столь же часто тексты отцов, — напоминает об этом ответе Церкви на факт смерти. Если попытаться сформулировать этот ответ Церкви, я сказал бы, что смерть представляет собой реальность природы. У св. Анастасия Синаита есть одно очень характерное высказывание. Он говорит: “Со смертью все умирает”, т.е. умирает все наше естество: наша мысль, все наши психические и телесные энергии... Прекращается все! Нет ни памяти, — говорит св. Анастасий, — ни мысли, ни чувства — ничего; все это принадлежит нашей природе. Остается только то, что мы называем “ипостасью”.

Предвкушение истинной жизни

Но что такое эта ипостась? Мы не можем дать ей определения, мы можем только сказать, что речь идет о нашей экзистенциальной реальности (реальности нашего существования), происходящей от призыва Божия. Не случайно даже в языке современного психоанализа смысл понятия “субъект” остается неопределенным. Мы суть ипостаси, т.е. мы представляем собой существование, экзистенциальную реальность, потому что Бог призвал нас к существованию. Но мы суть ипостаси в той мере, в какой мы способны “ипостазировать” экзистенциальные возможности тварной природы. Когда эта природа умирает, то что остается? Что в этом случае ипостазирует наша ипостась?

Св. Григорий Палама говорит нам, что после смерти наша ипостась будет ипостазировать наше существование через энергии божественной природы, через энергии Святого Духа. Вот почему на языке православия мы говорим об обожении человека. <...> И поэтому мы называем Святого Духа, Утешителя, “Царем Небесным” и “Жизни Подателем”, и обращаемся к Нему: “Приди в нас!”

Что это значит? Что это? Сентиментализм? Совсем нет. Это предвкушение того, чем мы будем жить после смерти, когда Утешитель станет нашей “природой”, и, если можно так сказать, когда Святой Дух станет нашим способом существования. И так со всеми, с каждым, наверняка.

Вы, безусловно, слышали что-то по поводу того толкования, которое нам предлагает прп. Максим Исповедник. Он говорит: “Все в мире после смерти соединится с Богом и с божественными энергиями. Но для тех, кто возгревал в себе приобщенность к Богу, т.е. для тех, кто готов приобщиться к существованию и к жизни Самого Бога, это соединение с энергиями Святого Духа будет раем. Для тех же, кто не умеет любить, это единство с Богом будет пыткой; это, действительно, будет ад”.

Это коренным образом меняет представление о вечной жизни и представление о Боге! Это означает, что рай и ад не зависят от некоей божественной справедливости, и не Бог наказывает грешников. В действительности все зависит от способности или неспособности человека реально приобщиться к существованию и жизни Бога. Бог отдает Себя всем, каждому. Он будет со всеми, но это единство будет реализовывать разные модусы существования: рай и ад. Достоевский говорил, что “ад — это мучение от неспособности любить”. То же самое говорил св. Исаак Сирий.

Я думаю, что через все эти размышления мы можем, отнюдь не на интеллектуальном уровне, определить точку отсчета, которая, возможно, однажды позволит нам прийти к пониманию того, что есть Православие. Православие, повторяю, — это не идеология, не некая “объективная реальность”, но нечто, что надо открыть. И мы призваны к тому, чтобы открыть

это Православие, т.е. жизнь, истинную жизнь, жизнь, не знающую границ времени, пространства, тления и смерти.

Тогда, и только тогда мы будем достойными членами Церкви. Не тогда, когда Церковь представляет для нас форму благочестия, укрепляющую наш индивидуализм, наш эгоизм или когда она становится для нас возможностью утвердить наши идеологические положения или убеждения; это было бы изменой <Церкви>. Все это можно найти где-нибудь в другом месте. То, что Церковь предлагает нам в своем благовестии, Евангелие, которое предлагает нам Церковь, есть вкус, опыт истинной жизни, жизни как любви, жизни, которая не знает смерти.

Пер. с фр. канд. филол. наук Алексея Костромина

* Перевод выполнен по: Christos Yannaras. L`Eglise, un mode d`existence qui peut vaincre la mort // SOP. № 169. Juin 1992.

[1] Подзаголовки в тексте сделаны редакцией SOP.

[1] “Как должно” (фр.)

-----
[1] Подзаголовки в тексте сделаны редакцией SOP.

[2] “Как должно” (фр.)

: Надо держаться вместе и пробуждать людей. Беседа с прот. Иоанном Конюховым

Церковная жизнь

НАДО ДЕРЖАТЬСЯ ВМЕСТЕ И ПРОБУЖДАТЬ ЛЮДЕЙ

Беседа с прот. Иоанном Конюховым (04.11.1998 г.)

Сегодня память Казанской иконы Божьей Матери. Вот иконочка, мама благословила меня этой иконочкой. Это все, что осталось. Я много икон не собираю, а так постепенно раздаю, раздаю, раздаю, раздаю... А крест, который на мне, прошел Колыму. Там хранили его, хранили, хранили (там всё передавали друг другу), а потом он достался мне. Вот надпись тут (теперь-то на крестах нет надписей): декабрь 1797 года, император Павел I. Итого 200 лет. Вот сохранился. (Но как его провезти было? А у меня там был знакомый капитан дальнего плавания. Хороший человек, христианин. Я ему говорю: «Александр Леонидович, провезите мне крест!» Я ему передал, перенес на пароход. А уже во Владивостоке он возвратил.) Я его так берегу! Настоятель нашего храма мне говорит: «Отец Иоанн, что Вы кресты с

украшениями не носите?» — А я ему: "И не надену! Вот единственный крест, который мне дорог, он связан с моим прошлым. А зачем мне с украшениями?» У нас один священник уже четыре креста получил. Ну зачем это, зачем? Да, в царское время я видел священника в Харькове, который два креста носил. Оказывается, его дедушка был военным священником, и его за заслуги перед отечеством наградили крестом — с тем, чтобы и потомки его дорожили этим крестом.

Ну, а вот со мной как получилось? Вот попал я на Колыму. Прочитал свои документы, говорю: «Гражданин начальник, что вы меня посылаете в такие года на такие тяжелые работы?» — «О тебе Москва написала: использовать на тяжелых работах!» И чего я только не делал! Я все переделал. Приехал я туда без всякой специальности (тогда еще Магадана не было, бухта Нагаево была). Выгнали нас на эти площади, вызывают: «Кто плотник, кто, там, столяр, сапожник, парикмахер и т.п.?» — Все выходят... Осталось нас, может быть, человек 800. «А вы кто?» — «Я — профессор, я — архиерей, я — священник, я — такой, там, я такой...» — «Пошли вы... Вас сгноить надо или посадить на пароход, чтоб вы ушли туда, в воды морские!» Ну вот, поэтому и тяжелые работы. И такие работы... чего я только не испытал! И даже авария была: вот эта нога, эта рука, тут и пальцы некоторые... И все лагерные врачи посмотрели эту мою ногу и говорят: «Только ампутировать, только ампутировать». А там, в ссылке, были крупные врачи, были и кремлевские врачи. Хо-ро-ошие врачи были! Но чем-то не угодили Иосифу Виссарионовичу, и он их туда запрятал. Вот они мне и говорят: «Не соглашайся. Не соглашайся ногу отрезать, не соглашайся!». Я говорю: «Братцы, а что же делать?» — «Будем лечить!» И вот все — и уголовники, и священники, и все — что сделали? Нашли мастера, сделали бочку, кипяток туда, шишки с лиственницы. Меня то опускали, то поднимали, опускали — поднимали, опускали — поднимали... И нога отошла. Но она беспокоила меня. Надо было тепло, тепло, тепло...

И вот все мы, все духовенство, были на страшных работах. Как мы их выносили!? А ведь мы их выносили, потому что мы были едины. Бухта «Амбарчик»(?), впереди — океан, сверкающий, необыкновенный, а мы — на страшных работах. Но это единство нас укрепляло, ободряло, давало силы жить и выжить.

И бывало так: приходил какой-нибудь военный, который приносил почту или еще какие-либо обязанности исполнял, и говорил: «Сегодня — Пасха!» А мы-то и не знали, какой сегодня день... И когда мы узнавали, что сегодня Пасха, то все мы, все христиане, объединялись и пели «Христос воскресе!», пели так, что, кажется, и океан торжествовал, и тайга, и все эти животные, которые обитали там. А там животные были необыкновенные. Ведь Якутия — малонаселенная земля, и поэтому животные не боялись человека. Мы вот смотрим: выходит медведица и маленькие медвежатки. И смотрят они на тебя и думают: что это такое? Откуда ты появился в нашей тундре?

Вот это нас объединяло, и мы не задумывались тогда, кто ты: православный христианин, католик или баптист. Вот было единство, великое единство! И в самых тяжелых испытаниях, в болезнях, работах и в огне. И все нам напоминало о первохристианстве. Вот куда мы должны смотреть, в те золотые времена. Я часто напоминал верующим, что в те времена язычники или евреи, которые еще не приняли Христа, говорили: «Вот идет христианин!» И христианина, действительно, было видно. А он отличался не одеждой, не внешностью, он отличался жизнью, духом. И вот единство было! Я всегда напоминал о том, какое единство было у первохристиан. И нам сейчас, в наши времена, надо возвращаться все-таки к первохристианству, надо туда смотреть больше, потому что мы сейчас как говорим? — Вот, там католики, там православные, а там — какие-то другие исповедания... Я вспоминаю, как будучи еще студентом в Москве, я посетил армянскую церковь и патриарха в Эчмиадзине. Я впервые попал на эту службу. Вы не

были на армянской службе? Интересная служба. Специально выделено помещение, где все сначала снимают обувь, потом входят в храм и начинается служба. Сначала — какая-то мрачная служба, какое-то чтение, пение, это — Ветхий Завет. Потом вдруг радостная музыка — иногда у них был орган, бывало пианино, ну, у кого что было, и выходит священник, как бы из подвала, в светлых одеждах. Это — явление Христа. И начиналась Литургия.

Вот так и каждая нация, каждый народ принес в христианство что-то свое. Россия тоже принесла много своего... А сам я очень связан с Украиной, часто приезжаю туда и там служу. Вот, например, служится литургия на украинском языке, и я чувствую, что люди, которые слушают эту службу, они ее особенно переживают, потому что слышат родное слово! А когда заканчивается литургия, то все молящиеся поют песню, она такая национальная уже: «Боже, Великий Едыный, нам Украину храни!» И это тоже как-то объединяет, — все объединяет, все говорит о том, что мы должны объединяться...

Еще всю свою жизнь я был очень связан с патриархом Пименом. В первый раз я увидел его в Москве, когда еще был студентом в обновленческой академии. Мне товарищ как-то сказал: «Иван, пойдешь послушать хор в Дорогомиловской Богоявленской церкви (она сейчас уже не существует) около Киевского вокзала, там хор необыкновенный, а управляет хором молодой монах». Я и пришел: храм был чудесный, хор — человек сорок, и управлял он сам, Пимен. Он тогда был худой, высокий, волосы длинные, — монах, настоящий монах...

Потом, когда я уже возвратился с Колымы, приехал на Украину, стал писать архиереям: «Примите меня, вот я с каторги возвратился». Ответ: «Мест нет! Мест нет! «Мест нет!» Думаю, что делать? Мама смотрит на меня и плачет: «Какой ты неудачный! Для тебя и в церкви места нет!» А потом вдруг говорит: «Знаешь что, теперь уже патриархия есть, есть патриарх Алексий. Поезжай туда». Я думаю: «Да примет ли?» Ну, приехал я, пришел в этот переулочек, который и сейчас существует, Чистый, вижу, действительно — патриархия, вхожу... Да, к патриарху можно было войти спокойно, свободно! Не было ни милиционера, ни будки милицейской, не было всяких прислужников, которые допрашивают, опрашивают, а прямоходишь — и приемная патриарха. Я сразу к нему, доложили: «Молодой человек Вас просит». Зашел, сразу под благословение: «Я, Ваше Святейшество, каторжник, с каторги приехал. Но я свою жизнь церкви отдавал, в таких-то московских храмах служил и т.д. Так что вот теперь пишу архиереям, но отвечают: мест нет». — «Да-а-а, плохие у нас архиереи». Зовут митрополита Николая (Ярушевича). Вот чудесный был архиерей! Необыкновенный человек! Тот появился. Патриарх говорит: «Вот, явился с каторги!» А митрополит Николай говорит: «Да и Вы ж, Святейший, были тоже в ссылке». И мне: «Есть для Вас место!» (А мама сохранила мои документы. Сохраняла на груди и говорила: «Умру я, и документы твои умрут со мною. Будешь жив — они тебе пригодятся». — Об окончании академии, о том, что я кандидат богословия, ну и так далее, и все подробно.) И вот они мне говорят: «В Одессе открылась духовная семинария. Мы Вас назначаем туда преподавателем. Там сейчас епископом бывший обновленческий архиерей Сергей». Я говорю: «Ларин? Так это же мой товарищ! Вместе учились, вместе ссылку отбывали!» Ну вот по возвращении с Колымы он принял монашество и стал архиереем. А был в обновленчестве в свое время.

Приезжаю я туда, встречаюсь с владыкой Сергием. Он говорит: «Ну, о. Иоанн, иди сейчас к о. Пимену. Он тебе и место даст, и определит, и поведет в семинарию и т.д.» Прихожу, и вижу: это тот самый Пимен, будущий патриарх. Он тогда был завхозом, обслуживал архиерея, а служил в Ильинском монастыре. Вот тут мы с ним и познакомились. Потом я в Ростов-на-Дону ездил, в Псковскую обитель ездил и везде был он. Это святой человек... Резкий человек был в отношении к духовенству, но ведь он боялся, всего боялся, в страхе был... Владыка Сергей мне сказал: «Когда встретишься с Пименом, расскажи ему о некоторых архиереях». Я пришел к

нему — а он тут, в Туле, полгода пробыл архиереем — и говорю: «Вот, Ваше Высокопреосвященство, вот такой-то...» А он мне: «Отец Иоанн, тихо, тихо, тихо!» Я говорю: «А что?». — «Вот (показал провода), провода». — «Провода?» — «Это подслушивание. Пойдем в сад». Вот, боязливый, был, ну, а потом известно было, что за ним ведется особое наблюдение, и, к слову говоря, нынешний Святейший тоже принимал участие в его судьбе и в его служении.

Приехали мы, значит, в Одессу, и начал я там преподавать. В 1947 г., наверное, начал, а в 1953 г. — закончил: умер Иосиф Виссарионович и какие-то органы решили: всех бывших репрессированных выдворить из Одессы. Куда деваться? А здесь, в Туле, в это время был архиереем тот самый Сергей (Ларин). Вот, прошел я несколько епархий, а потом сюда. Приезжаю к нему и говорю: «Ну, слушай, как другу говорю: что мне делать? С Одессы, вообще с Украины меня выдворили». Он, долго не думая, сказал: «Забудь Одессу, ты — туляк». Я говорю: «А меня пропишут?» — «У меня связи есть, так что пропишут. Сначала я тебя пропишу в Ефремове (тут городок такой был и есть), а потом я тебя пропишу в Туле». Я в Ефремове прослужил год, а потом прописали в Туле. И вот я в Туле уже 45 лет. А в храме Двенадцати апостолов — 28 лет. Так что меня помнят люди...

И вот жил я, значит, платили мы за квартиры все время. Потом... В то время тульское духовенство — еще старые, все ссыльные были, все на каторге были — говорят: «Отец Иван! Да что ты на квартире живешь?» А я говорю: «А что делать, братцы, денег-то нет!» — «Мы тебе купим». И вот духовенство тульское собралось и купило полдома. Вот в этом полдоме мы и проживали. Потом его снесли, и теперь уже десять лет живем здесь, в многоквартирном доме.

Вот так жизнь сложилась тульская. Сложная жизнь, потому что за это время прошло десять архиереев, и все разные, и с каждым неприятности. Ну, старался ужиться со всеми. Среди всех архиереев был более-менее Пимен, который относился по-отечески, как друг. А так все... Вот, к примеру, эти награды. Награды какие? — «Я тебя награждаю». — «Чем?» — «Камилавкой. Плати!» Такую сумму плати, что я этого в церкви за полгода не заработаю. Плати! Ну, доплатился я, — и палицу дали, и митру дали, потом орден князя Владимира дали. Но за все, за все столько пришлось платить, что когда пришло время платить налоги, платить было нечем. В то время духовенство платило налог государству. Сейчас-то не платят, слава Богу! А мы-то тогда платили столько, что не дай Бог. Меня четыре раза описывали, да!). Покойный епископ Никон был. Говорит: «Вы служите сегодня со мной!» Ну, служу в соборе. — «Идите, читайте заамвонную молитву!» Пошел заамвонную молитву читать, потом возвращаюсь, а он меня встречает в царских вратах и — «Аксиос!» И камилавку надевает (смех). Ну, аксиос, ладно, но на следующий день (уже я преподаватель) — указ: оплати награду, столько-то. Господи, да я за полгода столько не зарабатываю! И всё — деньги, деньги, деньги, деньги.

Так мы ничего и не нажили. Вот все, что мы имеем... Тамара говорила: "Ничего нам не надо! Мы с тобой начали жизнь — у меня два платья, у тебя один костюм, и слава Богу! Зато верны Богу, верны Христу». Вот самое главное. А приобретать? Ну, когда есть возможность — ладно, а так ничего не приобретали. Да, Тамара моя была настоящая христианка. Встретились мы с ней очень давно (она когда-то окончила институт в Балашихе, в том институте учился покойный о. Александр Мень, Царство ему Небесное) и были единомысленны во всем, даже в пище, в одежде. Скромная была: в церковь приходила и становилась всегда так, чтобы ее никто не видел. Истинный друг, матушка и христианка...

И вот когда мы сейчас наблюдаем жизнь церкви, то скорбно становится, скорбно. До перестройки в Тульский епархии было 35 церквей, сейчас — около ста. Но кто служит? Духовенство все молодое. Святят всех подряд, независимо от того, какое у них образование. Бывает, приходит — даже славянского не знает, а его рукополагают: мол, потом пусть учится.

Да, это сейчас точка зрения патриархии такая: рукополагать, а потом пусть учится. И духовенство в результате очень слабое. Вот даже в нашем храме проповедей совсем нет, не говорят священники проповеди. В былые времена, в старые времена как было? — Настоятель храма — ему 80 лет, а то и больше, второй священник — ему 50 лет, а третьему 25 лет, и он учится. И так передается опыт: как служить молебен, как панихиду, как проповедовать. А то сейчас приходят в храм и говорят: «А как у вас служится панихида? А как у вас служится молебен? А почему я должен в каждой церкви по-разному служить?»

Скорбно еще и потому, например, что сейчас батюшкам дают награды. Какие награды? В тульской епархии (была большая епархия) до революции было 1100 священников, из них только 50 — протоиереев. А сейчас почти все протоиереи! Все, конечно, за плату... У нас в Харькове (я с Харьковом был немножко связан) был только один батюшка, о. Леонид Твердохлиб, который носил митру. Один священник в кафедральном соборе! И в Киеве было то же! А сейчас у нас человек пятнадцать митрофорных! За что, собственно, митры? Что тогда такое митра, не понимаю.

Я часто видел на службах о. Павла Флоренского. Он был скромный человек, скромно и служил. Он служил в церкви около, вы не знаете сейчас, Страстного монастыря, на Пушкинской. Пушкин-то стоял с другой стороны, где Достоевский речи произносил, это сейчас его перенесли через дорогу. А тут, на этой стороне, был прекрасный монастырь, Страстной, и там, за монастырем — Дмитровка. Там церковка¹, она и сейчас есть, рядом с театром Ленинского комсомола. Вот в этой церкви служил частенько о. Павел. Я приходил. Служил он тихонько, скромно. В то время интересные батюшки были в Москве, скромные такие...

Вот, я каждый год приезжаю на Украину. Приезжаю, вижу — молодое духовенство. Вот, пришел, рукоположился какой-то человек, через год у него — митра, еще через год у него собственный дом, а еще через год у него машина. И при этом ни у одного проповеди нет, никакой работы среди верующих нет... Спрашиваю: «А за что же тебе дали награды?» — «А я построил вот из хаты храм». Да разве мы, пастыри церкви, призваны к тому, чтобы строить? Строить нужно, но это не есть наша заслуга: мы должны жечь сердца людей, людей объединять, чтобы были объединены все люди, чтобы они почувствовали, что они христиане! Ведь что сейчас делается в городах? Ну, в Москве все храмы полны. Ой, в Туле, там храмы полны! Ой, в Киеве! А села? Что в сельских-то храмах? Страшно, что делается в селах, страшно! Спрашиваю батюшку: «Ну, сколько в воскресенье или в праздник верующих в храме?» — «Пять, десять человек». — «Как? Такое село — и всего пять, десять человек?» — «А что? Не ходят! Не ходят!». — «Почему?» — «Да не интересуются церковью, безразличны». — «А чем же ты, батюшка, живешь?» — «Требами. Погребение — сто, венчание — двести. Ну вот, заработок. Архиерей требует: давай, мол, деньги, взносы, как обычно платят, а я ему говорю: люди не ходят, проверьте». Действительно, благочинный приезжает, смотрит — никого нет, правда. Вот судьба.

Так вот видите, каково нынешнее положение церкви. И вот на фоне такого скорбного нынешнего ее положения появляются звезды — особые пастыри, особые люди, которые хотят возродить церковь нашу христианскую православную, обратить ее к первохристианству, к светлему, к хорошему, напомнить о том, что не забыто, что должно быть возвращено! Ибо и в прошлом тоже было много хорошего, в первохристианстве. Тогда молились не так, как мы сейчас молимся, не было еще святых, не было таких пышных одежд, не было саккоса архиерейского, не было митры. Ничего же этого не было! Кресты, может быть, были деревянные, но души были золотые! И вот поэтому возвращение к духу первохристианства имеет великое значение! И когда в наше такое смутное церковное время появился такой

пастырь как о. Георгий — это же радость! Это должно быть торжество, церковь русская должна торжествовать: появился человек, который идет на все: на скорби, на изгнание, на непонимание. Но он идет со Христом. Ведь не всегда понимали и ныне прославленных пастырей церкви. Вспомните жизнь свт. Григория Богослова. Приехал он на свою кафедру, там всего было что-то 35 человек. А потом какая стала могучая христианская община, Церковь... Надо сеять, надо сеять!

И вот о. Георгий, о котором я так много говорю, — я, к сожалению, с ним не знаком, но так много о нем слышал, так много знаю, так много читаю... Разное читаю, разное. И всю клевету, которая пишется, и о всем том светлом, что он несет в мир. И все это говорит о том, что такие пастыри нужны! Но — непонимание... А не понимает кто? Тот, кто ничего не делает, тот, кто ничего не хочет. А ведь надо делать, надо жить, надо идти на все. В былые времена как было? Когда начались гонения, то разные были батюшки. Были страдающие батюшки, были скорбящие, иные же — отрекались, со слезами отрекались иногда. В газетах писали иногда, что, вот, отхожу от церкви и т.д., и снимали с себя сан...

Вспоминаю такой случай. Я с мамой был в это время в храме. Это было тоже на Украине. Большое село (ну, на Украине села большие). Большое село, прекрасный храм, прекрасный священник. Но у него семь человек детей. И начались такие времена, когда детям верующих запрещали учиться, их не принимали в школу! Страдали родители, страдали и батюшки. И вот этот батюшка отслужил литургию, потом вышел (торжественный праздник был), вышел и сказал: «Я снимаю с себя сан! Я обманывал вас. Я перехожу теперь работать на пользу, там, родине и т.д.» Обычные слова, которые ему написали. И начал снимать с себя одежды, фелонь снял, бросил. А псаломщик, обладая сильным голосом, запел: «Днесь Иуда оставляет Учителя и приемлет дьявола!» Батюшка услышал эти слова — упал и умер! Умер! Но что его заставило отречься? — Дети, гонения на детей. Да, чтобы сохранить семью, сохранить детей...

Вот были и такие священники, были и такие пастыри. Но были и такие, которые отдавали ключи сами. Хотя были и такие, которые подвергались гонениям. Те исповедники, которых я видел на Колыме, те архиереи, те батюшки, которые туда пошли, они оставили, может быть, и свои семьи, и свои приходы, и пошли в ссылки, пошли в тюрьмы, но сохранили свою душу, свое пастырство. Однако многие из них там и остались.

Я жил в бараке на 500 человек, таких барачников было где-то около восьми. Несколько архиереев у нас было, были все старики, пожилые люди. А я с краю спал, такая моя судьба была. Как только что-то, событие какое-то — на вахту! Приходит военный — два, три часа ночи: «Вставай! Иди на вахту! Вставай, иди на вахту!» Заходишь на вахту — отправляет: «Иди в палатку!» Это была особая палатка, где лежали мертвые: кто в бараке умирает, его сразу в эту палатку. Так их туда набивалось немало. Зайдешь — лежит человек сорок, пятьдесят, тридцать, двадцать. Берешь их — и в машину, берешь — и в машину, берешь — и в машину, берешь — и в машину. Отвозить километров десять надо. Отвозят — и прямо в снежок, в снежок, в снежок. Машина поворачивается, уходит. Так они там и пролежали. Когда я уже освободился, дай, думаю, пойду в эти места (я имел уже право свободного выхода). Пришел — а там одни косточки. Видно, звери и вороны поели. И все, остались одни косточки.

Эти люди отдали свою жизнь за Христа! И как там патриархия ни собирает о них сведения, их не соберешь, потому что тогда в церкви был раскол. Было обновленческое движение, были и другие направления среди православных. И в Петербурге был раскол, и в Екатеринбургe митрополит Григорий был и т.д. Кто-то соглашался с владыкой Сергием, кто-то — нет. Ну, вы эту историю знаете. И поэтому многие из них забыты и никому не нужны, а о них надо бы написать.

И вот сейчас, когда мы знаем, что в Москве творится, что все-таки есть батюшки такие, как о. Георгий, — и они должны быть! — нужно жить, нужно бороться, нужно сохранять Церковь Божию, но нужно вспоминать и прошлое, чтобы Церковь святая процветала! Сейчас труден путь пастырский...

И потом надо иметь в виду — история повторяется! Все может и вернуться. Сегодня — одна власть, завтра — другая. Может быть, снова вернется человек, который пойдет против Христа. Антихристы всегда были... Но тот, кто придет уже в самом конце, последний антихрист, — он придет, он придет! Хотя когда он придет, мы не знаем, потому что все-таки надо верить, что это еще и не конец мира, и не конец церкви, что христианство только начинается. Две тысячи лет — это ничтожное время. Сейчас только начало христианства, может быть, мы только начинаем эту историю, и все же придет время, когда Церковь Божия может... конечно, она не погибнет никогда, но она может быть подвержена испытаниям! И так же может быть подвержено испытаниям и духовенство, обольщаться не надо. Испытания возможны, потому что Господь нас предупреждал: «В мире скорбны будете, но мужайтесь, Я победил мир».

И вот я очень сомневаюсь, переживаю и страдаю, страдаю не от своих немощей и болезней и т.д., а страдаю о таких пастырях Церкви, как о. Георгий. Но и другие есть, есть последователи его, есть! Да и у нас тоже по Тульской области есть такие, среди молодежи есть. Они придут, они придут! Они не будут удовлетворяться только тем, что есть, тем, что проповедует, там, патриархия. Придет время — и обнажатся дела патриархии, как и дела каждого человека, и каждого пастыря, и архиерея, и священника! Когда просто читаешь Апокалипсис, — хотя, конечно, его трудно понять, и все толкования Апокалипсиса тоже несовершенны, да и кто может быть совершенным и все это понять? — слова эти ободряют и укрепляют: через все испытания будет новое небо и новая земля! Иоанн пишет, что храма он не видел в новом Иерусалиме, т.е. весь мир будет храмом. Не будет скорби, не будет болезней, не будет печалей. Гряди, Господи! Пусть Господь грядет и к нам!.. Ну, ладно, это я так, от чистого сердца...

Ну, что же в Москве? Какая сейчас судьба отца Георгия? Выходит ли еще ваш журнал? Работает ли Школа? Ведь тут Поместный собор предполагается когда-то? Дело в том, что они могут на что угодно пойти. На что угодно! А что делать в таких условиях? Отказаться от своих взглядов, от того, что делаешь? Согласиться с тем, что они требуют? Стать «обычным»? Вы понимаете, у них сила большая! Вот, например, у нас тут недалеко, под Тулой был настоятелем молодой батюшка, о. Михаил. Что-то он строил, нанял бригаду мастеров, в чем-то, может быть, ошибся, в деньгах там, Бог его знает. Ошибки бывают, тем более, когда храм строится или ремонтируется. Ну, его запрещают на два года. На два года лишают тебя пастырской деятельности! Приходит человек в алтарь без креста, крест же снимают! Ну зачем это? С молодого человека, который только недавно рукоположился. А ведь при этом много есть сейчас таких, которые действительно ведут себя недостойно! Но те — ничего, как-то договариваются, по-видимому, ценой каких-то услуг, материальных, например, деньги платят. И все это процветает, симония процветает! Каждый священник знает: не будешь давать архиерею — не получишь места! Значит, что-то надо делать, как-то думать, откуда-то брать. Очень сложно!

Ну, они, кажется, решили о. Георгия добивать. Защитников среди нынешнего духовенства у него едва ли найдется много: никто не захочет лишаться своего места.

Знаете, грустно бывает, что мне уже 90 лет. Я бы сейчас, не взирая ни на что, именно сейчас был бы рядом с отцом Георгием, потому что все то, что он делает, все то, что он проповедует, — это верный путь, это верный путь для Русской православной церкви! Это очень правильно. И надо бережно относиться и к крещениям, не крестить всех подряд без подготовки, бережно относиться! И все-таки уже надо переходить на родной язык.

А можно так: этому мешать, мешать... но нет, надо переходить, будущее — за родным языком! Вот, например, в Туле был в старое время архиепископ Парфений (Левицкий). Он был переведен в Тулу из Каменск-Подольска за украинский национализм. А в чем был его национализм? Он переводил литургию и Евангелие на украинский язык, родной язык того народа, среди которого находился. У меня даже есть его перевод. И вот его старый Синод за национальные такие идеи перевел в истинно русскую Тулу. Но он и тут делал свое дело и оставил большой след! Но получилось так: когда в 1917 году духовенство выбирало архиерея... Да, тогда духовенство выбирало архиерея, народ выбирал и пастыря. Архиерей посылает, например, священника в приход, а приход ему говорит: «Он нам не подходит!» И тогда архиерей отзывал его и посылал другого. И вот, Парфения туляки не выбрали, а выбрали своего, русского. Между прочим, встречал Парфения в Туле на Московском вокзале архимандрит Алексей (Симанский), будущий патриарх, он в это время был тут ректором семинарии. Я тут когда-то составлял историю и нашел местные газеты с проповедями о. Алексея (когда он тут был, то писал в газеты). Потом я отвез их ему, уже патриарху. Он с радостью читал: газета «Тульская молва», проповеди архимандрита Алексея...

Вот, кстати, и в этом отношении что-то обязательно надо делать! Надо собирать такие архивные материалы, воспоминания, пока еще дадут, и в ваших местах, пока еще есть старые люди. Вот, Тула потеряла всех стариков: сейчас уже нет ни одного старого священника, нет и старых мирян. Много утеряно, никто ничего не знает об истории Тулы! Вот, правда, отец Ростислав Лозинский тут был, он кое-что написал...

То направление, к которому призывает о. Георгий, и путь, на который он встал, — это будущее нашей церкви! С этим ничего не сделать, никакие препятствия тут им не помогут. Ну, что делать, сегодня такая ситуация, такие люди... А потом — все боятся, все боятся. Чего боятся, ну, чего боятся? Служить на родном языке? Я, помню, когда в Якутию попал, что я прежде всего увидел? Библию, литургию — на якутском языке! Даже иконочки — Божья Матерь, Спаситель — немножко такие, на якутов были похожие. Почему? Потому что миссионер приезжал и говорил: «Христос такой, как и вы». Да, и Он действительно такой! Ну, миссионеры наши тоже мудрые были. И вот дошли до Чукотки, но на саму Чукотку уже не дошли. В результате, Якутия православная, а Чукотка — идолопоклонники. Вот раз сижу я в юрте, вбегают чукча, хватает одну фигурку, другую, выходит и выбрасывает. А это — два бога: рыбной ловли и охоты. Если неудача на охоте, он может этого бога выбросить. А чукчи Аляски — просвещенные. Там католики были, протестанты. А наши миссионеры закончили на Чукотке, дальше не успели — революция.

Я и сам служил на русском языке. У меня был друг о. Федор Жуков, очень интересный вообще человек. Он был с высшим образованием, инженерным, но интересовался церковью и потом стал священником. И он перевел литургию на русский язык. Кажется, писали потом, что где-то утерян его перевод. Но очень хороший был перевод. Ну вот и я когда тут служил, в Двенадцатиапостольской церкви, то иногда служил литургию по этому переводу. Особенно когда дьякон был выходной, я брал этот перевод и служил по-русски, как и о. Георгий. Вот у меня теперь есть и его перевод. Прекрасный перевод! Я лучшего не знаю. Так вот о. Федор Жуков тоже перевел и мы служили пробную литургию (тогда были такие литургии — когда пробовали, как она на слух) в храме Христа Спасителя. Я там прослужил год, а потом его взорвали, и мы разбежались кто куда. Потом я переписывался с о. Федором, а приехав с Колымы, пошел по тому адресу, где он жил. Ну, иду, купил то, что мог в то время в Москве, подошел, позвонил, открыли мне двери и говорят: «Отец Федор две недели как скончался». И утеряно было все.

А вот у нас служили, часто служили по-русски. Просто присутствовали, проверяли: где звучит

то или иное слово, где не звучит. А почему не проверять? Теперь, я этот перевод о. Георгия видел и думаю: Боже мой! Это дар Божий! Это великий перевод! Все ясно, все понятно. Если даже я отслужу, то всякий верующий поймет, что это — литургия, но не скажет, что это перевод какой-то такой, который как бы запутал нас или с ошибками. Не знаю: как к нему относится патриархия? Они все-таки согласились с этим переводом или нет?

Я был в Пярну, в Эстонии, и присутствовал там на литургии епископа Алексия (Ридигера). Он служил по-эстонски! Правда, книжечку держал перед собой. Мне все-таки кажется, что и патриарх Алексей, да и члены Синода, — они просто боятся, что начнется раскол... Но я уверен, что сами они не против. Вот, например, митр. Ювеналий что у нас делал здесь в кафедральном соборе? Апостол — по-русски, Евангелие — по-русски, шестопсалмие — по-русски. Он это начинал и говорил, что это у нас пока экспериментальный храм, привыкнут люди — и можно будет вводить в других храмах. Передовой человек! По-моему, он все-таки из школы митр. Никодима. Как там ни говори про митр. Никодима, как ни бросай в него камни, а он все-таки человек был передовой, интересный человек.

Приятно мне, уходящему в вечность, с вами общаться! Приятно, что есть люди, которые еще думают о Христе, живут Христом и надеются на то, что христианство не умрет. И я, уходящий, рад, что в церковь приходят такие люди, и что вы живете в общине. Да, священник, батюшка должен быть апостолом — мы все должны быть апостолами, мы все должны быть проповедниками Христа! Это великое дело, нужное, полезное. И я счастлив, что такое духовенство приходит, именно мыслящее, не то, что просто попы.

Держаться надо вместе. Надо так, понемножку находить друг друга, чтобы не быть в одиночестве, чтобы собираться, капля к капле. В общем, понемножку пробуждать людей, пробуждать, не удовлетворяться тем, что есть. Я вот о чем скорблю. Вот у нас молодые священники есть, образованные. Один — только что институт окончил, другой — учителем был, третий — зубной врач. Хорошие молодые люди, хорошие! Но горе в чем? Они поодиночке превращаются в обычных попов, в обычных батюшек! Их проповедь не интересует, судьба церкви не интересует, история церкви не интересует. Они стали как «требники». Знаете, хорошее слово есть такое на Украине: трэба, т.е. ты мне нужен. Ты мне нужен, трэба — я к тебе пришел. Ты мне не нужен — я ушел. А о Христе так нельзя говорить! Христос везде и всюду. И то, что делает о. Георгий, пусть его не понимают сейчас, это — нужно. Хотя я уверен, что Синод — весь на его стороне. Но все они дрожат за свое место: мол, как кто скажет. А потом, тоже, кому-то невыгодно то, что распространяется вера Христова и Церковь.

Поэтому особенно пастырям надо находить друг друга, собираться, держаться вместе. Очень тяжело быть в одиночестве! Я вот, например, устал от одиночества: моя матушка умерла четыре месяца тому назад. Но это одиночество в обыденной жизни. А вот когда одиночество в пастырской работе, в пастырской деятельности, это гораздо тяжелее. Сколько таких одиноких было! Вот был такой о. Константин Смирнов. Это был святой человек. Он одинокий был. И судьбы его я так и не знаю. Вот такой интересный человек был. Он был всезнающий человек. Он, например, открывал даже такие тайные страницы первохристианства, когда приходили и причащались без исповеди: Христос меня зовет на причастие, и я иду. А исповедь — я, может быть, в год раз поисповедуюсь, а может быть, — каждый день буду исповедоваться, когда будет крик моей души. Сейчас же иногда наблюдаешь жизнь: входит священник в алтарь и говорит: «Я 15 человек не допустил до причастия!» И радостно сообщает, что не допустил. Да ты же преступник! Уже то, что человек пришел в храм и хочет причаститься, это же счастье. С этим

человеком надо работать! Ну, что-то он допустил там, разные бывают причины. Тут основное, когда человек уже сознательно идет на причастие и т.д. Надо этого человека не держать. Работать надо с людьми!

Сейчас самая главная задача всех — молиться: Господи! Сделай так, чтобы сердца жестоких людей стали немножко лучше! Тех людей, которые мешают людям в церкви жить, честно трудиться, других просвещать, себя пред Богом не забывать.

— Батюшка, большая просьба, в заключение скажите что-то лично о Георгию и нашей общине на память. Какое-то слово назидания, если можно.

— В день Казанской иконы Божьей Матери я в Туле встретился с дорогими друзьями. Эти дорогие друзья напомнили мне о том, что Вы, досточтимый отец Георгий, работаете, трудитесь на пользу и богословской науки, и святой Русской Православной Церкви. Верю, что Вы будете живы, здоровы, и дело, которое Вы начали, не умрет. Я истинный Ваш поклонник и друг! Да процветает Ваша община! И верю, что придет время, и те неразумные люди, которые сегодня мешают не только Вам, а всем христианам, всем, кто жаждет Христа, изменят свою политику, «и будет едино стадо и один пастырь». Да хранит Вас Бог, да хранит Вас Матерь Божья, да хранит великую общину Вашу. Я этот храм знаю, потому что в том храме, где Вы в последнее время проповедовали, я тоже был и тоже служил, и тоже ушел со скорбью из этого храма. Но Господь так сделал, что я верю, что этот храм снова будет процветать. И община, которая собралась вокруг Вас, будет жить, процветать, радоваться и прославлять имя Христово. Я — искренний Ваш друг, престарелый 90-летний отец Иоанн Конюхов.

Вот четыре месяца тому назад умерла матушка моя. Такие скорби... Хотя я вспоминаю, как мама моя умирала. Я ее пособоровал вместе с другими, и вот она лежала, уже подходили последние минуты, — и она улыбнулась. Я спросил: «Мама, а что это Вы улыбнулись?» (мы на Украине и отца и мать называем на «Вы», и маме руки целуем и т.д.). Говорит: «Я и скорблю, и радуюсь. Вот я ухожу от вас, оставляю вас, и вы будете в скорби. А там меня встретят мои дети, ваш отец меня встретит, мои родители. Они меня встретят и будут в радости, а вы в скорби». Вот такая вера в бессмертие, в то, что жизнь не заканчивается, что жизнь продолжается! Один приходит, другой уходит, а жизнь продолжается. И где же эти души... Вот когда стоишь на море, смотришь на камешки: сколько их в море? — Бог знает! Вот так и души человеческие — сколько их там и где они там находятся?! Но самое главное — «у Бога все живы». Иначе жизнь бессмысленна. Без иного мира жизнь здесь быть не должна. Нужно верить, что пройдем путь, каждый по-своему, и найдем место в великом Царстве вечности. А пока надо жить.

Ну, что, будем прощаться? До свидания, дорогие друзья.

[1] Храм Рождества Богородицы в Путинках. — Прим. ред.

: Умер о. Иоанн Конюхов. Он был христианином пасхального духа

Церковная жизнь

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!

УМЕР ПРОТ. ИОАНН КОНЮХОВ.

ОН БЫЛ ХРИСТИАНИНОМ ПАСХАЛЬНОГО ДУХА

На 92-м году жизни в Туле скончался митрофорный протоиерей Иоанн Михайлович Конюхов (11.09.1908—15.07.2000) — друг нашего журнала и большого братства.

За три месяца до смерти мы приезжали поздравить его с 70-летием рукоположения (пресвитерская хиротония состоялась в Великий четверг 1930 г. в московском храме Христа Спасителя).

В своем поздравлении о. Иоанну протопр. Виталий Боровой назвал его служение Богу, Церкви и нашему верующему православному народу ревностным и жертвенным. Далее он признал: «Воистину Вы заслужили быть для всех нас примером и образцом доброго пастыря, наставника и учителя — во всех превратностях Вашей многотрудной жизни».

О. Иоанн радовался снятию прещений с о. Георгия Кочеткова и его прихожан, но предупреждал, что пока легче не будет. Его трезвое и вместе с тем радостное восприятие жизни вдохновляло многих знавших его людей. В связи с девяностолетием батюшки в нашем журнале (№ 44, с. 3) мы печатали его проповедь о первохристианстве, которое он очень любил именно за горение духа. Теперь в память об о. Иоанне Конюхове мы публикуем отрывки из недавнего его рассказа о своей жизни.

: Вечная память! Умер митр. Тихон (Таякка), б. Хельсинский

Церковная жизнь

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!

УМЕР МИТР. ТИХОН (ТАЯККА) (28.06.1928—2.08.2000)

2 августа 2000 г. в Куопио, центре финского православия, умер митрополит Тихон, б. Хельсинский.

Митрополит Тихон (Вейкко Таякка, родился 28.06.1928) — выходец из православных карел, окончил Свято-Сергиевский институт в Париже, докторскую диссертацию по философии (о категории времени у Н. Бердяева) защитил в университете Йёнсу. Благодарная память

осталась об общении с ним, о взаимопонимании в видении церковной жизни.

Он одним из первых приветствовал богослужение на русском языке: незабываемо было то, как 8 февраля 1995 г. в хельсинском храме св. ап. Иакова и вмч. Екатерины по его благословению состоялось такое богослужение (предстоял свящ. Георгий Кочетков), за которым владыка благоговейно молился в алтаре.

: Митр. Сурожский Антоний. Я ХОЧУ ГОВОРИТЬ ТОЛЬКО О ТОМ, ЧТО СОЗРЕЛО У МЕНЯ В ДУШЕ...

Церковная жизнь

Митр. Сурожский Антоний

Я ХОЧУ ГОВОРИТЬ ТОЛЬКО О ТОМ, ЧТО СОЗРЕЛО У МЕНЯ В ДУШЕ...*

У меня очень ясное, яркое чувство, — нет, скорее темное чувство, — что, вступая в третье тысячелетие, мы вступаем в какую-то темную, сложную, в некотором смысле нежеланную пору. Что касается до церковности, вера должна оставаться цельной, но мы не должны бояться думать свободно и высказываться свободно. Все это в свое время придет в порядок; но если мы будем просто без конца повторять то, что было сказано раньше, давно, то все больше и больше людей будут отходить от веры (я сейчас не столько о России думаю, сколько вообще о всем мире); и не потому что то, что раньше говорилось, неверно, а потому что — не тот язык и не тот подход. Люди другие, времена другие, думается по-иному. И мне кажется, что надо вкорениться в Бога и не бояться думать и чувствовать свободно. «Свободно» не означает свободомыслие или презрение к прошлому, к традиционному, но — Бог рабов не хочет. Я вас не называю больше рабами, Я вас называю друзьями..... И мне кажется это страшно важно: что мы могли бы думать и с Ним делиться. Есть очень многое, чем мы могли бы делиться с Ним в новом мире, в котором мы живем. Это очень хорошо и важно — думать свободно, не стараясь приспособливаться; нужно, чтобы люди мыслящие и с широкой восприимчивостью думали и писали.

Часто Церковь — я говорю о духовенстве и тех людях, которые себя считают сознательными мирянами — испуганы, боятся сделать что-то «не то». После всех этих лет, когда не было возможности свободно думать и говорить друг с другом и как бы перерастать XIX век, очень много страха и желания непременно только повторять то, что уже принято и как бы стало языком Церкви и мыслью Церкви. Это должно рано или поздно перемениться.

Так что у Церкви сейчас период, когда она, как мне кажется, с одной стороны, старается быть сугубо традиционной; а с другой стороны, люди все-таки, во-первых, не подготовлены к этому, а во-вторых, некоторые начинают думать, — и им не помогают думать. (Я говорю в целом, не об отдельных людях). И не упускаем ли мы момент, данную нам возможность стать — из церковной организации — ЦЕРКОВЬЮ...

Сам я дошел сейчас до такой черты, когда учености или богословского образования все равно не могу получить, не могу усовершенствоваться; и хочу говорить только о том, что созрело у меня в душе. Если по форме многим это кажется неприемлемым, то по существу, думаю, это не неприемлемо. Думаю, по существу я не отхожу от духа Церкви, от духа святоотеческого и т.д.,

но говорю на другом языке, другим людям. Я думаю, что то же самое говорили о многих отцах. Уж не беря Кирилла Александрийского, но о целом ряде других: «новшество, фантазерство»... Этих слов тогда не было, но подход был такой. Я думаю, что сейчас у Церкви долгий кризис...

Когда кончилась Советская Россия как таковая, я не то Патриарху, не то кому-то писал: не ожидайте быстрых перемен в сознании людей. Сейчас происходит то, что случилось, когда евреи покинули Египет. Они вышли на свободу, а свобода оказалась совсем нежеланной. Люди говорили: к чему мы ушли? Где котлы, полные мяса и вкусных вещей? Теперь у нас только песок вокруг да еще что-нибудь, что мы словим... Это одно. И второе: перейти из Египта в землю обетованную можно было в несколько дней, ну, неделю. Они бродили сорок лет. Почему? Потому что Бог им определил бродить, пока не умрет все поколение, которое выросло в рабстве, и пока не вырастет то поколение, которое выросло на свободе и в совершенно дикой обстановке, где была только вера в Бога и ничего другого. По дороге они забрели на Синай и получили Десятисловие, но все рабское поколение должно было уйти.

И мне кажется, что то же самое с Церковью. После всех этих лет, когда можно было Церкви продолжать существовать только крайней верностью всей форме, конечно, очень страшно начать думать и начать ставить вопросы. Удивительно, что в древности отцы Церкви только этим и занимались, что вопросы ставили. Если они ответы давали, то потому что сами же и вопросы ставили. Ответы не падали с неба на несуществующие вопросы. Причем вопросы, которые были обращены к людям, окруженным язычеством, т.е. совершенно инородным опытом и инородным мировоззрением. И вот нам надо это принять в учет. В христианской стране сейчас никто не живет. Есть герои духа и люди верные Евангелию и т.д., но говорить о странах, что они христианские или не христианские, больше не приходится. Так же как неверно говорить, скажем, о русском православии.

Скажем, здесь [в Лондоне] меня сейчас очень упрекает целая группа людей (не очень многочисленная): вы, де, изменили русскому православию, потому что строите не «Русскую» Церковь... А я с самого начала говорил: мы строим — Церковь, как можно больше похожую на первоначальную древнюю Церковь, когда людей, абсолютно ничего общего между собой не имущих, одно только соединяло: Христос, их вера. Стояли рядом раб и господин, люди всех возможных языков. К этому я стремился здесь: чтобы люди какие угодно могли прийти и сказать — да, у нас общее одно: Бог... И мне кажется, что в этом разрешение проблемы. Потому что если мы начинаем говорить о русском, греческом или ином православии, мы теряем людей. Дело не в том, что «мы» как приходы теряем людей. Но еще сорок с лишним лет назад я говорил с епископом Апамейским Иаковом, очень хорошим человеком, священником. Он мне говорил: знаете, мы теряем полтора человека молодежи в год, потому что они отбились от греческого языка... Я спрашиваю: почему их не послать к нам? — Нет, мы предпочитаем, чтобы они пропали, чем их передать в «чужую» Церковь... Вот против чего я боролся и буду бороться. Потому что нам нужны верующие, — люди, которые встретили Бога. Я не говорю в грандиозном смысле; не каждый может быть апостолом Павлом, — но которые хоть в малой мере могут сказать: я Его знаю! И он, и она, они тоже нечто подобное знают, и мы можем вместе стоять, даже если у нас обычаи иные. А обычаи тоже вещь такая, которая перерабатывается не сразу.

Я хотел бы иметь возможность еще один год провести русские беседы, вернуться к каким-то основным вещам, но в этих основных вещах, может быть, будут моменты, которые не будут восприняты с симпатией... О. Георгий Флоровский мне как-то сказал: знаете, нет ни одного отца, у которого нельзя найти ереси, за исключением Григория Богослова, который был такой осторожный, что ничего лишнего не сказал... Так что у всех найдут что-нибудь. Но тогда возьми то, что сказано, и что тебе кажется неверным, продумай, и скажи свое; причем не

обязательно раскритикуй, а скажи: вот, на основании того, что я слышал, какие мысли мне приходят, и посмотрим, как они дополняют или исправляют другое... Я думаю, что очень важно, чтобы сейчас мы мыслили и делились мыслями — даже с риском, что мы заврёмся, — кто-нибудь нас поправит, вот и всё.

Помню, как я был смущен, когда Николай Зернов пятьдесят лет назад мне сказал: «Вся трагедия Церкви началась со Вселенских соборов, когда стали оформлять вещи, которые надо было оставлять еще гибкими». Я думаю, что он был прав, — теперь думаю, тогда я был в ужасе. Это не значит, что Вселенские соборы были не правы, но они говорили то, до чего они дожились. И с тех пор богословы тоже до чего-то дожились... Скажем, о. Сергия Булгакова считали еретиком, а теперь многие совсем по-иному на него смотрят. И то неправильно, и сё неправильно. Есть у него вещи, которые неприемлемы, а есть и наоборот...

Лондон, 8 июня 2000 г.

Записала Елена Майданович

* Фрагмент беседы на конференции Сурожской епархии. «Русская мысль» от 20—26.07.2000

: Прот. Сергей Булгаков. Объяснение (по поводу обвинения в еретическом модернизме)

История церкви

Прот. Сергей Булгаков

ОБЪЯСНЕНИЕ

Ваше Высокопреосвященство, Всемилостивый Отец и Архипастырь!

Вам благоугодно было по поводу Послания Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей от 18 (31) марта 1927 г. за № 341 положить 30 апреля (3 мая) резолюцию: «Предлагаю прот. Сергию Булгакову и проф. Карташеву дать обстоятельное объяснение по содержанию сего послания. Митр. Евлогий».

В названном «Послании» Вашему Высокопреосвященству предъявляется обвинение в том, что «митрополит Евлогий не только не осудил этих реформаторов, не только не принимает никаких мер против нарождающегося в недрах заграничной Русской церкви модернизма, но даже избирает лиц, исповедующих эти убеждения, своими ближайшими сотрудниками и допускает их к обучению юношества, подготовляемого им в пастыри Православной церкви». В числе этих лиц называюсь и я, а в числе мнений, вызывающих к себе столь тяжелую квалификацию «Послания», здесь указываются и мои мысли о Софии, Премудрости Божией, изложенные, главным образом, в одной из глав моей книги «Свет Невечерний» (Москва, 1917 г.) и в

некоторых позднейших работах (о чем ниже). Основное значение имеет здесь названная книга. Самого меня изложение этой книги, писанной, когда я был еще мирянином, теперь во многом уже не удовлетворяет. Она появилась в свет весной 1917 г., но отдельные из нее главы, в частности, именно о Софии, Премудрости Божией, были мною печатаемы в московском журнале «Вопросы философии и психологии» значительно раньше (примерно в 1911—1915 гг.). Несколько раньше моей книги вышла книга профессора Московской Духовной Академии о. Павла Флоренского «Столп и утверждение истины» (письма о Церкви), где, между прочим, также излагалось учение о Софии, Премудрости Божией. За это сочинение автор был удостоен ученой степени магистра богословия, причем главным его рецензентом и оппонентом был ректор Академии Преосвященный Феодор [Поздеевский]. При рассмотрении этого труда в Святейшем Синоде рецензентом был назначен, насколько известно было в Москве, Митрополит Антоний [Храповицкий], который тогда счел возможным (очевидно, независимо от своего личного отношения ко всем мнениям о. Флоренского) присоединиться к постановлению Совета Академии, и степень магистра богословия на основании отзыва Митрополита Антония за о. Флоренским была утверждена. Отсюда явствует, что учение о Премудрости Божией, по крайней мере на правах богословского мнения, до революции являлось терпимым и Св. Синодом и учеными богословами.

Равным образом и к своей книге я не чувствовал иного отношения. Между прочим, она продавалась и в Московском епархиальном доме, как во время Всероссийского съезда духовенства и мирян, так и во время Всероссийского церковного собора. С 1917 г. я вошел в число членов Всероссийского Священного Собора и работал в разных его отделах. В частности, отдел об отношении церкви и государства имел меня своим докладчиком на Соборе. Я принимал участие и в отделе духовной школы. В особом подотделе миссионерского отдела, посвященном вопросу о почитании Имени Божия в связи с известной афонской смутой, под председательством архиеп. Феофана [Быстрова] я подготавливал к обсуждению этот догматический вопрос (к слову сказать, внутренне столь сродный с вопросом о Премудрости Божией). При избрании членом в новые органы Высшего Церковного Управления при Патриархе я был почтен избранием в число членов Высшего Церковного Совета от мирян подавляющим большинством голосов — не только духовенства и мирян, но и епископата.

Начиная с зимы 1917—1918 г., я неизменно участвовал как в заседаниях Высшего Церковного Совета, так и в соединенных заседаниях Свящ. Синода и Высшего Церковного Совета под председательством Св. Патриарха Тихона. Летом 1918 г. я поверг на милостивое благовоззрение Свят. Патриарха прошение о рукоположении меня во иерея, к чему он отнесся с отеческою любовью и доверием и, согласно моей просьбе, поручил совершить рукоположение своему викарию, б. ректору Московской Духовной Академии епископу Феодору, который сыздавна знал и меня самого, и мои сочинения. Священный Собор, по предложению Высшего Церковного Управления, вторично утвердил меня в звании члена Высшего Церковного Совета, в который я был первоначально избран как мирянин. И вообще, никогда от членов Собора я не слышал выражения недоверия или сомнений в отношении к моему правосерию, а в состав этого собрания, как известно, входили самые выдающиеся деятели православной богословской науки и просвещения, а также весь правящий епископат. Вскоре после рукоположения мне суждено было оставить Москву, и все эти годы до самой высылки моей за границу (1918—1923 гг.) я провел в Крыму. После новороссийской эвакуации, с прибытием в Крым армии генерала Врангеля в 1920 г., в Крыму было образовано Высшее Церковное Управление на Юге России, возникшее в Ставрополе. В него входили, из числа ныне пребывающих за границей: митр. Антоний, митр. Платон [Рождественский], архиеп. Феофан, еп. Вениамин [Федченков] и др.; в состав его был включен и я в качестве члена Всероссийского Собора и Высшего Церковного Совета при Патриархе. Здесь также никогда не возбуждался вопрос о моем неправомыслии. Таковы факты. Из них заключаю, что если Вы, Владыко, обвиняетесь теперь в доверии,

оказанном автору «Света Невечернего» и в избрании его в число ближайших сотрудников, то вместе с Вами повинен в том же Всероссийский Церковный Собор, Святейший Патриарх Тихон, Высшее Церковное Управление в Москве, ВЦУ на Юге России. После высылки моей за границу (к началу 1923 г.) вопрос о моем учении о Софии, Премудрости Божией, неожиданно обострился без внешних видимых причин. А именно, осенью 1924 г. митр. Антоний поместил в «Новом времени» (4 сентября, № 1005) фельетон, где обвинил в числе других меня и о. Павла Флоренского в учении о четвертой, женской ипостаси во Св. Троице, в «богословском фантазерстве», в основании «целой ереси, нарушающей основной догмат общехристианской веры о трех ипостасях в едином Божестве». Обвинение в учении о «четвертой ипостаси» с тех пор стало повторяться и в печати, и устно. Правда, митр. Антоний по собственной инициативе напечатал через некоторое время род опровержения¹. Однако оно уже не изгладило впечатления, произведенного статьей. Единственное, что мне оставалось, это сделать опыт изложения софиологии, который бы для желающих понять вопрос отстранил такие явные недоразумения, как учение о «четвертой ипостаси». Но, вынужденный к тому, я намеренно это сделал лишь для богословов, в самой сжатой форме в очерке «Ипостась и Ипостасность», поместив его в сборнике (Сборник статей в честь П.Б. Струве, Прага, 1924 г.), который отнюдь не предназначался к широкому распространению. Мне стало известно, что он привлек к себе особенное и притом неблагоклонное внимание архиеп. Феофана. Еще ранее этого я сделал попытку вступить с ним в письменное общение по этому вопросу. Однако на мое письмо, в котором я ставил ему ряд вопросов и высказывал ряд соображений относительно Софии, Премудрости Божией, я ответа не получил, и таким образом эта моя попытка прямого богословского обмена мнений окончилась неудачей. Тем не менее, после этого я еще раз письменно обращался к архиеп. Феофану с принципиальным вопросом: не согласился ли бы он сам возглавить высшую богословскую школу за рубежом, если бы она возникла, но получил письмо, которое также не содержало положительного ответа. Напротив, митр. Антоний, невзирая на происшедшее недоразумение, дважды посетил Сергиевское подворье, читал лекции в Богословском институте, любил наши богослужения, ласково беседовал с нами и после последнего посещения весной 1926 г. даже напечатал в газете «Возрождение» статью, исполненную похвал нашей школе (см. «Возрождение», 30 апреля 1926 г.)². В этот же последний приезд весной 1926 г. митр. Антоний, по приглашению Правления Богословского Института, присутствовал на его заседании при обсуждении проекта Устава, который предназначался для внесения в собор епископов, и тогда заверял нас, что мы в нем имеем друга, который будет отстаивать нашу школу и защищать проект ее Устава на епископском соборе и в Синоде.

Теперь обращаюсь к существу обвинений, которые первоначально были изложены еще в докладе архиеп. Феофана собору епископов летом 1926 г. Учение о Софии, Премудрости Божией, называется догматическим новшеством. Хотя это учение принадлежит к числу мало разработанных в богословии, однако история его начинается уже с апологетов, продолжается через св. Афанасия Великого и каппадокийцев, св. Дионисия Ареопагита, св. Максима Исповедника и др... В последнее время вопрос этот получил свой смысл в связи с учением св. Григория Паламы (XIV в.) об энергиях Божиих, воспринятом церковью. Не является новшеством вопрос этот потому, что библейское учение о Премудрости Божией излагается преимущественно в Ветхом завете — в книге Притчей Соломона, гл. 1—9 (особенно 8:22-35), в книге Иова, гл. 28, и в некоторых неканонических: в книгах Премудрости Соломона (гл. 7 и след.) и Премудрости Иисуса, сына Сирахова (гл. 1 и 24). Выражение это встречается также и в Новом завете — и в многочисленных текстах Евангелия (до 8 текстов), и в апостольских Посланиях (до 15 текстов). Именно ветхозаветные тексты (особенно Притч 8:22) подвергались многократному обсуждению и у св. отцов, особенно же подробно — у св. Афанасия Великого.

Однако как бы не замечая всего этого библейского учения и святоотеческого его обсуждения,

«Послание» прямо заявляет: «До сих пор, вместе с ап. Павлом и св. отцами³, мы знали лишь «Христа распятого, для иудеев соблазн, а для эллинов безумие, Христа, Божию силу и Божию Премудрость» (1 Кор 1:23-24). На основании этих слов можно подумать, будто этот важный текст мною не замечается или пренебрегается. Разумеется, и я беру его во всем значении. Весь вопрос идет об его экзегезе. Ввиду того, что он не является единственным и вовсе не исчерпывает собою, как можно подумать на основании «Послания», библейского учения о Премудрости, он должен быть сопоставляем со всеми другими текстами, сюда относящимися. Главное недоумение вызывает именно следующее выражение «Послания»: «Вместе со св. отцами мы знали лишь 1 Кор 1:23-24». Но отцы церкви в своем учении о Софии останавливаются не на одном только этом тексте, как можно подумать на основании этих слов, — напротив, главные усилия их экзегетики (особенно у св. Афанасия Великого) направлены на истолкование текста Притч 8:22 и сл., действительно представляющего особые трудности для понимания, и именно в связи с 1 Кор 1:23-24 и др.

Св. Афанасий Великий устанавливает на основании этих текстов очень существенное различие между Премудростью премирною в Боге и тварною — в человеке, естество которого принял Сын Божий, воплотившаяся ипостасно Премудрость Божия⁴.

«Послание» продолжает таким образом: «Они же возвещают нам новое учение о Софии, как о женственном начале в Боге». На основании этих слов можно и впрямь подумать, будто мною измышлено новое учение, отвергающее 1 Кор 1:23-24. Но я, конечно, далек от подобного противоположения. Выражение «женственное» применено мною в ряде многих других определений в совершенно определенном, наперед установленном смысле⁵ и, во всяком случае, оно не имеет значения женского начала (каковое проникает, до известной степени, в учение Вл. Соловьева, — чего я совершенно отрицаюсь). «Послание» продолжает: «Иногда это женственное начало является у них особым существом, или Ипостасью, хотя и не единосущным Святой Троице, но и не совершенно чуждым Ей». На основании этих слов можно подумать, будто мною изобретено некое женственное (подразумевается: женское) начало, которому отводится место в недрах Св. Троицы, и оно является даже ипостасью. Трудно, очевидно, победить предубеждение, но мне остается еще раз со всею решительностью заявить, что такого учения не выражал и не разделяю, ибо внесение четверицы во Св. Троицу считаю богохульством и нелепой ересью. Здесь происходит явное недоразумение, подобное тому, какое возникло во время паламитских споров, когда Варлаам Калабрийский, выступавший против учения св. Григория Паламы об энергиях Божиих, обвинял его в том, что он проповедует многобожие. В докладе собору епископов 1926 г. архиеп. Феофан приводит мои слова, где я характеризую Премудрость Божию (в согласии с моим пониманием соответственных библейских текстов) как «умную сущность» (в отличие от простого свойства). В своей же передаче моего мнения вместо выражения «сущность», имеющего философский смысл, он употребляет выражение «существо», имеющее другой, мною совершенно отрицаемый смысл (т.е. именно — ипостаси). Это же выражение «существо» употреблено теперь и в «Послании» для выражения моих мнений⁶.

«А иногда, — продолжает «Послание», — не ипостасью, а ипостасностью, которая однако способна ипостазироваться, т.е. становиться ипостасью». Замысел всего моего различия ипостаси от ипостасности к тому именно и клонится, чтобы противопоставить Премудрость Божию божественным ипостасям и устранить ее понимание как особой четвертой ипостаси с превращением троицы в четверицу. Такое именно значение имеет понятие «ипостасность», в отличие от «ипостаси», в моем построении. В нем не вводится поэтому ни нового догмата, ни нового учения, но лишь предполагается вспомогательное понятие или богословский термин, имеющий инструментальное значение. Известно, что богословские термины все время изменялись в истории и закреплялись в определенном смысле далеко не сразу. И введение

нового богословского термина само по себе отнюдь не представляет догматического новшества, хотя может оказаться и неудачным, — показать это есть дело научной богословской критики.

«Послание» продолжает: «Причем в первом случае София является у них существом, превышим Богоматери, от Которой приемлет даже почитание, а в последнем — она почти отождествляется с Богоматерью. Как видно, они сами не дают себе ясного отчета в своих собственных учениях. Но и в той, и в другой форме учение это совершенно чуждо и апостольскому преданию и древле-отеческому учению».

Эти слова также возбуждают ряд невольных недоумений. Прежде всего, в самом «Послании» божественная София отождествляется со Христом, согласно 1 Кор 1:23–24, но разве в таком случае отсюда не вытекает, что «София является существом, превышим Богоматери, от Которой приемлет даже почитание», и как же может быть иначе? Но самое главное — это то, что существует, действительно, двоеие ликов божественной Софии. Ибо она, с одной стороны, принадлежит божественной жизни, имеет премирную, несотворенную, вечную природу, а с другой стороны, — она сближается до отождествления с существом тварным, хотя и всего тварного мира превышим, — с Пресвятою Богородицею. Только это двоеие не принадлежит в данном случае моему греховному скудоумию, но присуще святой Православной церкви. «Послание» утверждает, что это учение чуждо «апостольскому преданию и древле-святоотеческому учению». Это неопределенное и неточное выражение, очевидно, содержит общую мысль о несоответствии рассматриваемого учения всему церковному преданию. Однако исчерпывается ли церковное предание и опирающееся на него церковное учение (а следовательно, и стремящаяся к его раскрытию богословская доктрина) «апостольским преданием» (т.е., очевидно, словом Божиим) и «древле-святоотеческим» учением? Относится ли к этому составу церковного предания также молитвенная жизнь церкви, т.е. чинопоследования, богослужебные тексты, изображения на иконах, священные обряды, празднества и т.д.? Не может быть сомнения, что молитвенная жизнь Церкви движима Духом Святым. Свидетельства богослужебных текстов, икон и т.п. имеют в церковном предании, во всяком случае, не меньший авторитет, нежели святоотеческие творения, которые в частности своих могут содержать личные мнения, отнюдь не обязательные для церкви, между тем как этого нельзя допустить относительно богослужения как источника вероучения. Но если это так, то приписываемое мне в качестве новшества и называемое «чуждым апостольскому преданию и древле-святоотеческому учению» сближение Софии в одних случаях со Христом или вообще с Божеством, а в других — с Матерью Божией принадлежит вовсе не мне, а Православной церкви, насколько ее учение запечатлевается в ее богослужебной жизни. В одном смысле Премудрость прямо отождествляется со Христом (многочисленные церковные песнопения), но в других — с Богоматерью⁷.

Почитание св. Софии в отношении своей древности может удовлетворять самым строгим требованиям относительно «древле-святоотеческого» предания, потому что софийные храмы стали появляться в Византии в эпоху Вселенских соборов, из них первый и славнейший — царьградская София, где прияла через послов своих первое духовное просвещение и Русская земля. Хотя точно и не установлен тот особый смысл, который вкладывался в это храмовое посвящение, однако есть основание думать, что в византийском понимании София сближалась со Христом как ипостасным явлением Премудрости, и храмовой праздник был, видимо, Господский (в день Рождества Христова или Вознесения). Софийные храмы в древней Руси были весьма многочисленны, причем именем Премудрости Божией русский народ освящал самые важные и священные соборы: достаточно вспомнить новгородскую, киевскую Софию и др. В одних из этих храмов, вслед за Византией, почитается божественная премирная природа Софии, и здесь на ее иконе изображается огненный ангел, над ним же сверху изображается Христос и вся Св. Троица, по правую сторону, с молитвенно воздетыми руками, — Богоматерь

(с Богомладенцем), а по левую — Предтеча. Эта икона новгородская воспроизведена и на наружной апсиде московского Успенского собора. В этих изображениях София, действительно, «является существом, превысшим Богоматери, от Которой приемлет поклонение» (эта икона чтима и у старообрядцев).

Однако в других случаях св. София, действительно, почти отождествляется с Богородицею; это выражается в том, что, в частности, храмовым праздником в русских софийных храмах является день Рождества Богородицы (в Киеве) или Ее Успение, причем храмовая икона Софии в Киеве есть богородицкая икона, в особенно сложной композиции (или даже «Стена Нерушимая» — изображение Богородицы молящейся — Оранты, без младенца, имеет, видимо, также софийное значение). И эта двойственность запечатлевается не только в массивных памятниках храмового зодчества, но и в церковных песнопениях, ибо в последовании службы св. Софии, Премудрости Божией, можно найти и ту и другую мысль: прославляется Христос, но ублажается и Богородица⁸. И в своем богословствовании я считал необходимым принимать к руководству во всей силе эти факты церковного благочестия. Небрежение к церковному преданию, доходящее до прямого противления ему, или же трактование важной и древней догматической иконы как «случайной средневековой картины» я почел бы, действительно, модернизмом, рассудочное разумение противопоставляющим церковному преданию⁹.

Итак, в богословствовании о Софии я имел пред собою прежде всего факт церковного почитания Премудрости Божией. Пред лицом этого факта, который как будто не замечается в «Послании», как же можно понять его окончательный приговор: «Не так прияла, не так предала, — скажем вместе со св. Афанасием, — Божия Церковь. Не от отцов заимствованное, а ныне только изобретенное»? А за ним следует и еще более грозная ссылка на текст 1 Тим 4:1 об отступлении от веры в последние времена под влиянием духов обольстителей и учений бесовских.

Итак, о чем же вообще идет речь? Действительно ли о новых догматах или же только о богословских мнениях в их истолковании? По крайнему моему разумению — только о последних, причем самые догматы при этом вовсе не затрагиваются в своей неприкосновенности. Богословствование же и не может существовать без известной свободы богословского суждения, разумеется, в пределах догматов Православия. Через это является и возможность различий в богословских мнениях или теориях, как об этом научает и ап. Павел: «Подобает бо и разделением (разномыслиям) в вас быти, да искусные явлени бывають в них», и благия разномыслия в истории церкви всегда бывали и служили к благу церковному. Разве история патристики не знает различия целых богословских школ, или направлений, каковы, например, школы Антиохийская или Александрийская? Разве апологеты и отцы церкви в своем мыслительском и писательском облике всегда походят друг на друга? Разве мы не имеем среди церковных писателей столь различных между собою, как отцы восточные и западные, Дионисий Ареопагит и, положим, Тертуллиан? Разве не было среди отцов церкви мыслителей со столь своеобразным богословским мировоззрением, как у св. Григория Нисского? или же столь глубоко уходящих в философию в своем богословствовании, как св. Иоанн Дамаскин или св. Максим Исповедник, или св. Григорий Палама, особенно если сопоставить их труды с творениями великих подвижников — свв. Макария, Сирина, Иоанна Лествичника и других? Разве это же различие не повторяется и в новейшее время и в нашей Русской церкви, и не являемся ли мы и ныне свидетелями всем известных и серьезнейших догматических разномыслий между некоторыми из епископов, подписавших это «Послание», в частности митр. Антонием и ариеп. Феофаном по таким основным вопросам, как об искуплении, о почитании Имени Божия, а может быть, еще и другим? И если для них это разномыслие справедливо не является препятствием к церковному единению, то, очевидно, для этого имеется достаточное основание, и именно в том, что подобает и «разделениям»-разномыслиям

быти, и речь может идти только о допустимых для них пределах, и тогда, во всяком случае, следует еще доказать, что эти разногласия должны быть менее существенны, нежели ныне обсуждаемое. В частности, учение о Софии, Премудрости Божией, в моем понимании содержит в себе не новый догмат, но только попытку подвергнуть богословскому истолкованию некоторые факты церковного благочестия, с одной стороны, и библейские и святоотеческие учения — с другой. Притом этому истолкованию сам я придаю значение лишь богословского мнения, гипотезы, которая, конечно, подлежит богословской критике. Однако в своих пределах и оно имеет право на существование в вопросе, по которому отнюдь не существует общеустановленного богословского учения. Но на основании неодобрения одного из многих богословских мнений в «Послании» ныне произносится суждение, бросающее тень на всю мою научно-богословскую и пастырскую работу.

«И ныне се, на небесех послух мой, свидетель же ми в вышних. Да придет моя мольба ко Господу, пред Ним же да каплет око мое» (Иов 16:19-20).

Вашего Высокопреосвященства нижайший послушник

протоиерей Сергей Булгаков

Пятидесятница, 1927 г.

Сергиевское подворье в Париже

1 Письмо в редакцию газеты «Новое время»: «На днях я узнал, что невольно явился причиной огорчения уважаемого и любимого мною протоиерея С.Н. Булгакова, который заявил протест в газете «Вечернее время» против указания на него как последователя Соловьевской идеи о мнимой Четвертой Ипостаси Св. Троицы — Софии и совершенно отрицает свое соприкосновение с таким ложным учением, в чем, впрочем, его укорял, сколько помню, и кн. Е.Н. Трубецкой. Во всяком случае, не имея никаких оснований не доверять о. Сергию, я, не входя в рассуждения о том, теперь ли он только освободился от такой ошибочной мысли о Четвертой Ипостаси или эта мысль ему была чужда и раньше, от души приветствую и его православие и его благочестивую настроенность и его доброе влияние на верующих студентов и желаю ему всяческих успехов на ученом и пастырском поприще деятельности. Митр. Антоний» («Вечернее Время» от 13-го ноября 1924 г. № 170).

2 Статья эта начинается с такого заявления: «Смело скажу, что если бы наши русские семинарии и академии были поставлены так, как Богословский Институт в Париже, то не было бы у нас в России ни Ракитиных, ни Живоцерковцев».

3 Из св. отцов св. Феофил и св. Ириней, еп. Лионский, определенно приравнивают Софию не Второй, а Третьей Ипостаси.

4 Библейское и святоотеческое учение о Премудрости Божией излагается мною в специальных экскурсах в книге «Купина Неопалимая», 1927.

5 Вот что говорится в моем очерке: «София как предмет любви Божией, как Слава Божия или Его Откровение необходимо есть живая умная сущность, ибо не призрачную отвлеченность и

мертвость любит Бог; все же конкретное, достойное любви живо, имеет силу жизни, получая ее от животворящего Духа Святого. Но насколько София есть любовь Св. Троицы как Ее самооткровение, может ли она, будучи предметом любви, не любить ответной любовью?

Так как София не есть ипостась, но лишь откровение трех ипостасей Св. Троицы, то ей присуща «способность ипостасироваться, принадлежать ипостаси, быть ее раскрытием, отдаваться ей, Это — особое ипостасное состояние не через свою, но через иную ипостась, ипостасирование через самоотдание. Это сила любви, однако пассивная, женственная, самоотдание в приятии любви, но без способности стать активным ее центром» («Ипостась и Ипостасность», §§ 8—9).

6 Чтобы пояснить свою мысль, я ответил бы прекрасным вопросом из учения св. Григория Паламы: «Энергия» в Боге является «существом», или «сущностью», или «свойством»? Первый смысл («существо») приписывал св. Григорию Варлаам; собственное мнение Варлаама сводилось к «свойству»; сам же св. Григорий понимал энергию как «умную сущность». Надо иметь в виду, что в данном случае, отношении понятия энергии Божией и Премудрости Божией не различаются; т.е. Премудрость Божия не только есть известное свойство Божие, раскрывающееся из дел Божиих, но есть и сама в себе, в Боге, т.е. сущность, как бы энергия Божия. Ипостасно же она открывается творению в воплотившемся Сыне, Божиим Слове.

7 Соответствующий богослужебный и литургический материал приводится мною в книге «Купина Неопалимая». Ср. также: Свящ. Павел Флоренский. «Столп и утверждение истины».

8 Служба Софии, Премудрости Божией, напечатанная в «Богословском вестнике», журнале Московской духовной академии, была переиздана Белградским студенческим кружком.

Ср. еще и в сборнике разных молитв, составл. пр. А. Ставровским и прошедшем СПб духовную цензуру.

Эти тексты сопоставлены в моей книге «Купина Неопалимая», 1927 г.

9 Но и по существу, если отнестись к вопросу без предубеждения, трудности устраняются очень легко и естественно. Ведь если рационалистически искать противоречий и противопоставлений, они могут быть найдены и в основном догмате, касающемся превосходящего наше разумение существа Божия: каким образом Бог, будучи вечен и надвременен, творит мир во времени? будучи неизменен, становится Творцом и приемлет тварное человеческое естество? Каким образом Христос, будучи истинным Богом, является и истинным человеком: плачет о Лазаре как человек, но Он же и воскрешает его как Бог? Молится Отцу как послушный Сын и возвещает Себя, что «вся Мне предана бысть Отцем Моим» и т.д.? В этих догматах веры есть нечто, превышающее наше разумение, но есть и постижимое для разума, если он только сознает свои границы и откажется от неподвижных рассудочных определений. Подобное же мы имеем и в вопросе о св. Софии. «Послание» не мирится с таким учением о Премудрости, в котором соединяются черты, присущие и божественному и тварному миру. Между тем, такое соединение прямо вытекает уже из того разумения отношения между Премудростью в Боге и божественною Премудростию в творении, которое установлено еще св. Афанасием Великим. Предвечная Премудрость в Боге есть ипостасное Слово Божие, в Котором открывает Себя Отец и запечатлевается Дух Святой, — есть откровение Св. Троицы. Премудрость же, осуществленная в творении (и в этом смысле тварная Премудрость), открывается в человечестве Христа, которое приял Он чрез Пречистую Матерь Свою, — Она есть Храм Премудрости, но чрез это и Сама — вместилище Премудрости. Об этой тварной Премудрости сказано Господом: «И оправдися Премудрость от чад своих» (или: «от дел своих») (Мф 11:19; Лк 7:35).

И в этом различии премирной и тварной Премудрости нет противоречия, подобно тому, как нет его и в Халкидонском догмате о двух природах: божеской и человеческой во Иисусе Христе при единстве божеской ипостаси, хотя рационалистическому рассуждению и здесь может показаться явное противоречие.

: Антон Карташев. Объяснение (по поводу обвинения в еретическом модернизме)

История церкви

Антон Карташев(профессор Православного Богословского института в Париже)

ОБЪЯСНЕНИЕ*

Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнейшему Евлогию, митрополиту Западно-Европейских Русских Православных Церквей.

На запрос Вашего Высокопреосвященства по поводу Послания Архиерейского Синода русских епископов за границей от 18(31) марта 1927 г. честь имею дать следующие разъяснения.

В этом «Послании», между прочим, дается неверное толкование и неверная оценка моей статьи от 1916 г. «РЕФОРМА, РЕФОРМАЦИЯ И ИСПОЛНЕНИЕ ЦЕРКВИ», перепечатанной в евразийском сборнике «На путях» в 1922 г. (Берлин). А именно, утверждается, что это мое произведение является «общим призывом к реформации». Что может быть неожиданнее по отношению к этому моему этюду?

I

На самом деле статья моя представляет собою, смею думать, не бледное, а яркое отрицание, прежде всего, широко распространенного в церковных кругах повышенного интереса к реформам в церкви. Меня можно упрекнуть в пренебрежительной, низкой оценке реформы, а не наоборот. Интерес к реформе церкви я называю интересом нерелигиозным, а «полуполитическим» (с. 30, 33), и церковь, реформированную по мерке либерализма, я называю «церковью выдохшейся» (с. 41). Напротив, «инстинкт церковных черносотенцев» я нахожу «неизмеримо глубже, подлинно церковнее, чем стремление церковных либералов» (с. 40).

Тем не менее, я, конечно, признаю то простое благо от реформы, которое сводится к восстановлению свободы канонического самоуправления церкви и независимости ее от вредной опеки государства. Да, я признаю, что этой опекой «церковное сознание подавлялось» и «церковным силам закрывался выход к новому творчеству» (стр. 43). Но я признаю это, можно сказать, последним из последних. Я не могу этого не признать вслед за всей русской иерархией, которая двести лет воздыхала под бременем «Духовного регламента». Из этих

воздыханий, лишь изредка попадавших под перо, можно составить большую книгу. Когда же появилась возможность обнаружить эти воздыхания, они полились рекой, в чем приняли участие и некоторые из иерархов, подписавших данное «Окружное послание». Так было в 1905 г.: см. официальное издание Св. Синода — четыре фолианта «Отзывов епархиальных архиереев о церковной реформе» (СПб, 1906 г., всего — 1960 стр.). В официальной «Сводке» из этих отзывов (СПб, 1906 г.) мы читаем: «Самостоятельная деятельность парализована близким решающим участием государственной власти в делах церкви и отсутствием средств для проведения своих решений в жизнь. Лишившись основного канонического строя, Российская Православная Церковь не могла уже сохранить тех проявлений церковной жизни, которые вытекают из основного начала — соборности. Для освобождения православной российской церкви от того неканонического и крайне стеснительного состояния, в котором она находится в наше время, необходимо возвратить ей утерянное начало соборности». За год перед тем митрополит Петербургский Антоний [Вадковский]¹, приглашенный в особое совещание Комитета Министров (на основании Высоч. Указа от 12 декабря 1904 г.) по вопросу о подавленности церковного сознания, сдержанно по форме, но глубоко по существу, выражался так: «Не благовременно ли устранить или хотя бы в несколько раз ослабить ту постоянную опеку и тот слишком бдительный контроль светской власти над жизнью церковной и над деятельностью церковного правительства, который лишает церковь самостоятельности и инициативы и, ограничивая область ее ведения почти одним богослужением и исправлением треб, делает ее голос совсем неслышным ни в частной, ни в общественной жизни? Не следует ли поэтому предоставить православной церкви большей свободы в управлении ее внутренними делами, где бы она могла руководиться, главным образом, церковными канонами и нравственно-религиозными потребностями своих членов и, освобожденная от прямой государственной или политической миссии, могла бы своим возрожденным нравственным авторитетом быть незаменимой опорой православного государства?» (Н.Д. Кузнецов. «Преобразования в Русской Церкви». М., 1906. С. 9).

Странно, что в наши дни вдруг оказались как бы забытыми азбучные истины, выстраданные в вековых томлениях русских церковных душ, и их готовы счесть за досужее измышление «сомнительных по православию» лиц.

II

Но если по отношению к реформе церкви, которую я в своей статье не проповедаю (отмежевываясь от патетических либералов), а просто как историк описываю и предсказываю (что и сбылось — положительно в Соборе 1917—1918 г., и отрицательно — в живоцерковничестве), я еще могу быть причислен к ее сторонникам, то по отношению к реформации счесть меня ее проповедником — это значит не понять в моей статье ровно ничего. Смею, опять-таки, думать, что если и есть что-нибудь в нашей публицистической литературе (не говорю об ученой, малодоступной) наиболее яркое по остроте отрицания реформации, так это моя статья. Если хотите, это моя миссионерская заслуга перед православием, ибо я, наперекор обычному предрасположению к духу реформации, резко «утверждаю ее существенную вредность». Это главное полемическое положение всей моей статьи. Вот, для примера, буквальные выражения: «Мы обязаны резко разойтись с весьма распространенным взглядом на протестантскую форму христианства как на высшую и дающую разрешение современным запросам человечества. Мы должны признаться, что не разделяем ни того благоговения, с каким относится у нас прогрессивное общественное мнение к реформации, ни того страха, который вызывает она у консерваторов. Мы считаем нужным отвести этому явлению надлежащее, не особенно важное и не особенно интересующее нас место.

Реформация в русской стихии не новость. Штунда, толстовство, баптизм и другие секты протестантского образца достаточно показывают, к какому умалению роли христианства в истории повела бы у нас всеобщая реформация. Уводя религиозную энергию в захолустье личного пиетизма, отрешая ее от всяких связей с государством и обществом, эта, уже русским опытом изобличаемая, реформация может радовать только врагов христианства, а может быть, и религии вообще, уступая им дорогу для свободного, вне конкуренции, построения вавилонской башни социального устройства людей без Бога. Нет, упования, возлагаемые нами на христианство и церковь, никоим образом не могут быть связаны с реформацией. Значит, нам не по пути с реформацией. И если к внешней, полуполитической реформе Русской церкви мы установили не очень патетическое отношение, если даже мы позволяем себе относиться к ней иногда безразлично, то к реформации в ее строгом и полном объеме мы должны отнестись не иначе, как враждебно. Ибо существо реформации не в тех частных полезных влияниях, на которые было указано и которые мы приветствуем. Суть ее — в убиении Церкви, т.е. той главной основы, от которой мы ждем всего» (с. 51—52).

Но борясь таким образом с реформацией, я опять-таки не в порядке проповеди, а в порядке исторического наблюдения и фактического предвидения констатировал неизбежность соприкосновения русской церковной жизни с некоторыми последствиями реформации, ставшими «слитыми теперь, так сказать, с самим воздухом современности» (с. 44). Я предсказывал, что это влияние «внесет в церковь плодотворную модернизацию мысли, психики и практики. Эта модернизация приспособит Русскую освобожденную церковь к новой жизни, так как теперешние их взаимоотношения безнадежно плохи и наносят невознаградимый ущерб делу церкви. Сейчас церковь имеет власть лишь над темными умами, примитивными, неорганизованными массами и потому двигать историю не в состоянии. Тогда она приспособится к передовому, творческому сознанию культурных групп и вместе с ними сможет участвовать в создании культурной истории» (с. 47—48). О чем я здесь говорю? Ясно, что не о каких-нибудь догматических, канонических, моральных изменениях и не о чем-то совершенно новом в жизни Русской церкви, а о том, что уже было и есть, но что может быть значительно количественно усилено. Разумею то мощное научно-богословское и общее просвещение всех учащих и управляющих сил церкви, которое так заметно преобразило внешний лик Русской церкви с эпохи Петровских реформ и сделало ее церковью, первенствующей на Востоке. Т.е. речь идет не о чем-то существенно-внутреннем в церкви, а лишь о ее внешнем историческом приспособлении к исполнению ее внешней исторической миссии в обстановке современности. Ибо церковь во всякую эпоху и во всякой культуре может, если хочет, занимать место соучастника в процессе общего исторического движения. Особенно восточные церкви охотно становятся национальными, т.е. идущими нога в ногу с судьбами духовно окормляемых ими наций. И чтобы не было сомнения, что я говорю здесь только о модернизации чисто внешней, технической, миссионерски-практической, а не проповедаю внутренний опошляющий модернизм, я сейчас же непосредственно после процитированных слов на с. 48 добавляю: «С другой стороны, влияние реформации может быть вредоносным. Дух рационализации и секуляризации может повести к величайшему обеднению церкви, к упразднению ее теократической души, т.е. выбросить за борт весь запас социальных заданий христианства. Тогда получится умиротворенная, очень удобная для светской безрелигиозной культуры национальная Русская церковь как одна из ничтожных восточных церквей, навеки бесплодная, уже не Церковь в собственном смысле. Иные, впрочем, не сознают этих обоюдоострых влияний реформации, а потому их, видимо, и не пугает последняя перспектива». Приведенными словами я предусматривал пошлость живоцерковщины с ее Александрями Введенскими и прочими большевистствующими лжепопами.

Не могу себе представить, каким образом интеллигентный читатель моей статьи может, после сказанного в ней, признать за мной проповедника реформации и модернизма?

III

Третье обвинение, выдвинутое против меня в «Окружном послании», касается моих мыслей о необходимости оживления в нашей церкви пророческого движения, или пророческого подъема для энергичного участия нашей церкви в разрешении злободневного, с точки зрения исторического момента, социального вопроса. Выдвинуто это обвинение неясно, мысли процитированы отрывочно и искаженно, с тенденциозными умолчаниями.

«Окружное послание» ложно внушает читателю, будто речь о пророческом подъеме в церкви и есть именно то содержание, которое я вкладываю в идею реформации. Как раз наоборот: я всю предшествующую главу о реформации для того только и написал, чтобы отвергнуть реформацию как неспособную и прямо вредную стихию для церковного разрешения социального вопроса. И после того, как реформация мною отвергнута, я приступаю к восхвалению полноты-«исполнения» догмата Церкви, и только на этой полноте (а не на враждебной ей реформации) строю свое упование о разрешении всех вопросов ведения и жизни.

При этом я утверждаю, что без особого пророческого вдохновения и расширения практики церковной нельзя церкви стать властной руководительницей новой культуры и социального движения, с которыми церковь разобщилась с эпохи Возрождения и которые она, так сказать, покинула на их собственные силы и предоставила им блуждать по путям духа тьмы. Пророческими я называю все творческие моменты в истории церкви. Творчество Вселенских соборов есть пророческое творчество: «изволися Духу Святому». Творчество отцов и учителей церкви – пророческое творчество. Соединение императором Константином христианства с Римской империей — пророчески-творческое действие. Но этим пророческое вселенское творчество Церкви не исчерпано и не закончилось. На запросы новейшей и, если угодно Господу, может быть, еще многотысячелетней будущей истории Церковь должна и может отвечать новыми творческими актами, пророчески ярко оформляющимися в ее соборных достижениях в критическую минуту ее кафедральной миссии. Законно и праведно ждать через присно животворящего Церковь Духа Святого непрерывного плодоношения Церкви: и новых святых, и новых чудес, и новых отцов и учителей церкви, и новых Вселенских соборов, и новых формул вечно неизменного в существе апостольского залога веры, новых проявлений духовной и нравственной силы Церкви в исторической жизни народов. Новых в том же смысле, как новой была церковь необрезанных для апостолов обрезания, как ново было египетское монашество для церкви и деяний апостолов, как новы были Первый вселенский собор и учение о Св. Троице великих каппадокийцев для мужей апостольских — патриархальных Папия, Климента, Ерма, как ново было постановление об иконах даже для богомудрых светил высочайшего богословия — отцов Халкидонского собора, как ново все плодоношение Церкви в истории на основе неотменяемого старого, как плоды, цветы, листья, ветви и ствол дерева не отменяют друг друга и в особенности — его корней. Приписывание мне призыва «к отступлению от истины, хранящейся в Церкви со времен апостольских», посему считаю явно несправедливым и ничем не доказанным.

Может не нравиться моя терминология. Может казаться чрезмерным термин «пророчество» в применении к творчеству и церковному и, особенно, общекультурному. Но это уже вопрос второстепенный. Важна мысль, а не слово. Тем более, что моя статья не является ни учительным словом (*ex cathedra*), ни каким-либо катехизическим изложением, ни символом веры. Это простое светское публицистическое произведение, правда, на церковную тему, все

фразы и слова которого — особенно по истечении двенадцатилетнего промежутка времени! — я не собираюсь упорно защищать. И более того — готов был бы все благожелательные критические указания соединить с моей собственной самокритикой и переизложить все написанное лучше, точнее, совершеннее, если бы это для чего-нибудь понадобилось впредь. Но термина «пророчество» я держусь сознательно, в противовес еще господствующей в нашем светском просвещении позитивистической и чисто номиналистической манере мыслить о всем духовном абстрактно, т.е. рационалистически. Этот рационализм свойствен и большинству представителей нашей богословской школы, которую я проходил и достоинства и недостатки которой я впитывал в себя одновременно с некоторыми нападающими на меня иерархами. Мне ясно, что в данном вопросе их отделяет от меня привычка к школьной абстракции там, где я резко перешел к платоновскому реализму, родственному всей древней религиозности, как языческой, так и иудео-христианской и истинно-церковной. Для меня нет абстракций в том, что всякое творчество «вдохновенно». Да, всяким руководит «дух», но или благой, или злой. Все «вдохновенное» — пророчественно в буквальном смысле, т.е., опять-таки, — или от Духа Божия, или от лукавого, иначе <говоря,> — пророчественно или лжепророчественно; но и «лже» — в реальном смысле стоящего за ним духа злобы. Нет ничего пустого, абстрактного, только словесного, безразличного. Все служит или Христу, или Велиару. Или находится под сталкивающимся воздействием Духа Божия и «духа лестча», как например, одаренное свободой сердце человеческое колеблется и отдается то той, то другой духовной силе. Тут вопрос становится сложным, и без дара различения духов невозможно в нем окончательно разобраться. Для данного случая мне важно подчеркнуть одно, а именно — что никакое вдохновенное творчество, самое естественное, внецерковное, языческое, не внедуховно и должно быть духовно квалифицировано знаком плюс или минус. И именно ничуть не обязательно все естественное и внецерковное рассматривать под знаком минуса. «Царь Небесный везде сый и вся исполняяй» животворит не только Тело Христово — Церковь, но и всю тварь, и «дышет, идеже хочет». Он благодатью Своею «предваряющею» призывает к спасению весь мир и «всякое благое воление в человеках» устремляет, не насилуя свободы, к единому центру и стержню творения — Творцу-Логосу, Возглавителю всех «небесных же и земных, и преисподних». Посему когда в судьбах истории церковь находится, так сказать, в ссоре и разлуке (верим — временной) с общей культурой, то не останавливающийся процесс человеческого творчества, вдохновляясь своими задачами, не лишается духовного воздействия спасительной благодати Духа Святого, как открыто было апостолу Петру о язычнике Корнилии, «что Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему» (Деян 10:34-35). Так мыслили и древнехристианские апологеты и церковные гностики, как св. Климент Александрийский, видевшие в эллинской философии, наряду с ветхозаветным Законом, детоводительницу ко Христу, и церковные иконописцы, изображавшие в храмах образы Платона, Еврипида, а на Западе — Вергилия и сивилл с верой в их причастие к пророческому озарению от Духа Божия. Так же и мы находим не обязательно ошибочным пророческий подъем внецерковного человечества и его благодатные ощущения в наиболее чистые возвышенные минуты его творчества. Но конечно, это непрекращающееся в мире естественном, языческом, даже и после явления Христа и Церкви, промыслительное откровение и вседеприсутствие благодати Духа Святого не есть достаточная гарантия положительности внецерковного делания человечества. Ибо для моего православного сознания нет ярче и ощутимее величайшего библейского догмата о том, что «мир во зле лежит» и что не «облекшись во всеоружие Божие, не препоясав чресла истиной, без брони праведности, без щита веры, шлема спасения и меча духовного» (Еф 6:11-17), что дается только в полноте Церкви, «невозможно противостоять козням дьявольским». И я в своей статье, вслед за утверждением пророческой качественности в естественных усилиях человечества, сейчас же делаю оговорку о незащитности их от «всех раскаленных стрел лукавого» (Еф 6:16). Я говорю, что там, где может повеять «благодать», там же лукавый легко подменяет ее «лжеблагодатью». Умолчание об этом в «Окружном послании» есть сознательное сокрытие от

доверчивого читателя всей полноты моей мысли, смею думать, правильной и церковной. Вот что я пишу: «Может быть, нет полной ошибки в заподозривании этого духа как лжеблагодати. Ибо истинный дух пророчества, подлинная благодать эсхатологического вдохновения в разлуке с благословением Церкви действительно беззащитны от приражения к ним духа лжи, духа антихриста, царствующего в антирелигиозной, отрицающей свой конец культуре. Опасность приражения лжи, от соседства с нею, будет устранена, когда поток творческого пророчества сольется с Церковью. Пока же человечество, изнемогая от соблазнов духа тьмы, то падая, то снова поднимаясь, не зная даже ясно, кому и чему оно служит, эсхатологически стремится установить свою власть на земле... Последовательные ортодоксальные люди решаются утверждать, что все это великое стремление человеческого гения есть дело князя мира сего. Но мы не допускаем столь черного религиозного пессимизма и больше памятуем о радостном слове евангельском, что князь мира сего побежден... Правда, ослепленное сознание — не столько самих масс, сколько гордых и самомнительных идейных вождей — думает устроить царство свое, царство человеческое, без Бога и даже против Бога. Но дело Церкви бороться и прекратить этот грабёж ее собственного идеала и возвратить человечеству с печатью своего освящения его наследственное достояние». Это написано в 1916 г. После адского опыта большевизма я нашел бы слова посильнее и краски поярче. Но и тогда антихристова суть большевизма мною была предусмотрена и оговорена.

Вот разъяснение по трем пунктам, выдвинутым против меня «Окружным посланием». Мне кажется, что только какое-то страстное ослепление могло вычитать в моих строках то, чего в них нет.

В заключение мне хотелось бы исповедать перед Вами, Ваше Высокопреосвященство, как пред моим владыкой и отцом духовным, что по совести я чужд легкомысленной уверенности в какой-то безошибочности всех своих богословских мнений. Все их я готов «вменить в умоты» пред голосом единоспасающей Матери моей - Церкви Православной, если бы они с нею разошлись, по ее праведному суду, чего я не вижу в настоящем случае. Я высоко ценю умственное и научное служение церкви и свободу, даруемую для этого в Православии, но абсолютная верность Церкви и вечное спасение для меня не идет с этими относительными ценностями ни в какое сравнение.

Вашего Высокопреосвященства нижайший послушник

А. Карташев

19 июня 1927 г.

* Объяснения А.В. Карташева и прот. Сергия Булгакова печатаются по: Церковный вестник Западно-Европейской епархии. № 5. 17 (30) ноября 1927 г. С.14—30.

1 См. его «Вопросы о желательных преобразованиях в постановке у нас православной церкви» // Православная община. № 43 (1998, № 1). С. 60—63.

* * *

: Владимир Ильин. Церковная смута и обвинение в еретическом модернизме

История церкви

Владимир Ильин

ЦЕРКОВНАЯ СМУТА И ОБВИНЕНИЕ В ЕРЕТИЧЕСКОМ МОДЕРНИЗМЕ*

В последнее время противники митрополита Евлогия, почувствовав, что каноническая почва, на которую они имели неосторожность вступить, колеблется у них под ногами, решили избрать иной путь. Путь этот есть обвинение митрополита Евлогия в покровительстве «модернизму» и вообще «ересям», которые будто бы проповедуются некоторыми преподавателями Богословского института, расположенного на территории Сергиевского подворья и основанного митрополитом Евлогием.

С точки зрения целесообразности, такую перемену тактики нельзя не признать для намерений противников митр. Евлогия значительно более полезной, чем крайне опасной для них же самих канонический поединок. В самом деле, если каноническая контраверза ничего не говорила среднему обывателю и не пугала его, то обвинения в ереси много сказали ему, и еще более — напугали. Несомненно верен и расчет на невежество толпы, которая, как и всегда, «ленива и нелюбопытна», предпочитает судить с чужого голоса и совершенно не интересуется фактической стороной дела.

Судя по содержанию «Послания Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей 18(31) марта 1927 г., Сремски Карловци, № 341», его авторы под «модернизмом» понимают во-первых, апологию не то реформы, не то реформации со стороны проф. А. В. Карташева¹ и, во-вторых, учение о Софии, Премудрости Божией, развиваемое проф. прот. Сергием Булгаковым в некоторых его сочинениях².

Во всем этом обвинении особенно характерным является термин «модернизм».

В употреблении этого термина авторы «Послания» не хотят дать себе отчета.

А между тем, если сделать это, то окажется вот что:

1) Термин «модернизм» может быть взят в двояком смысле. Под ним можно, следуя лексикологии термина, разуметь всякую современную мысль, т.е. мысль, относящуюся к настоящему времени. Обвинения в таком «модернизме» не имеют смысла по своей неопределенной широте, ибо тогда пришлось бы и отцов церкви, упрекнуть в «модернизме», что их враги и делали. Стоит вспомнить обвинения св. Афанасия Великого со стороны отцов Антиохийского собора (в общем, вполне православных) за новый и непривычный термин «единосущный» (по-гречески «омоусиос»). А между тем, этот термин ярчайшим лучом горит в нимбе, окружающем священную главу великого Александрийского пастыря, и есть основа православного богословия.

2) Под модернизмом в специальном смысле слова разумеется ряд богословских и философских мнений, осужденных папой Пием X в двух документах: а) Декретом *Lamentabile sane exitu* (3 июня 1907 г.) и б) Энцикликой *Pascendit dominici gregis* (7 сентября 1907 г.). Декрет осуждает те течения в католицизме, которые именуются там «широким и либеральным протестантизмом».

Эти течения радикально отступают от церковного понимания богодухновенности книг Священного писания, откровения, христологии, учения о Церкви и таинствах, учения о вере и догматах — в смысле их натурализации и рационализации этих учений.

Энциклика осуждает философский модернизм в его трех разновидностях: эволюционизма, агностицизма, и имманентизма.

Применять термин «модернизм» к сочинениям проф. А. Карташева и прот. Сергия Булгакова решительно нет оснований.

Авторы «Послания» видят «модернизм» в учении о реформе или реформации церкви (у А.В. Карташева) и в учении о Софии, Премудрости Божией (у о. С. Булгакова).

К сожалению, и в этой ограниченной сфере придется констатировать грустный факт очевидной неправды.

Извлечения из статьи Карташева «Реформа, Реформация и исполнение Церкви» сделаны так, что рисуют автора статьи в виде безоговорочного сторонника реформации, а между тем А.В. Карташев является решительным врагом реформации и сторонником вековой сращенности Русской православной церкви с самодержавием. Так, в этой статье он говорит: «Для Русской церкви связь православия с самодержавием для настоящей эпохи остается значительным моментом в ее теократическом сознании» (с. 40). Далее А.В. Карташев решительно берет сторону церковных черносотенцев против церковных либералов: «Инстинкт церковных черносотенцев, — говорит он, — смешивающих принцип с историческим воплощением, неизмеримо глубже, подлинно-церковнее, т.е. теократичнее, чем стремление церковных либералов, смешивающих освободительные формы внешнего бытия Церкви с настоящим осуществлением ее задач» (там же, с. 40). Что же касается реформации Русской церкви, то А.В. Карташев в этой статье вовсе не является ее проповедником, а лишь занят решением вопроса о предполагаемых результатах такой реформации, если бы она произошла. Он находит, что результат реформации был бы двойственный.

Допуская некоторое освежение мысли, психики и практики (что он именует модернизацией, абсолютно не вкладывая в этот термин вышеприведенного католического содержания), в реформации он видит нечто до такой степени отрицательное, что решительно ее отвергает: «Нет, упования, возлагаемые нами на христианство и Церковь, никоим образом не могут быть связаны с реформацией» (А.В. Карташев, там же, с. 52). «Нам не по пути с реформацией» (там же). «Существо реформации не в тех частных полезных влияниях, на которые было указано. Суть ее — в убиении Церкви, т.е. той главной основы, от которой мы ждем всего» (там же).

Видеть в приведенных строках «призыв к реформации», как это хотелось бы показать авторам «Послания», это значит утверждать заведомую неправду, — в расчете, очевидно, на незнакомство читателей с подлинной статьей А.В. Карташева. Равным образом неверно и в искажающем разрыве с контекстом переданы и места этой статьи, касающиеся «пророчеств» и «благодати новой жизни». Авторам «Послания» явно хочется убедить своих читателей, что речь здесь идет об одиозных проявлениях современности, которые будто бы одобряются А.В. Карташевым, так же, как и реформация; они явно скрывают, что речь идет о том воздухе, «которым дышала ранняя церковь» (там же, с. 87). На с. 87 из всего контекста видно, что автор сетует на то, что «в церкви осталась слезами умиления и восторга напоенная радость примирения с тленным и преходящим образом мира сего, но радости творческого разрушения и созидания в ней нет». Но это ничего общего не имеет с политическим разрушением и созиданием, а касается лишь общей духовной жизни и берется в смысле эсхатологическом (с. 87). Если осуждать такого рода стремление, то придется осудить и слова апостола Павла,

сказавшего: «Древняя мимоидоша, се быша вся нова» (2 Кор 5:17), и слова св. апостола Иоанна Богослова «Се нова вся творю» (Откр 2:5). Не о политических злобах дня идет здесь речь, а о забвении некоторыми эмпирическими представителями церкви обновляющего и творческого значения непорочной Невесты Христовой в жизни мира. «Нова же небесе и новы земли по обетованию Его чаем, в них же правда живет» (2 Пет 3:13). Статья А.В. Карташева заканчивается подчеркнутым отрицанием реформы и реформации (там же, с. 98). И вообще, и в своих лекциях, и в публичных выступлениях А.В. Карташев известен как умелый и искусный апологет сраженности церкви и монархии³. Совершенно непонятная ожесточенность, с которой обрушиваются на него некоторые сферы, включающие в себя и карловацкий епископат, заставляют предполагать, что здесь речь идет с их стороны, скорее, о безблагодатном «полицейском государстве», а не о священной монархии, дорогой церковному сознанию А.В. Карташева.

Что же касается развиваемого о. Сергием Булгаковым учения о Софии, Премудрости Божией, в вышеприведенных его сочинениях, то, вопреки обвинениям авторами «Послания» в новшестве, о. С. Булгаков в огромном собранном им материале, оставленном авторами «Послания» без рассмотрения по существу и без научно-богословской критики, стремится доказать, что именно нового в этом учении нет ничего и ставит вопрос об отношении Бога к твари, о существе первозданного безгрешного человека, о действии и Бога в твари — и все сюда относящееся.

Никаких догматических утверждений о. Сергий Булгаков не делает, а дает лишь научно-богословскую гипотезу, на основании которой пытается связать в систему весь относящийся к этой проблеме материал.

Конечно, эта гипотеза, как и всякая гипотеза, подлежит возможности оспаривания и обсуждения с выставлением аргументов и контраргументов — именно уже потому, что по этому поводу нет точных догматических формулировок.

Существование же проблематики в богословской науке никто серьезно не отрицает. Автор этих строк мог бы многое привести как из своих частных бесед с некоторыми представителями карловацкого епископата, так и из их сочинений, где проблематика принципиально признавалась.

Чтобы показать, каким образом авторы «Послания» критикуют учение о Софии, приведем примеры. Они пишут:

«До сих пор, вместе с апостолом Павлом и со св. отцами церкви, мы знали лишь Христа распятого, для иудеев соблазн, а для эллинов — безумие, для самих же призванных иудеев и эллинов — Христа, Божию Силу и Божию Премудрость» (Софию) (1 Кор 1:23-34).

Написав же это, они не принимают во внимание, или не желают принять, что как раз именно некоторые из святых отцов, на авторитет которых они ссылаются, именуют Софией Премудростью не вторую, но третью Ипостась — Духа Святого (св. Феофил Антиохийский, *Ad Autolicam* 2, 10; св. Иринея Лионский, *Adv. haeres*, 4, 20).

Затем, они утверждают, что «и в той и в другой форме учение это совершенно чуждо и апостольскому преданию и древнесвятоотеческому учению», и в то же время аргументация о. Сергия от Св. писания и св. отцов оставляется авторами «Послания» без внимания, а их собственная ссылка на апостольское предание и святых отцов остается голословной, без точных указаний. Вместо точных ссылок и критики по существу авторы «Послания» умножают неопределенные обвинения, доходя до явной неправды.

Так авторы «Послания» пишут, что известные профессора «возвещают нам это новое учение о Софии как о женственном начале Бога. Иногда это женственное начало является у них особым существом, или «Ипостасью»...»

А между тем о. Сергей Булгаков признание женственного начала Божества именует в «Свете Невечернем» «мерзостью», а относительно ипостасности в Софии, Премудрости Божией, пишет в «Неопалимой Купине», что она «ни на одно мгновение» не приобретает «характера особой Ипостаси» и не превращает «Святой Троицы в Четверицу, — сие богохульство да не будет!» (Неопалимая Купина, с. 254).

Таким образом, даже если отбросить заведомую неправду, допускаемую авторами «Послания», то окажется, что ереси никакой нет, а есть в крайнем случае учено-богословская проблема или мнение, основанное на огромном материале от Священного писания, св. отцов, иконографии, литургики и церковной архитектуры.

Творения св. отцов переполнены такими проблемами и мнениями, которые иногда не только оставались их личными благочестивыми воззрениями (теологуменами), но и приняли церковное осуждение. В виде примера достаточно указать на св. Григория Нисского, отрицавшего вечность адских мук, на св. Василия Великого, не разрешавшего именовать Духа Святого Богом, на тайную исповедь, выходящую из употребления и опять входившую, и т.д., вплоть до неправильного мнения митр. Антония о догмате искупления⁴.

Ересью называется нечто другое: под нею разумеется утверждение неправого мнения, касающегося основ православного вероучения, и признание этого учения его автором, вопреки всецерковному осуждению, истинным.

Отсюда учение о. С. Булгакова о св. Софии и не может быть названо ересью, ибо он не проповедует чего-либо нового, чего не было в церковном сознании, и обосновывает свое учение на слове Божиим и святоотеческом предании, и никогда не утверждает его в качестве догмата, непризнанного и осужденного св. Церковью.

Из всего сказанного следует совершенная необоснованность обвинений в потворстве, оказываемом митрополитом Евлогием «реформаторам» и «нарождающемуся модернизму». Форма для этого обвинения взята из папских документов, а содержание является собственной композицией авторов «Послания». И если ими приводится в конце «Послания» требование св. Кирилла Александрийского «говорить, что должно», то вряд ли из этого можно извлечь для себя позволение говорить то, что ложно.

Другое изречение не менее великого отца само собой всплывает в памяти по этому поводу: «У нас всегда так: кто нам неприятен, тот и не православен», — сказал св. Василий Великий по поводу клеветы его недругов, обвинявших пастыря Кесарии Каппадокийской в аполлинарианстве.

Париж, июнь 1927 г.

* Печатается по: Церковный вестник Западно-Европейской епархии. № 1. 20 июня (3 июля) 1927 г. С. 19—24.

[1] А. В. Карташев. «Реформа, Реформация и исполнение Церкви» // Сборник «На путях» — «Утверждение евразийцев». Кн. 2.

2 С. Булгаков. Свет Невечерний. Москва, 1917 г. (Софийность твари); Ипостась и Ипостасность // Сборник статей, посвященных П.Б. Струве. Прага, 1925 г.; Купина Неопалимая. Париж, 1927

г.

3 Автор настоящих строк совершенно не согласен в этом и с проф. А.В. Карташевым. Отрицая, как и он, всякую реформуляцию, мы в тоже время категорически отрицаем и сращенность православной догматики, выражающей вечное бытие, с какой-нибудь формой политического строя, являющегося лишь преходящим временным бванием, «образом века сего».

4 Митр. Антоний (Храповицкий) — глава зарубежной Карловацкой церкви, до революции — один из самых авторитетных архиереев «правого» толка. В своем учении об искуплении придерживался мнения, что оно совершилось, прежде всего, в гефсиманских страданиях Господа. — Прим. ред.

* * *

: «Кто нам неприятен, тот и не православен». Предисловие к публикации

История церкви

«КТО НАМ НЕПРИЯТЕН, ТОТ И НЕ ПРАВОСЛАВЕН»

Предисловие к публикации

«Странно, что в наши дни вдруг оказались как бы забытыми азбучные истины, выстраданные в вековых томлениях русских церковных душ, и их готовы счесть за досужее измышление «сомнительных по православию» лиц». Прочтя эти слова А.В. Карташева, невольно удивляешься тому, что написаны они не сегодня, а более семидесяти лет тому назад, сразу после карловацкого раскола...

Действительно, некоторые события, происходящие в нашей церкви сейчас, когда столь легко услышать или прочесть обвинение в ереси, обновленчестве, модернизме, либерализме и т.п., заставляют вспомнить происходившее в Русской церкви в конце 20-х—начале 30-х гг. XX в., когда руководители т.н. Зарубежной (Карловацкой) церкви попытались оправдать свои раскольнические действия обвинением своих оппонентов в ереси и модернизме. В качестве «объектов» нападения были избраны виднейшие деятели Русской церкви, профессора Богословского института в Париже, пытавшиеся, в меру уделенных им Богом сил и даров, дать подлинно церковный ответ на «горящие» вопросы того трагического времени, — историк Антон Владимирович Карташев, последний обер-прокурор Синода и министр исповеданий Временного правительства, и прот. Сергей Булгаков, сотрудник св. патриарха Тихона, активный участник Собора 1917—1918 гг. и первых лет послереволюционной жизни в России, создатель и «душа» самого Богословского института. Карловацким синодом было издано соответствующее «Окружное послание». Ответы на содержащиеся в нем обвинения мы и предлагаем сегодня нашим читателям.

Мы надеемся, что эти документы не только позволят всем нам понять истинные причины происходящего сегодня в русской церкви и еще раз удивиться тому, насколько не изменились

методы очернения искренних служителей Бога и Церкви из другого «лагеря» и насколько желание оправдать собственную слабость затмевает даже элементарные требования человеческой порядочности и ведения диалога (не говоря уже о христианском братолюбии), но и познакомиться с образцами достойных ответов на подобные обвинения.

К сожалению, даже оставляя за скобками нравственную сторону дела (не нам судить людей, живших в то время, когда и впрямь «земля горела под ногами»), нельзя с горечью не отметить, что в собственно богословском отношении мы по-прежнему «блуждаем в трех соснах», что те обвинения в ереси, которые мы слышим и читаем сегодня, именно типологически оказываются теми же самыми: сегодняшние «ревнители православия», сами, вероятно, о том не подозревая, спотыкаются о те же камни, что и их предшественники.

Действительно, и сегодня в нашей богословской среде нет должной чуткости и внимания к таким сложнейшим и актуальнейшим для всего XX (а теперь, видимо, — и XXI) века проблемам, как, например, Бог в Его обращенности в тварному миру, из-за чего тогда выдвигались нелепые обвинения в введении в Св. Троицу «четвертой Ипостаси», а сегодня — схожие обвинения в «учении о двух Святых Духах» (по существу восходящие, конечно, к обвинениям в многобожии в адрес св. Григория Паламы, впервые поставившего эту проблему во всей ее серьезности). По-прежнему многим не хочется видеть и то, насколько сложна и актуальна другая, связанная с этой проблема, — Церковь в ее обращенности к себе и миру. И сегодня, к сожалению, попытки найти для нашей церкви верный путь ее решения, далекий от крайностей и искажений фундаментализма и модернизма, вызывают обвинения в том же самом модернизме и даже протестантизме. По-прежнему всякое слово о том, что проблему эту не решить без пророческого вдохновения в Церкви, расценивается как призыв к некоему вредному «харизматизму» (слово, переводящееся как «благодатность», но ставшее у нас почему-то почти богословским ругательством). До сих пор у нас часто отказываются понимать, чем в действительности догмат отличается от теологумена и богословского мнения и каково место в Церкви одного, другого и третьего; до сих пор крайне безответственно используется понятие «ересь», до сих пор, в жадном поиске этой ереси, у нас могут одного и того же человека обвинить одновременно в противоположных искажениях церковного учения, например, в монофизитстве и несторианстве, не желая даже замечать абсурдности подобных выводов, и т.д. и т.п.

К счастью, знакомство с публикуемыми документами — это не только отрицательные эмоции от встречи с вездесущими «жестокостью и тупостью». В них можно найти и мысли о месте пророческого вдохновения в жизни Церкви и мира, и сведения о происхождении самого термина «церковный модернизм» в его изначальном значении, и размышления о природе этого явления, можно, в конце концов, просто получить и настоящее удовольствие от чтения текстов подлинной высокой богословской и историософской православно-христианской традиции и культуры.

: А. Колесов (Владимир Зелинский). Дар и ответственность

Духовные размышления

А. Колесов (Владимир Зелинский*)

ДАР И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ**

Дискуссия (если это слово уместно в применении к нашей ситуации), вызванная великопостным письмом А.И. Солженицына, выявила ряд проблем нашей церковной жизни, оставшихся, и сущности, нерешенными. В качестве одной из первых попыток теоретического осмысления этих проблем следует указать на статью М. Меерсона-Аксенова «Народ Божий и пастыри»¹. Статью его можно назвать в какой-то мере итоговой не потому, что она появилась последней, и не потому, что автор как-то разрешает начавшийся спор о церкви, но потому, что он переводит его в совершенно иное русло. Автор вполне прав, когда говорит, что «недостаток переписки в том, что она остается пока в одном диапазоне — оправдания или обличения иерархии и споров вокруг сегодняшней ситуации русского православия. Участниками переписки церковь заведомо воспринимается как статическое образование, но требуют от нее динамизма, берут ее в отрыве от истории, но хотят, чтобы она стала действенной исторической силой». При таком подходе проблема остается не только нерешенной, но морально и религиозно неразрешимой. Это одна из предпосылок (хотя и не высказываемых) того хода рассуждения, который лег в основу всей статьи.

Несколько слов о самой работе. С точки зрения ясности мысли, сопряженной с широкой публицистической, исторической и экклезиологической перспективой, это одна из самых интересных работ в самиздате. Ее появление внушает надежду, что бесцензурная литература в России, помимо протестов, политических исповедей, протоколов судебных заседаний, помимо стихов или романов может когда-нибудь заговорить и на должном теоретическом уровне. Ведь это одна из самых трагических литератур в мире, она вырастает из чьей-то зажатой правды, из замолчанного страдания или из преодоленного дурмана. За каждым написанным и вырвавшимся на свободу словом стоят тысячи недошедших и недосказанных слов и свидетельств. Опыт, который лежит в основе этих свидетельств, всегда неизмеримо глубже, полнее и суровее рожденной им литературы, как бы хороша она ни была. И потому умение как-то осмыслить его, умение духовно и интеллектуально вобрать в себя глубину этого опыта, умение передать его четким логическим языком есть уже неоспоримое достоинство в той среде, где литературный язык, профессиональные навыки и, наконец, сама логика как бы полностью принадлежат литературе «разрешенной». В принципе это относится к любой теоретической работе, о чем бы там ни шла речь: о проблемах экклезиологии или метафизике, о социальной психологии или о дзен-буддизме или, скажем, о развитии науки в связи с охраной государственных границ.

Что касается статьи «Народ Божий и пастыри», то сейчас мне хотелось бы остановиться на моральной позиции ее автора. Он не отказывается от собственного мнения, но и не пытается увенчать им развернувшийся спор; он не хочет защитить или обличить кого-то, но и не ставит себя «над схваткой». Он просто предлагает взглянуть на дело иначе. При этом говорит он как человек, сравнительно недавно ставший членом Русской православной церкви, духовно разделив ее судьбу, не жертвуя вместе с тем ни собственным разумом, ни зрением, ни слухом. И он обращается к молодым христианам, приглашая их не судить кого-то, не закрывать глаза и не затыкать уши, но задуматься над положением Русской церкви в современном мире с точки зрения их собственного пребывания в ней. Он ставит вопрос о служении церкви миру, имея в виду прежде всего служение церкви самих христиан, не иерархов, не священников, но мирян, составляющих «народ Божий». Подобная точка зрения исполнена не только глубокого нравственного такта, но, по сути дела, должна стать единственным выводом, который сегодняшние христиане, в особенности молодые христиане, могут сделать из дискуссии, развернувшейся вокруг письма А.И. Солженицына.

Но отказываясь от суда над сегодняшним духовенством, автор обращается к суду над той

традицией, из которой оно вышло, обращается к той издавна сложившейся психологии церковности, к тому укладу, который известен в качестве «исторического православия». В его статье как бы собраны воедино те упреки, которые делались «историческому православию» со стороны многих выдающихся иерархов прошлого, некоторых славянофилов, деятелей русского возрождения, вождей «обновленчества» и др.

Основу тех грехов, в которых упрекают православие, видят обычно в византийском союзе церкви и государства. В результате этого союза, а также по ряду других причин первохристианские общины превратились постепенно в подданных «христианского государства», в котором вера приняла слишком земной (при исполнении обрядовых «повинностей») и одновременно слишком небесный характер, ибо имела слабое отношение к повседневной жизни. Подлинная вера находила для себя прибежище в монастыре или в пустыне; только здесь открывалось для нее поле деятельности, в миру ей практически нечего было делать. Монастырь становится духовным законодателем «мира», «мир» терпят (коль скоро он живет идеалами монастыря) не ради всеобщего, но исключительно ради личного спасения, если живет он не аскетизмом, но хотя бы аскетической идеологией, не радостью в Божьем мире, но под знаком «мemento мори», не человеческим, но только ангельским, либо уж совсем бесовским. «Идеология» аскетизма (которая сама по себе еще не ведет ни к каким подвигам, требующим особой благодатной помощи) несет вслед за собой принципиальное равнодушие ко всему, что происходит в мире помимо поста и молитвы, она заражает церковное сознание ложной спиритуализацией (с ее тяжелым символизмом жестов и одеяний); литургия при ней — некогда «общее дело» христиан — превращается в мистерию культа, которую священники-профессионалы «исполняют» перед мирянами-потребителями. Вера пропитывается монашеской психологией; жизнь, как говорит автор статьи, мерится лишь «ангельскими добродетелями», которые как нельзя лучше соответствуют покорности церкви перед государством; космическое переживание греха нисколько не помогает увидеть то конкретное зло, которое в этом государстве творится. Неудивительно, что добровольное подчинение православному царю становится однажды в результате исторических катастроф (предотвратить которые церковь не только не могла, но и не умела) полным подчинением структуре атеистического государства.

Все это, повторяю, не сегодняшние открытия. Полвека назад они были выплеснуты обновленчеством, которое сделало их своей программой, замыслом для предстоящих реформ. Но увлекшись этим замыслом, обновленчество в той конкретной эмпирической обстановке, которая была ему предоставлена историей, стало опираться на силы, в принципе враждебные христианству и церкви. В тот момент, когда церковь как никогда нуждалась в единстве, солидарности и верности всего церковного народа, обновленцы бросили ей свой высокомерный вызов (я не говорю здесь о политической подоплеке дела, ни о том, что можно назвать «поповским бунтом»). Они «ветхому» обрядоверческому христианству противопоставили новое «духовное» христианство, старым грехам асоциальности и «неотмирности» они противопоставили свою социальную правоту. Большею частью они были правы в своих упреках, но в тот момент правота их была худшей и злейшей ложью, так же как ложью была (и остается) правота карловчан, так же как ложью была (и остается) всякая безопасная правота, чем бы она ни прикрывалась. И сегодня мы находимся в парадоксальной ситуации. Мы знаем, что исторически и нравственно их правота была ложью. Но если мы делаем вид, что этой правоты вообще не существует, что тех проблем, которые встали перед церковным сознанием в начале века, не было и нет, что они, эти проблемы, — только шутовской хоровод антихриста, то мы также впадаем в весьма сомнительную правоту, которая в какой-то момент оказывается такой же ложью. И проблемы эти остры как никогда, как бы ни были скомпрометированы в наших глазах те, кто их ставил или ставит.

Но здесь речь пойдет не о самих проблемах, но об отношении к ним. Посмотрим сначала, какие выводы делает автор статьи из своего анализа. Логика его такова: из одностороннего монашески-аскетического уклада христианства развилось секулярное движение, которое противопоставило церкви все то, что было утеряно «историческим православием». Плоды секулярного движения — наука и техника, культура и социальная этика — оказались во вражде с христианством, которое ничего не желало о них знать, которое в лучшем случае допускало их как средство заработка, как безвредное занятие, заполняющее промежуток между двумя посещениями храма. Отсюда вырос тот поистине драматический конфликт, который в секулярном обществе рассматривается как реальное выражение исторического процесса, а православными просто «списывается» за счет приближающегося конца мира и скорого суда над язычниками. Внешняя победа в этом конфликте досталась секулярному движению (науке и технике, культуре и социальной этике), сложившемуся при определенных условиях в колоссальный идеологический массив, подмявший под себя всякую духовную деятельность, и прежде всего — церковь. Но «сила современной секуляризации, — пишет автор, — в том, что в ее лице семь новозаветных дьяконов восстали против апостолов, и обе стороны эти забыли, что благодать Божия почилла на обоих служениях, коренящихся в самой природе Церкви».

То, что семь новозаветных дьяконов, которым надлежало печься о столах, некогда восстали против апостолов, которым надлежало благовествовать и молиться, в этом, думается, нельзя уже обвинять ни иерархию, ни все православие в целом. Христос не обещал нам, что весь мир станет Церковью. Он обещал лишь, что Церковь не будет побеждена миром. И церковь, которая принципиально отказывается от того, чтобы когда-нибудь воцерковить мир, становится просто обрядовой сектой, оплотом фарисейства и законничества. Именно эта задача воцерковления лежала в основе византийского союза церкви и государства; и даже сегодня, когда этот союз расторгнут, церковь как бы продолжает поддерживать его не только пасхальными и рождественскими посланиями, но и молитвами о «мире всего мира», о «граде сем, всяком граде», об «изобилии плодов земных», о «стране» и даже о «воинстве». Давно уж ни страна, ни воинство не просят ее молитв, но церковь все же не может отказаться от них не потому лишь, что так заведено и «не нами положено», но потому, что в этих молитвах она выражает сущность своего отношения к миру. В этом смысле ситуация церкви сегодня мучительна: мир говорит, что не нуждается в ней, она же в принципе не может помириться с его враждебностью и безразличием. Точно так же церковь в принципе не должна успокоиться на том, что у детей ее могут быть какие-то посторонние дела и интересы, какие-то призвания и свершения, которые не могли бы стать общим церковным делом, которые не могли бы быть освящены ее благословением и молитвой. Я не говорю об идеальной церкви, ибо церковь идеальная, вознесенная над церковью земной, — это чаще всего вредная и лживая фантазия. Я говорю о нашей церкви, которая сегодня молится, сегодня совершает Евхаристию. И сегодняшняя ее молитва, сегодняшняя Евхаристия есть нечто, что свидетельствует о ее сегодняшней реальности.

Это есть реальность Русской церкви, реальность русской судьбы. Судьба — не бремя, возложенное Богом, не лишний груз, который зачем-то надо дотащить до конца и сбросить у заветного порога, судьба есть дар, который мы приняли однажды, откликнувшись на призыв Божий. Мы избрали его свободно, а это значит, что мы могли бы и отвергнуть его, не заметить, не услышать, оказаться полыми и глухими перед Словом Бога. Но мы избрали свою судьбу как свободу, дарованную Богом, свободу, которую предстоит нам теперь осуществлять на земле. Мы не можем, строго говоря, владеть им, ибо свобода требует для себя постоянного воплощения, и мы не можем быть с ним одиноки, ибо этот дар связывает нас с другими. И все вместе мы несем ответственность за него. Ведь мы откликаемся на призыв Божий не только в глубине наших душ, но и в контексте той духовной, исторической, социальной, культурной и языковой реальности, в которой мы сегодня существуем. Только в недрах этой реальности мы

обретаем свою особую судьбу, которая сплетается с судьбой Церкви. Здесь откровение воплощается в живых и особых для каждого народа формах творческого тайноведения — камня, слова, жеста или краски. Церковь — это уже сегодня начавшееся преобразование материи, преобразование, которое совершается по замыслу Бога о каждой земле и о каждом народе. И Церковь — это призыв Божий, обращенный непосредственно к каждому из нас через опыт веками наслоившихся молитв, благословений, призываний Духа Святого, хотя, разумеется, одним обращением не исчерпывается смысл Церкви. Принимая это обращение как дар, мы несем уже за него полную ответственность. Это значит, что мы принимаем беды Церкви как свои именно потому, что участвуем в ее молитвах и верой постигаем абсолютную достоверность ее таинств.

Церковь доносит до нас тот призыв, который мы слышим как Слово Божие. Сегодня нередко слышат Его и становятся христианами люди, выросшие вне христианского воспитания и церковных традиций, вне воспоминаний о детской вере и, как правило, вне какого-то активного влияния со стороны. Человеческое воздействие чаще всего остается слабым в нашей среде, но и тогда, когда оно бывает энергичным и напористым, обращение к Богу происходит в той части души, которая скрыта от постороннего взгляда, иногда закрыта даже от разума вообще. Но в чем бы оно ни выражалось, человеческому обращению — и это следует подчеркнуть — предшествует обращение Бога, всякий зов человеческий раздается лишь в ответ на призыв Божий, всякая вера в Бога начинается с веры Бога в человека. И в этой вере Бога и в Его обращении уже содержится тайна моей личности, в Его призыве — истоки моего беспокойства, в Его власти — глубина моей покорности и свободы. В моем обращении я прежде всего отвечаю Богу, и чувство ответственности, которое вытекает из обращения, служит в какой-то мере критерием его подлинности.

Я не говорю здесь о принятии христианского мировоззрения, о погружении в христианскую настроенность, т.е. о том, что может сопутствовать множеству иных жизненных и душевных событий и существовать наряду с ними; я говорю о событии, которое в определенный момент стало единственным событием жизни. Я говорю об обращении, которое однажды стало действительным ответом на Слово Бога, и о тех, кто действительно захотел последовать Его Слову. И даже если это желание наше осталось неисполненным, то нам следует хотя бы вспомнить о нем, вспомнить об обращении Бога, задуматься над смыслом этого обращения, насколько он может быть нам доступен, и над тем требованием, которое из него вытекает.

Встреча с Богом Живым оставила в нас чувство радости и даже гордости. Мы гордились не собой, но Богом, который встретил нас, Богом, который пожелал стать нашим Богом. Но в какой-то момент «добрая» наша гордость становится злой, гордостью не Богом, но собственной верой в Него, не призывом Божьим, но переживанием призыва, не обращением Бога, но психологией нашего обращения. Мы легко забываем, что все это дар, который в любую минуту может быть отнят; мы принимаем его как должное, как нечто, данное нам навсегда, как нечто, гарантированное нам церковью, таинством, обрядом или общей молитвой, мы принимаем его так, как будто от нас не требуется уже никаких усилий, как будто после нескольких шагов мы уже можем собирать плоды нашего благочестия. Мы незаметно влюбляемся в свою избранность, в свою религиозность или церковность и начинаем даже утрировать их. Мы влюбляемся в то, что некогда было подарено нам, — в причудливую разумность догматики, в условность иконописи; все это срастается с какой-то частью нашей души, становится внутренним укладом и ритмом ее «ощущений». Мы точно так же влюбляемся и в церковь, в «идею Церкви», и наша привязанность охватывает и то, что в ней вечно, и то, что в ней ветхо и находится в нестерпимом противоречии с самой этой идеей. Чем же иначе, как не этой религиозной самовлюбленностью, этой жадностью к собственному мистическому благополучию объяснить тот факт, что последовав призыву Христа, встретившись с реальностью благодати, мы столь

быстро расходимся друг с другом, забредая в красивые духовные тупики и почти совершенно переставая слышать и понимать друг друга?

Тупики эти, при всем их конфессиональном разнообразии, имеют между собой нечто общее. Все они существуют в атмосфере взаимной нетерпимости. Нетерпимость у нас не всегда даже носит эмоционально-агрессивный характер. Невозможность открыто выразить свои взгляды широкому кругу людей препятствует религиозным встречам большинства людей, препятствует религиозным встречам большинства верующих, и потому они нередко заражаются особой, равнодушной нетерпимостью друг к другу. Это, пожалуй, худший вид нетерпимости, когда один христианин не желает знать о существовании другого, не интересуется его верой, не желает с ним спорить или у него учиться. В этой нетерпимости есть данная и затаенная безнадежность; люди так одиноки, что не замечают друг друга, и даже вера в единого Бога становится предлогом для равнодушия и нелюбви.

Вера, очевидно, живет по еще не открытым или слабо изученным законам, недоступным никакой глубинной психологии или наблюдению со стороны. То, что совершается внутри этой веры, то, чем она живет и чем становится, зависит от того ответа, который мы даем обращенному к нам Слову. «Дар» веры соответствует серьезности ответа, глубина веры зависит от «объема» или силы Слова Божия, которую мы были способны вместить. Разумеется, мы всегда способны воспринять лишь малую «часть» Слова, полнота Его, как мы верим, принадлежит Церкви. Реальность Церкви шире реальности богословия, обряда и даже таинства, ибо она есть то, что делает все это возможным. Реальность Церкви заключается прежде всего в этой полноте Слова, обращенного к человеку, и в своей обращенности Церковь как хранилище Духа Святого есть живое воплощение христианской веры.

Христиане, члены Церкви, обладают всегда лишь малой долей ее богатства. Они обладают частицей Духа, частицей совершенной веры. Наша вера всегда есть свободный дар Божий, дар, который не может быть гарантирован, дар, который всегда под угрозой. Опасность для веры заключается не только в том, что она может быть утрачена, но и в чувстве, что она уже «обеспечена», в сознании, что она принимается как нечто должное, само собой разумеющееся, в отождествлении частицы веры с ее целым, душевного «устроения» веры с благодатью. Уступка одному из соблазнов есть наполовину уже утрата, и полная утрата в тех редких случаях, когда она происходит (редких лишь потому, что с трудом всегда слезает старая кожа «верований»), если нет для нее замены, есть только завершающая реакция в процессе отмирания веры. Следует помнить об этой хрупкости веры, об угрозе над ней, о способности ее переродиться в различные идеологии, часто даже вполне религиозные и возвышенные, во всякого рода мнения, часто даже вполне справедливые, в самые искренние пристрастия и самые благородные мечты.

Именно поэтому, вступая в Церковь, мы обживаем ее нередко как идеологический клан, как племенное единство или обрядовую архаику. Мы вносим в нее привкус горделивого обособления, особую озабоченность собственной душевной мистерией, особый отпечаток слова, жеста, жизненного стиля. Мы, исходя из потребительского, почти гедонистического отношения к вере, начинаем любить недуги нашей церкви, ее давние, неизлеченные болезни, считая их чуть ли не главными ее достоинствами. Мы пользуемся монашеским идеалом, чтобы сбежать от действительности, которая нам отвратительна, мы играем в смиренномудрие, чтобы уберечь себя от опасных и неудобных мнений, мы обращаемся к «духовной брани» на вершинах аскетике, чтобы уклониться от насущных и повседневных требований, перед которыми ставит нас христианская вера. И, наконец, мы с готовностью принимаем из вторых рук законническое понимание христианства, чтобы неизменно чувствовать себя агнцами среди козлиц и в этой жизни, и в будущей.

В процессе богочеловеческого общения мы начинаем культивировать чисто человеческую «мистику» в дурном смысле слова, которую мы считаем своей «лучшей частью». «Мистика» начинается тогда, когда не Бог, но чувства, которые Он внушает нам, вызывают наше поклонение, не вера, но разнообразные подражания вере становятся нашей целью. Мы оказываемся в плену у собственной религиозности, собственных душевных мистерий и декораций к ним. Никакой живой голос уже не проникает за эти стены, никакой вопль со стороны не выведет нас из равновесия, не пробьет эту затвердевшую скорлупу, в которой мы столь удобно устроились. На всякий случай у нас есть множество отговорок и полное алиби, ведь так легко сослаться на внешнее сходство наших убеждений с верой святых, так легко воспользоваться чужим аскетизмом, чтобы в аскетической позе отвернуться от своего соседа, так легко «пережить» историю в чаянии скорого конца света, а не разделить крест истории, возложенный на Церковь и на наших ближних. Так легко забыть о мучительной ситуации Церкви, заслониться от «муки» Церкви собственным благолепным переживанием церковности.

Этот религиозный «гедонизм» представляет собой, по сути дела, бегство от Церкви, неприятие ее реальной сегодняшней судьбы. Бегство это обычно совершается ради церкви идеальной, несбыточной, живущей либо в выдуманном прошлом, либо за морем, в полуденных странах. Бегство назад, когда церковь становится символом древнего отечества, почти сливаясь с ним, есть уход от веры к религиозному патриотизму. Не сегодня мы становимся перед Богом, не сегодня трезво и со смирением мы стремимся прочесть Его волю, не сегодня ищем своего признания, но забываемся в полудреме национальных чаяний, и в наших сладких снах видим чуть ли не осуществление апокалиптических обетований. Впрочем, слово «патриотизм» уместно лишь до тех пор, пока не началась еще охота за непатриотами (пусть даже холостыми патронами), едва лишь охота началась, следует говорить уже о шовинизме.

Об этом шла речь уже не раз; можно и необходимо любить свою родину, и человек не полон без этой любви, но любовь к родине может быть служением Богу или идолопоклонством. Можно и необходимо любить древнюю церковь, национальный обряд, быт, историю, неуловимый душевный склад своих соплеменников, и эта любовь связана с самой идеей Воплощения, но она может быть языческой или христианской. Христианская любовь — та, в центре которой стоит Христос, которая исходит от Христа.

«Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих под крылья, и вы не захотели. Се, оставляется дом ваш пуст» (Мф 23:37-38). Не должна ли наша любовь к родине опираться на любовь Христа? «И когда приблизился к городу, то, смотря на него, заплакал о нем и сказал: о, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих, ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружают тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего. И, войдя в храм, начал выгонять продающих в нем и покупающих, говоря им: написано: дом Мой есть дом молитвы, а вы сделали его вертепом разбойников» (Лк 19:41-46). Что прибавить к этим словам? Не сказано ли здесь все плачем и гневом? И плачет Христос не только о том, что римляне вскоре войдут в «дом Израилев» и разорят его, и разгонят народ его по свету на тысячелетия, но и о том, что не узнал он «времени посещения своего». И разве торговцы, выгоняемые из храма, и те, кто покупал у них, и те, кто допустил их в храм, не могли обвинить Христа во всех непатриотических соблазнах? Разве не могли они при желании усмотреть в Его поступке умышленное оскорбление храму и разрушение устоев народной жизни? Страна под иноземцами, — сказали бы они, — не время теперь для обличений и распрей. Безусловно, могли и сказали бы, если бы не придумали для этого еще более сильной формы: обвинения в богохульстве.

Но любовь Христа не есть ли мера нашей сегодняшней любви? Разве может христианская любовь к отечеству не помнить о том, что и наша земля не узнала когда-то «времени посещения своего»?! Что и она осталась некогда «пустым домом»? И все же в любви к этому дому мы встречаемся со Христом, ибо только в Его любви, плаче и гнев очищается и просветляется лицо России (сегодняшней и вечной). И если мы вправе говорить о святой Руси, то лишь в силу того, что она есть Святая Земля для русских, образ не прошлого, но небесного Иерусалима. Вера призвана видеть именно этот образ, именно это лицо, не смешивая его с лицом земным, не выдавая болезней за самобытность, не считая напоминания о грехах святотатством.

В этом смысле не может быть ни святотатством, ни кощунством (оскорблением мертвых) призыв к покаянию среди тех, кто считает эти грехи своими, кто как бы принимает за них ответственность. И если только не был он вызван желанием спровоцировать покаяние у другого, оставшись самому в стороне, если исходил он из чувства настоящей соборности (которая не сводится только к соборности богослужения и молитвы), не есть ли это призыв ко спасению? О каком, собственно, ином спасении может идти речь для христианина? И когда говорят о спасении отечества, то и для него спасение возможно лишь одним путем — покаянием в Церкви. Отечество — это и есть Церковь, и все, что на племенной, географической, языковой родине не относится к Церкви Христа, Церкви в самом широком смысле, все, на что не падает отсвет ее красоты, все, что не пронизано ее духом, все, что не вовлечено в «общее дело» преображения, относится уже к падшему миру, который лежит во зле. И для грешной родины (не только сегодня грешной), и для грешной души покаяние есть единственный путь примирения с Богом.

Но грехи мы с легкостью вытесняем из памяти, перебрасываем с родной почвы на чужую, скажем, с Востока на Запад. Существует, правда, и противоположный путь — перекачивание исторических и всяких иных грехов с Запада на Восток. В христианском сознании у нас он выражает себя в демонстративном (либо очень скрытом, замаскированном) переходе в католичество (иногда даже до крещения или вне его). Русский католицизм — это явление особого порядка. Его нельзя путать с католичеством французским, польским или литовским. Русский католицизм сегодня, как и раньше, возникает как острая, болезненная реакция на духоту русской жизни, на елейное славянофильство, в котором не видят ничего, кроме стилизованного язычества, на поверие некоторых православных, что Христос — это русский бог, убитый евреями, на всю мифологию о масонах, которая стелется у церковных стен, на все, что вяжется с русским суеверием и косностью. Во всем этом есть много преувеличенного, ибо русский католицизм вырастает из русской тоски и русского эстетизма, из русской же уверенности, что из России не приходит ничего доброго, что последняя истина обитает в разумных благоустроенных странах, что она запечатана в старинных латинских книгах, что она растворена где-то в мистике Римской церкви, во всей ее земной устроенности и влекущей к себе глубине. Оттого-то русский католицизм бывает столь же глухим, душным и, как и русское обрядовое, оттого-то он молчаливо одобряет инквизицию и нередко дышит воздухом Контрреформации и Тридентского собора, не замечая при этом той огромной (по выражению Мориака) оттепели в Риме, которая стала фактом сегодняшней истории, той неподдельной широты вселенскости, которая свойственна подлинному духу Римско-католической, как и Русской православной церкви.

Я вовсе не хочу сказать, что вера навсегда повенчана с национальностью и что среди русских нет настоящих католиков. И не потому плох русский католицизм, что он есть попросту измена церкви, как думал Хомяков, но лишь потому, что он начинает служить таким же прибежищем для религиозных фантазий, для мистического «смакования» церковности, для духовного превозношения, как и самое заядлое славянофильство. Как и в славянофильстве, у его истоков

может лежать напряженная, чистая вера, напряженность которой там и здесь снимается чувством безмятежного обладания истиной, чистота которой там и здесь замутняется магией авторитета или романтикой крови и почвы. Но в обоих случаях (в ревнивой, несколько инфантильной любви и в столь же инфантильном высокомерии) обнаруживается, как уже говорилось, попытка бегства от реальной, сегодняшней Церкви, от той Церкви, которая здесь и теперь утверждает парадоксальность христианской истины в мире, которая разделяет судьбу народа, пораженного массовым безбожием, и именно среди него должна искать осуществления христианской правды.

Если же мы в церкви ищем всегда удобной и безопасной правоты, то что говорить о сектантах со всеми их «неудобными» суевериями и предрассудками. Вот еще один парадокс церковного сознания; ведь в секты идут люди, не ищущие никаких укрытий, желающие быть христианами сегодня, а не в Царствии Небесном, принимающие веру непосредственно как задание от Бога, которое надлежит исполнить на земле. И этот парадокс нам следует принять честно и открыто, не разрешая его в разговорах о «второсортности» чужого христианства, улыбками над «баптистской суетливостью» или иронией над их примитивным эсхатологизмом. То, что эти люди стоят вне предания и соборного опыта, есть прежде всего наша неудача, то, что они живут вне Евхаристии, есть прежде всего наша беда.

Мы, принимая дар веры в Церкви, несем ответственность и за себя и за них. Мы несем ответственность и за саму церковь и не можем и не имеем права перекладывать ее ни на какие другие плечи. Сознывая эту ответственность, мы принимаем ее историческую судьбу, ее небесную славу и земную немощь. Мы не разделяем, но и не смешиваем то и другое. И мы также не имеем права проводить в церкви какие-то границы между нашей праведностью и чужими грехами, между нашей свободой и чужим сервилизмом, между нашей духовностью и чужим суеверием. В Церкви нет своего и чужого, здесь все наше, и то, что лежит позади, и то, что впереди нас. С прошлым нас связывает историческая и духовная преемственность, настоящее и будущее есть время нашего служения Церкви. Служение каждого может быть особым, но оно всегда должно исходить из динамизма и активности веры. Вера требует активности, которая может быть активностью священства и творчества, активностью аскетизма и проповеди, активностью свидетельства и молитвы.

Мы же избираем подчас тепловатую мистику, паразитирующую на вере, созерцание своего духа вместо служения Церкви, магическую завороченность стариной вместо живого интереса к истории. Церковь не существует в историческом вакууме, и она не создана лишь для эстетического умиления и воспоминаний детства. Она живет во «взрослом» современном мире, и мире, который «мучается и стонет», нуждаясь в воцерковлении и благодати. Иногда считается даже особенно благочестивым выбросить как лишний психологический мусор все, что имеет отношение к этому миру. И оттого неизбежно возникает жизнь «на двух этажах»; оттого активное взаимодействие с историей заменяется идеологической бутафорией ушедших столетий. Но Церковь вовсе не требует от нас, чтобы мы стилизовались под ее вчерашний день, чтобы христианское благовестие мы принимали вместе с повериями некоторых старушек, чтобы в лукавой покорности некоторых иерархов мы видели высшее смирение духа. Церковь пребывает в глубине своей неизменной, но в каждой исторической эпохе она раскрывается в новом облике. Сегодня она должна раскрыться в каждом из нас и в каждом выдержать конфронтацию со стремительно растущей цивилизацией, с эпохой планетарной техники и обезбоженных идеологий. В каждом она должна стать ответом на запросы секулярного века и быть разрешением (хотя бы внутренним) его проблем. Ибо Церковь утверждает и Царство Божие, и правду о земле, которые зависят от усилий каждого.

* Ныне — священник, настоятель православного храма в Сан-Ремо, Италия.

** Печатается по: Вестник РСХД. 1973. № 108—109—110. С. 129—142.

[1] См. Вестник РСХД. № 104—105. С. 101.

: Свящ. Георгий Кочетков. На стогнах итальянских городов

Духовные размышления

Свящ. Георгий Кочетков

НА СТОГНАХ ИТАЛЬЯНСКИХ ГОРОДОВ

Рассказ о поездке в Италию (10.10.98)

Дорогие братья и сестры, вы знаете, что на прошлой неделе я был в Италии на конференции в Бозе, куда врачи меня отпустили каким-то чудом... Сначала мы прилетели в Венецию — знаете, трудно добираться сразу на место назначения, иногда хочется это сделать как бы с некоторым подъездом, подходом, “с моря”, так сказать, начать. Вот мы и начали с Венеции, где пробыли два дня. Прилетев туда, мы сразу почувствовали разницу в погоде: здесь было холодно и мокро, а там стоял бархатный сезон. Было тепло, и хотя иногда шли дожди, они были теплые и всегда в то время, когда нас это как-то не затрагивало.

Венеция оказалась замечательным городом. В первый же день все мои болячки на ногах заросли, закрылись, и хотя ходили мы много (ведь в Старой Венеции нет транспорта), я сбросил все бинты, знаете, почти как по Евангелию (смех).

Впечатление город оставляет поразительное. Первая ассоциация: как будто наводнение. Все дома, как говорится, “по щиколотку” в воде, морская волна захлестывает двери первого этажа, вообще все очень романтично. Так как времени было немного, всего два дня, то нам нужно было успеть посмотреть город. Мы знали, что этот город интересный, но что он настолько интересен, мы не думали: даже невозможно было себе представить такое скопление древних дворцов, музеев, святынь. В каждом храме какие-то выдающиеся картины, которые я давно знал по репродукциям, но которые всегда поражали, оказывались совершенно непредвиденных размеров: то значительно больше, чем можно было себе представить, то значительно меньше, каких-то человеческих размеров. Так же и венецианские палаццо.

В первый же день мы были в галерее Академии и на Пьяцца ди Сан-Марко, т.е. на площади св. Марка. Посмотрели замечательный древний собор св. Марка, где до сих пор хранятся частицы мощей этого евангелиста. Нас поразил этот храм — намоленный, древний, который несколько не претерпел никакого вреда от того, что по нему ходит необозримое количество туристов: нескончаемой чередой идут люди, но молитвенный и духовный настрой в храме сохраняется! Это было удивительно. Удивительно было и то, что в храме, в этой огромной базилике нет столь традиционных для Запада скамеек. Совершенно как православный храм, только с очень небольшими особенностями. В общем-то он и строился под сильным византийским влиянием, с

мозаиками в византийском духе, с древними иконами и византийскими эмальями на Пала д'Оро. Нас это просто потрясло, нам совсем не хотелось уходить из этого храма. Мы сделали несколько кругов по нему, походили и по галереям. Все это нам напоминало то храм св. Софии в Киеве, то другие подобные соборы, и мы как-то очень естественно вспомнили, что папа Иоанн XXIII был прежде своего папского служения патриархом Венеции. Венеция сохранила связь Востока и Запада самым естественным образом.

Известно, что даже ренессансные веяния в этой области Италии начались позже, — это не Флоренция и не Рим. Очень сильные византийские, а потом готические черты сохранялись здесь вплоть до конца XV—начала XVI в.

В храме Санта-Мария-делла-Салюте мы неожиданно увидели комнату, как бы большую капеллу, где собраны, в основном, художественные сокровища. Одного Тициана там около десяти картин! Туда пускали за дополнительную плату, но меня, а заодно и моего спутника, мой подрясник спасал от излишних трат: нас везде почтительно пускали без билетов. В этот же день мы попали в замечательное здание палаццо Дукале — дворца венецианских дождей, наполненного замечательными произведениями искусства позднего Ренессанса и маньеризма, т.е. середины и второй половины XVI в.

Там изумительный Тинторетто. Например, картина “Рай” в колоссальном зале Большого совета, где вообще все картины каких-то фантастических размеров, соизмеримых, наверное, с первообразом (смех). На репродукциях я видел лишь фрагменты этой картины, полностью же — никогда, потому что охватить ее одним взглядом просто невозможно, даже если стоишь в противоположном конце этого огромного зала. Все это производило огромное впечатление, можно было представить себе, как жила Венеция в эпоху своего наивысшего расцвета в середине XVI в.

Потом мы перекочевали в Виченцу, где нас принимали замечательные итальянские монахи, всегда улыбающиеся, приветливые и очень дисциплинированные. Это сочетание нас как-то особенно поразило: мы сразу вспомнили, что у нас тоже любят быть приветливыми, улыбающимися, но... без последнего качества (смех). А если вспоминают про него, то почему-то теряют первое (смех). Монахи предоставили две прекрасные комнаты для ночлега в Виченце, но это не помешало им несколько раз спросить нас, а когда же мы все-таки уезжаем. На следующий день они провожали нас на автобус, но пока рассказывали, как к нему наконец пройти, последний автобус как раз продефилировал мимо, и мы вынуждены были с вещами часочек идти до вокзала пешком. Впрочем, мы об этом не жалели, потому что пройтись теплым утром по древнему, совсем не туристическому городу Виченце было одним удовольствием.

Мы хотели вернуться в Венецию, потому что, конечно, за один день не посмотрели все, что необходимо. Вернувшись, мы сразу отправились в музей Коррер, где тоже оказалась совершенно замечательная картинная галерея и прекрасное собрание итальянского прикладного искусства (музей находится там же, на площади Сан-Марко). После этого мы перебрались на небольшой остров, носящий имя св. Георгия, Сан-Джорджо-Маджоре. Там находится большой храмовый комплекс, где сейчас располагается несколько церковных институтов. Сам же храм просто заполнен картинами, все-таки не совсем иконами, а именно картинами позднего Тинторетто, написанными вместе с его учениками, его сыновьями.

Надо сказать, что древний Венецианский патриархат поныне продолжает свое существование. Конечно, уже в составе Римского, так сказать, патриархата, вернее, папства. Но когда-то это был самостоятельный патриархат, такой же как Миланская (Медиоланская) церковь и церковь города Верчелли.

Из Сан-Джорджо-Маджоре мы поплыли по Большому каналу к станции Сан-Тома (св. Фомы) и прошли пешком вглубь острова к Скуола-Гранде-ди-Сан-Рокко, т.е. Большой школе св. Роха. По дороге мы обрели замечательный храм — прекрасную, древнюю, огромную базилику Санта-Мария-Глорियोза-деи-Фрари, внутри которой оказались просто россыпи драгоценнейших произведений искусства. Поскольку мы обрели ее несколько неожиданно, то для нас это был просто восторг.

Когда же мы вошли в находящуюся неподалеку школу св. Роха, Скуола-Гранде-ди-Сан-Рокко, то были потрясены более всего. Это удивительная школа, религиозная школа с огромными залами, которые буквально заполнены великими произведениями искусства. Самый лучший Тинторетто находится там. Конечно, с Тинторетто никто не может сравниться, даже Паоло Веронезе или братья Боссано: Якопо, Леонардо, Франческо. Мы были потрясены его мистическим настроением, сгустком какого-то внутреннего напряжения, какого-то света, который пробивается сквозь мрачные тучи, постоянно находящиеся на небе. Мы поняли, что предшествовало эпохе барокко, эпохе иезуитского барокко, что предшествовало самой эпохе XVII века, которая, конечно, целиком выростала из этого корня, так же как и сам орден иезуитов с его удивительной молитвенной мистикой, предписанной его основателем Игнатием Лойолой.

Меня все это потрясло, потому что я очень многие из этих вещей, конечно, знал, но даже при хорошем качестве репродукций во многих книгах не мог себе представить, как выглядят оригиналы. Когда мы наконец-то прошли в последнюю комнату, где висело знаменитое “Распятие”, “Голгофа” Тинторетто, которую обычно тоже не репродуцируют полностью, хотя она значительно меньше “Рая” в палаццо Дукале, мы поняли, почему охватить это невозможно. Это какие-то вселенские мистерии. Действительно, здесь можно только созерцать и размышлять, медитировать. Наверное, этим и занимались в этой школе. Живой настрой, который удалось создать этим мастерам, сохраняется в ней до сих пор, и не поддается ему, находясь в этом помещении, просто невозможно. Только ради вот этих трех зданий — собора святого Марка, палаццо Дожей и школы св. Роха — можно специально ехать или лететь в Италию и в Венецию.

Вся эпоха позднего Возрождения — чудо света. Это духовный опыт, который нам с вами еще предстоит осмысливать, который никак не может быть до конца оценен только по плодам эпохи барокко, абсолютной монархии иезуитов. Мы, впрочем, вспоминали о той духовной свободе, которую так хитро завоевали себе иезуиты, сначала всеми средствами поддерживая Римский престол, а потом оказавшись самыми свободными от этого же престола людьми, как это наблюдается в ордене иезуитов сейчас. Здесь есть некоторая тайна. И тайна медитации, христианской медитации, я думаю, еще недостаточно осмыслена в православии. Ведь мы с вами очень редко практикуем какие-либо молитвенные размышления, медитации. Хотя я знаю, что среди многих из вас пользуется популярностью книжка, например, брата Энцо Бьянки “Молитвенное чтение Священного писания”, которая находится в той же традиции.

Из Венеции, из области Венето, мы отправились в Милан, центр Ломбардии, и провели там целый день, ходя пешком, хотя уже и не потому, что нет транспорта. В Милане транспорт многочисленный, но так случилось, что венецианскую традицию мы продолжили и там. За один день мы посмотрели монастырь Санта-Мария-делла-Грацие со знаменитой трапезной, в которой до сих пор находится “Тайная вечеря” Леонардо да Винчи, а напротив — великолепное ренессансное “Распятие”, огромная фреска.

Мы даже дважды прошли к “Тайной вечере” Леонардо. Она особенно потрясала, она не вмещалась в нас: то, что хотел сказать Леонардо в свои поздние годы жизни (впрочем, не в самые поздние), было удивительно! Эпоха начинала задыхаться, и Леонардо это почувствовал:

сгущалась тьма, сгущался исторический мрак. И вот этот мрак как бы входит в комнату Тайной вечери. Леонардо так строит перспективу в своей росписи, что достигает примерно того же, но только еще более успешно, что и Рафаэль в своей “Сикстинской мадонне”, — полной иллюзии нашего присутствия при происходящем — в данном случае, при Тайной вечере Христа.

Христос сидит совершенно уединенно, с Ним не соприкасается ни один из учеников. Вы помните: Он сидит за столом, несколько раскинув руки. Это поза не древнего иудейского моления, чего можно было бы ожидать, а поза как бы уже распятого, показывающего свои язвы для поклонения им, для воспоминания о Христе распятом. Это именно евхаристическая роспись, она связана с Евхаристией, как мог ее понять и вместить Леонардо. Апостолы — все, кроме трех — говорят: “Не я ли, Господи?” Они смяты и показывают на себя: “Не я ли, Господи? Не я ли тот предатель, о котором Ты сейчас сказал?” Вы знаете, что все двенадцать апостолов на фреске Леонардо распределены по трое, всего получается четыре таких троицы. Из них три — в позе этого вопрошания, и только одна троица — совсем иная. Апостол Иоанн Богослов склоняет свою голову к нагнувшемуся к нему Петру, который спрашивает: “Узнай у Учителя: кто?” И перед ними — голова Иуды, который все как бы слышит, все понимает, который здесь — и уже не здесь. Так же как здесь и уже не здесь — Сам Христос. Поразительно, но над Христом и над апостолами нет нимбов, ни одного нимба! Но за головой Христа видны три окна с удивительно ясным и светлым небом...

Сейчас, после блестящей реставрации этой росписи, совершенно изумительной реставрации, которая почти полностью завершена, можно видеть все. Эти окна служат нимбами Христу — там свет! Леонардо ищет этот свет, но этот свет уходит. Этот свет — вечерний, свет вечери. Тут вспомним книгу о. Сергия Булгакова “Свет невечерний”. И вот в этой разнице — вся трагедия позднего XVI века: у Леонардо происходит раздвоение: он видит свет, но свет от него уходит как будто навсегда. Он еще виден, но он уже где-то вдали, над прямоугольными нимбами Христа. Это потрясающая вещь!

Надо сказать, я ничего не ожидал, входя в этот храм, в эту трапезную, потому что у меня было слишком негативное впечатление от Леонардо, от “Джоконды”, которую я видел уже который раз в Лувре. Когда я ее увидел в последний раз, мне больше не хотелось на нее смотреть никогда. Поздний Леонардо отвратителен, ужасен. Если ранние картины, которые мы можем видеть у нас в Эрмитаже и в некоторых других музеях, можно смотреть с удовольствием, то поздние — в Лувре, и смотреть их невозможно. Там, в этих поздних картинах, мрак победил уже почти целиком.

И вот образ Тайной вечери, этот гениальный образ, напомнил мне об одной современной духовной проблеме. Многие современные христиане ищут в своей молитве и жизни “живого присутствия Христа”. Я подумал: почему я всегда слышал фальшь в этих словах? Почему я никогда не мог их принять? Почему они мне всегда казались искусственными, экстатически надрывными и пагубными? А ведь мы слышим их постоянно, и не только в устах современных западных миссионеров, особенно католиков, но и из уст православных проповедников Иисусовой молитвы и т.д. И эта проповедь “живого присутствия Христа” напомнила мне схизофрению позднего Леонардо. Он видит, как Бога затмевает мир или человек. Он видит, что Христос, или Его свет, — уходит. Но он делает героическое усилие, он как бы бросается ко Христу, он делает все для того, чтобы сохранить это присутствие; он выдумывает совершенно фантастическую перспективу для своей фрески; как вы помните, он придумал для нее даже особые краски. Но удержать этот свет он уже не мог. И свет гаснет в нем, его гениальность становится демонической, что мы и видим в “Джоконде”.

Меня переполняли эти чувства, я не мог оторваться от гениальной фрески Леонардо! Я понял все величие этого человека и этой попытки удержать жизнь, свет Духа Христа. Но поскольку

перед этим мы были в Венеции и видели искусство маньеризма и позднего Возрождения, в частности Тинторетто, видели, к чему пришла наконец та эпоха, то уже знали: невозможно будет удержать это живое присутствие. Более того, это был ложный ход! Надо было иметь Христа внутри, в сердце, так чтобы не ставить перед собой самого вопроса о “живом присутствии”, ибо или живой Христос есть в нас, или Он уходит и Его нет! Надо и нам постараться избавиться от этой шизофрении, от этой духовной шизофрении, от этого раскола, раздвоения нашей жизни. А именно такая раздвоенность — характернейшая черта нашего времени.

После Санта-Мария-делла-Грацие мы пошли в Кастелло Сфорцеско, кремль Милана, построенный теми же мастерами, что и наш Московский кремль, но... лучше! И это надо было оценить. Там есть и изумительный археологический музей, в котором прекрасно представлено все христианское искусство, начиная с III—IV в., и до XVIII в., и мы ходили по нему не знаю сколько времени.

Оттуда мы отправились в галерею Брера, далее — в библиотеку Амброзиана, где хранится множество рисунков лучших итальянских мастеров, а несколько лет назад там была открыта и замечательная пинакотека, т.е. картинная галерея. К сожалению, миланцы совсем не знают своей культуры и своего музея. Мы спрашивали одних, других, третьих, пятых, десятых, и все направляли нас в разные стороны, преимущественно противоположные от Амброзианы. Поэтому мы целый час искали эту библиотеку, хотя она находилась в пяти минутах ходьбы от Дуомо, т.е. Кафедрального собора, от которого мы начали эти расспросы. Поэтому мы опоздали и Амброзиану почти не видели. Только по милости добродушных итальянских секьюрити, которых мы хорошо знаем по известным итальянским фильмам, нас пустили, даже бесплатно, к Леонардо, потому что жемчужина этой коллекции — одна из очень трудно репродуцируемых, так же как и “Тайная вечеря”, картин Леонардо: “Мужской портрет”, который действительно стоило посмотреть. Затем мы вернулись к Дуомо и наконец-то посмотрели сам миланский кафедральный собор внимательно, проникновенно. Везде мы попадали в крипты, в какие-то сокровищницы, не знаю еще, Бог весть куда. Нас все время заносило куда-то в подземелья древних итальянских храмов. Оттуда мы вернулись в галерею Брера, расположенную в Палаццо Брера, посмотрели картинную галерею и на этом закончили день и осмотр Милана.

На следующий день рано утром мы выехали в гости в общину — коммьюнита монастика ди Бозэ, возглавляемую Энцо Бьянки, которая устраивала конференцию, посвященную старцу Силуану. Несмотря на то, что почти вся конференция была только на итальянском и французском языках, которые нельзя сказать, что мы когда-нибудь учили, мы, как это ни странно, что-то понимали, по крайней мере общую канву развития мысли каждого автора, тем более, что большинство авторов были нам давно и хорошо знакомы. А некоторые доклады были все же сделаны по-английски, в частности доклад митрополита Пергамского Иоанна (Зизиуласа). Правда, мне пришлось в это время, в основном, писать собственный доклад, и слушать было некогда. Тем не менее, я был рад возможности общения и с Фери фон Лиленфельд, которая передавала всем низкий поклон, с Дмитрием Поспеловским, который также передавал вам низкий поклон, и с Оливье Клеманом, который передал вам низкий поклон после моего совсем маленького доклада¹ (предполагалось, что он будет на пять минут, но он получился на десять — так иногда, по нашей нерасторопности, неожиданно случается).

В своем докладе я хотел сказать, что старец Силуан — замечательный, прекрасный святой, крупнейший святой представитель классической аскетики, а также аскетики переходного периода от константиновского к послеконстантиновскому периоду церковной истории. Но дело в том, что послеконстантиновский период в то же время уже обрел своих святых, которые в чистом виде представляли новую аскетику, направленную вовне церкви, таких как мать Мария

(Скобцова), или внутри церкви, как наши знаменитые старцы о. Алексей и, особенно, о. Сергей Мечевы и о. Сергей (Савельев). Многие люди совсем ничего не знали о тех святых, о которых я говорю, особенно о наших старцах, и потом подходили ко мне и переспрашивали. В частности, Оливье Клеман подошел и расспрашивал о подробностях жизни нынешних представителей общин мечевской и савельевской, а потом сказал: “Вот это — то направление, по которому надо идти!” Если бы он знал, какой елей на сердце при этом он мне разлил!

Очень приятным было общение с епископом Диоклийским Каллистом (Уэром). Он говорит по-английски, но как по-русски: понятно каждое слово. Может быть потому, что в силу своих психологических особенностей он говорит медленно и как-то вот так особенно, что одно удовольствие его слушать! Но он не просто хороший ученый, он всем понравился именно как человек. На его фоне митрополит Пергамский смотрелся скорее как некая иерархическая глыба.

Нас принимали замечательно! Правда, из-за моей бороды братья общины Бозе не сразу меня узнавали, но когда узнавали, то принимали чрезвычайно радушно. Не знаю, может быть, мой доклад внес некий диссонанс в общий ход конференции, несколько романтической и, как мне показалось, чуть-чуть нетрезвенной в этом своем романтизме, о чем я не преминул сказать в своем докладе. Меня порадовало, что присутствовало много православных: и некоторые члены нашего Братства, в том числе присутствующие здесь, и монахи из греческих монастырей, и из сербских монастырей, и руководители монастыря в Эссексе, и о. Симеон Косак из Франции. Всё это люди, знакомые нам по журналам, по книжкам, но с которыми прежде не приходилось встречаться и общаться, и поэтому встреча и общение с ними были чрезвычайно интересными и важными. Еще был наш брат из братства св. Эгидия Адриано Рокуччи, который приехал туда с профессором Д. Поспеловским. Он также передавал всем вам низкий поклон, как и о. Владимир Зелинский, известный церковный духовный писатель, который сейчас, наряду со всеми своими учеными занятиями и преподаванием во многих учебных заведениях, стал еще дьяконом в юрисдикции Русского экзархата Константинопольского патриархата. Он также передавал всем поклон.

Так пролетели еще два дня, и мы должны были возвращаться. Господь устроил так, что утром 5 октября мы выехали из Бозе в одной машине как раз с митрополитом Пергамским, и поскольку до миланского аэропорта надо было ехать несколько часов, это позволило мне поговорить с ним достаточно подробно. Впервые за все время шел проливной дождь, так что было непонятно: то ли мы едем, то ли плывем по дорогам Италии. Мы беседовали на нашей “международной латыни”, т.е. на несколько ломаном (с моей, конечно, стороны) английском языке об экклезиологии, в частности о границах Церкви. Я пытался объяснить свою позицию и то, что можно посмотреть на границы Церкви трояко: как на границы канонические, мистериальные и мистические — по известным вам трем принципам: где епископ, — там и Церковь; где евхаристическое собрание, — там и Церковь; и где Дух Святой или Христос, — там и Церковь, по учению Ириния Лионского: “Где Дух Святой, там и Церковь и всяческая благодать”. Владыка с трудом воспринимал эти идеи. Было даже неясно: слушает он или спит. Но, оказывается, он слушал, а потом сказал: “Да, но может быть, все-таки лучше не различать, а отождествлять канонические (юридические) и мистериальные границы Церкви?” Я спорить не стал, но все-таки удивился: как же тогда он себе представляет возможность признания действительности таинств в так называемых неправославных церквях? Ведь если эти границы не различать, то мы не выберемся из противоречий, связанных с этим вопросом. Впрочем, не выбирается из них и греческий “Пидалион”, сборник канонических правил греческой церкви, который пытается объяснить эту разницу с помощью учения о церковной акривии и икономии, что крайне неудачно, о чем уже неоднократно писалось православными богословами. (Я тоже писал об этом в известной вам статье, которую назвал несколько грозно: “Анабаптизм в

православии”². Она была написана в связи с переходом в православие замечательного человека о. Плакиды (Десея), которого в сане архимандрита перекрестили, т.е. заново крестили, а потом, кажется, приняли “в сущем сане” (смех). Да, в меня это тоже не вмещается.)

Еще я пытался сказать митрополиту Иоанну о двух возможных подходах к иерархии, к иерархическому строю Церкви. Я спрашивал его, можно ли различать наш традиционно-канонический иерархический строй Церкви и тот строй, который был характерен еще даже для ветхозаветных времен и который предполагал иерархию старшинства, вернее само старшинство как основной иерархический принцип. Как вы знаете, я не однажды об этом говорил и писал, и мне представляется, что это суть две разновидности иерархического церковного порядка. Вот есть старший, скажем, на пасхальном седере и есть младший, и всем надо “расчислиться на агнца”, и вот это есть духовная семья или община. Конечно, наш иерархический порядок, предполагающий качественные различия на всех ступенях иерархии, — тоже порядок старшинства и младшинства, простите за такой неологизм, но все-таки он иной, чем первый. Он не является иерархией в общине, в которой по природе все равны. Община, семья-община, знает свою иерархию — иерархию старшего, младшего и остальных членов общины-семьи.

Это тоже как бы не нашло полного понимания и признания со стороны владыки. Но мне показалось, что хотя он и тут попытался отождествить оба эти принципа, он вдруг проснулся и стал как-то очень быстро-быстро думать, ничего при этом не говоря. Я решил, что это меня вполне устраивает, поскольку моя цель достигнута: своими двумя-тремя вопросами я, так сказать, пробудил острую мысль владыки. Поэтому дальше я спокойно перешел на русский язык и стал разговаривать с сидящим рядом Виктором Коттом.

Вот, дорогие братья и сестры, как видите, эта поездка была интересной. Я, действительно, раньше много-много лет сам занимался итальянской культурой: итальянским Возрождением, итальянской готикой, романским стилем и крупнейшими мастерами более ранних и поздних времен, и поэтому неудивительно, что увидеть все это в натуре для меня было чрезвычайно важно. То, о чем я писал еще в 6—7-м классе, вдруг ожило перед моими глазами; о чем я часто думал, что видел в репродукциях, — все это как-то совсем по-иному заговорило во мне и предо мною. Но все-таки мне показалось, что это имеет некое духовное значение и для некоторых из вас.

Постараемся же вместе немного еще подумать об этом, постараемся вникнуть в глубину исторического движения, потока исторического времени, который нередко проходил итальянскими дорогами, останавливаясь на стогнах итальянских городов, проходил через умы и сердца радушных, веселых и очень талантливых людей, которых до сих пор называют итальянцами. Они часто совсем не похожи на наши расхожие представления о них. Они совсем не так крикливы, как это они было еще до Второй мировой войны, и на улицах у них совсем не так грязно, как мы привыкли об этом думать. Это уже какая-то новая нация, они несут в себе что-то новое. Они не просто хранят свои сокровища, они начинают над ними думать. Они живут все более напряженной церковной жизнью, нам иногда было бы совсем не грех познакомиться с этой жизнью и что-то у них перенять или о чем-то им по-братски засвидетельствовать. И то, и другое возможно.

Своим рассказом я и хотел бы убедить вас в этом. Так что желаю всем вам пережить такие же прекрасные дни, часы и минуты, какие недавно выпали нам.

Храни вас всех Господь!

[1] См. Свящ. Георгий Кочетков. Наследие старца Силуана в контексте современной церковной жизни. // "Православная община", № 48. С. 40—43.

2 См. "Православная община", № 8. С. 31.

: Владимир Соловьев. «Из смеха звонкого и из глухих рыданий...». Избранные стихотворения. Составление и предисловие А. Копировского

Поэзия

Владимир Соловьев

«ИЗ СМЕХА ЗВОНКОГО И ИЗ ГЛУХИХ РЫДАНИЙ...»

Избранные стихотворения*

ЭПИГРАММА [1]

Протяженно-сложенное словоИ гнусливо-казенный узор
Заменили тюрьму и оковы,Дыбу, сруб
и кровавый топор.

Но с приятным различьем в манереСила та же и тот же успех,
И в сугубой свершается
мереНаказанье за двойственный грех¹.

Январь 1885

СВОЕВРЕМЕННОЕ ВОСПОМИНАНИЕ [2]

Израиля ведя стезей чудесной,Господь зараз два дива сотворил:
Отверз уста ослице
бессловеснойИ говорить пророку запретил.
Далекое грядущее таилосьВ сих чудесах
первоначальных дней,И ныне казнь Моаба совершилась,
Увы! над бедной родиной моей.

Гонима, Русь, ты беспощадным роком,Хотя за грех иной, чем Билеам,
Заграждены уста твоим
пророкамИ слово вольное дано твоим ослам.

(1887)

ЗНАМЕНИТОМУ ГРАЖДАНИНУ [3]

Ода

О ты, средь неевского содомаХранящий сердце в чистоте! Твоею мудростью блюдома, Русь

шествует к своей мете.

И скоро, скоро заблужденье
Она отраву изблюет
И на руинах просвещения
Благонамеренно заснет.

И если сон сей величавый
И посетят еще мечты, — О, не страшись: в сиянье славы
Ей будешь сниться только ты.

19 апреля 1887

ИЗ ПОЭМЫ «ТРИ СВИДАНИЯ»

Заранее над смертью торжествуя
И цепь времен любовью одолев,
Подруга вечная, тебя не назову я,
Но ты почувешь трепетный напев...

<...>

Прилегли наземь, я глядел и слушал... Довольно гнусно вдруг завыл шакал;
В своих мечтах меня он, верно, кушал, А на него и палки я не взял.

Шакал-то что! Вот холодно ужасно... Должно быть, нуль, — а жарко было днем. Сверкают звезды беспощадно ясно;
И блеск, и холод — во вражде со сном. И долго я лежал в дремоте жуткой,
И вот повеяло: «Усни, мой бедный друг!» И я уснул; когда ж проснулся чутко, — Дышали розами земля и неба круг.

И в пурпуре небесного блистанья
Очами, полными лазурного огня, [1] Глядела ты, как первое сиянье
Всемирного и творческого дня.

Что есть, что было, что грядет вовеки — Всё обнял тут один недвижный взор...
Синеют подо мной моря и реки, И дальний лес, и выси снежных гор.

Всё видел я, и всё одно лишь было — Один лишь образ женской красоты...
Безмерное в его размер входило, — Передо мной, во мне — одна лишь ты.

О лучезарная! тобой я не обманут:
Я всю тебя в пустыне увидел... В моей душе те розы не завянут,
Куда бы ни умчал житейский вал.

Один лишь миг! Видение сокрылось — И солнца шар всходил на небосклон.
В пустыне тишина. Душа молилась, И не смолкал в ней благовестный звон.

Дух бодр! Но всё ж не ел я двое суток, И начинал тускнеть мой высший взгляд.
Увы! как ты ни будь душою чуток, А голод ведь не тетка, говорят.

На запад солнца путь держал я к Нилу
И вечером пришел домой в Каир. Улыбки розовой душа следы хранила,
На сапогах — виднелось много дыр.

<...>

Еще невольник суетному миру,
Под грубою корою вещества
Так я прозрел нетленную порфиру
И ощутил сиянье божества....

26—29 сентября 1898

ЭПИТАФИЯ

Владимир Соловьев
Лежит на месте этом. Сперва был философ, А ныне стал шкелетом.

Иным любезен быв, Он многим был и враг; Но, без ума любив, Сам ввергнулся в овраг.

Он душу потерял, Не говоря о теле: Её диавол взял, Его ж собаки съели.

Прохожий! Научись из этого примера, Сколь пагубна любовь и сколь полезна вера.

15 июня 1892

ПОСВЯЩЕНИЕ К НЕИЗДАННОЙ КОМЕДИИ

Не жди ты песен стройных и прекрасных, У темной осени цветов ты не проси! Не знал я дней сияющих и ясных, А сколько призраков недвижимых и безгласных Покинуто на сумрачном пути.

Таков закон: всё лучшее в тумане, А близкое иль больно, иль смешно. Не миновать нам двойственной сей грани: Из смеха звонкого и из глухих рыданий Созвучие вселенной создано.

Звучи же смех свободною волною, Негодования не стоят наши дни. Ты, муза бедная, над смутною стезею Явись хоть раз с улыбкой молодою И злую жизнь насмешкою незлою Хотя на миг один угомони.

1880

* Стихи даются по сборнику: «Владимир Соловьев. Стихотворения и шуточные пьесы». «Библиотека поэта», Большая серия. Л., 1974.

[1] Эпиграмма выражает возмущение В.С. сугубо «обвинительной» позицией, которую заняли официальные представители церкви на встречах со старообрядцами. Фактически «собеседования» велись с позиции силы. — Прим. ред.

[2] В черновике — подзаголовок: «Посвящается К.П. Победоносцеву». К.П. Победоносцев — обер-прокурор Синода с 1880 по 1907 гг. Вся либерально настроенная интеллигенция считала его душителем свободы и живым символом мракобесия («...Победоносцев над Россией/ Простер совиные крыла...» — А.Блок). Победоносцеву же В.С. иронически посвящает и стихотворение «Кумир Небукаднецара» (т.е. Навуходоносора — А.К.), уподобляя его этому библейскому персонажу — см. Книгу пророка Даниила, гл. 3. — Прим. ред.

[3] «Знаменитый гражданин» — князь В.П. Мещерский, издатель ультрареакционной газеты «Гражданин». Намекая на это, В.С. в другой эпиграмме называет его «Содома князь и гражданин Гоморры...». — Прим. ред.

---

[1] Стих Лермонтова.

: К юбилею Владимира Соловьева (1853—1900)

Поэзия

К ЮБИЛЕЮ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА (1853—1900)

В этом году, 31 июля, исполнилось 100 лет со дня кончины Владимира Сергеевича Соловьева — русского религиозного философа и поэта, заслужившего мировое признание. Автор целого ряда серьезных философско-богословских трудов, привлечших внимание многих не только к общерелигиозной, но и к церковной проблематике, автор невероятно популярной вплоть до сегодняшнего дня «Краткой повести об антихристе», он был одним из первых среди так называемой «светской интеллигенции», кто обратился ко Христу и Церкви после юношеского позитивизма, атеизма и даже кощунства. Он не побоялся выступить против своих недавних кумиров, которых с насмешкой именовал «радикал-натуралистами» и обличал в недостатке радикализма (!). Себя же считал «радикал-метафизиком», а своим идеалом — Богочеловечество, достигшее через Христа «положительного всеединства», т.е. слияния начал Жизни, Добра и Красоты.

Отход от материализма и его критика отнюдь не означали для Вл. Соловьева ренегатства. Он не менее, а зачастую — более резко выступал и против государственно-церковной машины того времени, ее бездушия, цинизма и жестокости, что вызвало прямые гонения на него со стороны правительства. Требуя «свободного развития всех национальных элементов, входящих в состав Российской империи» и отрицая любую охранительную идеологию, он восстал против себя поздних славянофилов и разошелся с ними. О самом Вл. Соловьеве «охранительная» пресса писала так: «...всякая его деятельность вредна для России и православия».

Соловьев отзывался на это не только статьями и письмами, но и стихами, вроде: Благонамеренный И грустный анекдот! Какие меры ны Пасут теперь народ!

Или:

..... Душевный опыт и история, Коль не закроешь ты очей, Тебя научат, что теория Не так важна, как жизнь людей, Что правоверие с безверием Вспоило то же молоко И что с холодным лицемерием Вещать анафемы легко.....

Таких стихов и эпиграмм (весьма едких) В.С. написал много. Но не только их.

Стихи вообще были неотъемлемой частью его творчества. Впрочем, сам Вл. Соловьев не относился к ним слишком серьезно. Несмотря на то, что целый ряд стихотворений — «Имману-Эль», «Ночь на Рождество», «Ex Oriente Lux», «Панмонголизм» и др. — широко читались и цитировались еще при его жизни, он не очень доверял своему поэтическому голосу:

Нескладных виршей полк за полком

Нам шлет Владимир Соловьев.....

(Из Автопародии)

При этом он, словно опасаясь насмешек и спеша их предупредить, часто иронизировал не только над собой, но и над всеми возвышенными образами в своих стихах. Даже стихотворное описание трех самых значительных духовных откровений в его жизни — «сияния божества» Софии, «Вечной Женственности», — он чередовал с шутливыми строками:

Дух бодр! Но все ж не ел я двое суток, И начинал тускнеть мой высший взгляд.....

Конечно, во многом это шло просто от характера Владимира Соловьева — живого, веселого, без замкнутости на себе или метафизических проблемах. И все же — сочетание духовных и философских высот с иронией и сарказмом в его поэзии не случайно. Пророчество и проповедь (а ориентированность его творчества на них очевидна) в истории часто соседствовали с юродством. Кажущееся же несоответствие содержания шуточных стихов или эпиграмм Соловьева великим «образцам» юродства — словам или действиям свв. Симеона Юродивого, Василия Блаженного и т.д. — не должно нас смущать. Время всего «великого» и «значительного» уходило безвозвратно. Не случайно чуть позже, в нач. 20-х гг. нашего столетия, прп. Нектарий Оптинский, тоже как бы «юродствуя», говорил об этом: «Старец Герасим (Иорданский, V в. — А.К.) был велик, у него был лев. А мы малы, у нас — кот».

Поэтому, опираясь на слова «старца всея Руси» преподобного Серафима Саровского: «Веселость — не грех, она отгоняет усталость. А от усталости уныние бывает. А хуже уныния ничего нет», — редакция «Православной общины» решила отметить юбилей Владимира Соловьева обращением к его шуточным стихотворениям и эпиграммам. Наиболее же известные, «хрестоматийные» его стихи мы предлагаем нашим читателям найти самим и прочитать себе или другим в качестве «духовной просфоры».

А. Копировский